

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1974

СОДЕРЖАНИЕ

- Э. Г. Лаврик.* Политика словацких коммунистов по аграрному вопросу на начальном этапе национальной демократической революции 3
- Н. Н. Пузлов.* К истории связей польских и русских социал-демократов в 90-е годы XIX века 16
- В. А. Артамонов.* Русско-польские отношения на Вальной раде 1710 года 25
- Л. С. Кишкин.* Историческая тематика в творчестве Миколаша Алеша 32
- О. Лапатухина.* Реализм и натурализм в романе Реймонта «Обетованная земля» 44

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- А. И. Марченко.* Куйбышевский период деятельности Зденека Неедлы 56
- Ю. К. Бегунов.* Древний герб Болгарии и «Хроника Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя 59
- М. В. Никулина.* Письма М. С. Дринова В. В. Макушеву (1870—1875 гг.) 64

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- Я. С. Мельничук.* Иван Франко о революционных событиях 1848—1849 годов в славянских землях Австрийской империи 70

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Д. Б. Мельцер.* Веселин Хаджиниколов. Георги Димитров и съветската общественост. 1934—1945 74
- Н. П. Мананчикова.* М. М. Фрейденберг. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. 76
- М. Кучинко.* A. Nowakowski. Górne Pobuże w wiekach VIII—XI 80

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>С. Шерлаимова.</i> Сто пятьдесят лет словацкой лирики	81
<i>Ю. И. Ритчик.</i> Распространение и восприятие чешской литературы в немецкой языковой области	84
<i>Ю. Бегунов, П. Бойчева.</i> Новый труд болгарских ученых о творческом наследии Григория Цамблака	87
<i>С. Б. Бернштейн.</i> «Польские говоры в СССР», ч. 1, 2	89
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Новый библиографический указатель литературы эпохи национального Возрождения Болгарии	91

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1973 г.	94
Содержание иностранных журналов	105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. В.</i> В Институте славяноведения и балканистики АН СССР	108
<i>И. К.</i> К 60-летию члена-корреспондента АН СССР Д. Ф. Маркова	108
<i>В. И. Злыднев.</i> Консультативное совещание экспертов по Проекту ЮНЕСКО «Изучение славянских культур»	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубицкий пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Э. Г. ЛАВРИК

ПОЛИТИКА СЛОВАЦКИХ КОММУНИСТОВ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Коммунистическая партия Чехословакии, выступавшая в годы второй мировой войны ведущей силой движения Сопротивления в стране, придавала первостепенное значение привлечению в антифашистский лагерь словацкого крестьянства. Заинтересованность крестьянских масс в ликвидации тисовского режима, не способного разрешить аграрный вопрос, и в проведении земельной реформы делала их потенциально наиболее последовательным союзником рабочего класса в борьбе за демократическое переустройство общества. Выдвижение таких программных требований в области земельных отношений, которые учитывали бы интересы крестьянства и способны были поднять деревню на активную политическую борьбу, являлось одной из важнейших задач Коммунистической партии.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть формирование взглядов словацких коммунистов на решение аграрного вопроса на завершающем этапе войны, а также причины, побудившие руководство Коммунистической партии Словакии отказаться от проведения в начале национально-демократической революции всеобщей земельной реформы, предусматривающей полную ликвидацию крупного землевладения.

Разрабатывая требования по аграрному вопросу в годы войны, коммунисты Словакии учитывали, что в условиях национально-освободительной борьбы и ориентации на создание широкого Национального фронта, необходимо временно отказаться от немедленного проведения в жизнь положений аграрной программы КПЧ, разработанной в предвоенные годы и наметившей ликвидацию в стране крупного землевладения, передачу земли крестьянам по принципу: «Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает»¹. В условиях разворачивающейся национально-освободительной борьбы важно было найти грань, четко отделявшую интересы профашистски настроенных групп населения и тех его слоев, которые выражали готовность вести борьбу с фашистскими порядками.

Однако коммунисты не отказались от намерения осуществить в будущем справедливое перераспределение земельной собственности в стране в пользу беднейших слоев крестьянства. Об этом свидетельствуют выступления деятелей КПС, коммунистическая пресса и ряд документов КПС периода Словацкого национального восстания, начавшегося в конце августа 1944 г. Так, в заявлении Коммунистической партии Словакии

¹ Речь идет о «Плане экономического, социального и культурного развития Словакии», принятом на конференции КПЧ в Банской Быстрице 16—17 мая 1937 г.

от 2 сентября 1944 г. указывалось, что после завоевания национальной независимости на повестку дня встанет вопрос о ликвидации эксплуататорских классов в Чехословакии: «... добившись поражения последнего оплота фашизма в Европе — Германии, трудящиеся встанут на путь завоевания политической и социальной свободы»². На объединительном съезде Коммунистической партии Словакии и Социал-демократической партии 1 сентября 1944 г. К. Шмидке говорил о необходимости пересмотра прав собственности на землю в пользу малоземельного крестьянства: «В то время, как 70% нашей деревенской бедноты не имеет земли, 3% крупных землевладельцев держит в своих руках более 60% всей земли. Землю должен получить тот, кто ее обрабатывает. Землю должны получить мелкие крестьяне»³. В статье «О проектах решения Коммунистической партией Словакии крестьянского вопроса в освобожденной республике», опубликованной 21 сентября 1944 г. в газете «Правда», выходившей на освобожденной повстанцами территории, подтверждается, что коммунисты будут стоять на стороне мелких крестьян, которые составляют подавляющее большинство сельского населения, и будут бороться за ликвидацию частнокапиталистических крупных владений⁴. Как следует из документов Коммунистической партии Словакии, непременным условием проведения глубоких социальных преобразований в области земельных отношений являлось завоевание независимости и свержение фашистского режима. Требование передачи всей земли мелким крестьянам выдвигалось коммунистами не в качестве лозунга текущего момента, а как перспективное. Так, резолюция объединительного съезда КПС и социал-демократов гласит: «... от нового государства (выделено мной. — Э. Л.) мы будем требовать и нового решения экономических и социальных вопросов. Мы будем требовать социализации заводов, фабрик, банков, передачи земли мелким крестьянам...»⁵. Конкретные шаги в области земельных отношений, по мнению словацких коммунистов, могли привести в ходе боев к политическим осложнениям⁶. В КПС не было еще четкого представления о том, как надо в данной конкретной ситуации решать аграрную проблему⁷, ибо в этот период на первый план выдвигались вопросы военного значения.

Впоследствии, оценивая политику коммунистов в деревне, Г. Гусак писал: «Мой сегодняшний взгляд таков, что во время Словацкого национального восстания мы (т. е. коммунисты. — Э. Л.) должны были определить и конкретнее поставить крестьянский вопрос и таким образом показать мелким крестьянам ясную перспективу изъятия земель у владельцев крупных хозяйств и распределения ее среди мелких крестьян. Не для того, чтобы это практически осуществить во время восстания, а для того, чтобы лучше мобилизовать мелких крестьян на антифашистскую борьбу, чтобы дать им конкретную перспективу после освобождения»⁸.

К осени 1944 г. руководство КПЧ в Москве уже имело четкие представления относительно планируемых на начальном этапе национально-демократической революции преобразований в области земельных отношений, сводившихся к ликвидации земельных владений немцев, венгров (исключая антифашистов), предателей народа и коллаборационистов. Точка

² «Cesta ke květnu. Československo na cestě k socialismu. Dokumenty», Praha, 1965, sv. I, dok. 51, s. 207.

³ «Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén». Bratislava, 1971, s. 35.

⁴ «Cesta ke květnu...», sv. I, dok. 65, s. 237—239.

⁵ «Komunistická strana Slovenska...», s. 40.

⁶ G. H u s á k. Svědectví o Slovenském Národním povstání. Praha, 1970, s. 365.

⁷ Ibid., s. 283—285.

⁸ Ibid., s. 285.

зрения руководства КПЧ в Москве была изложена на заседании Словацкого национального совета⁹ (СНС) 3 октября 1944 г. Я. Швермой, прибывшим в район восстания из Москвы в конце сентября 1944 г. Я. Шверма в своем выступлении, в частности, сказал: «Что касается социальных вопросов в принципе, то все они в основе выяснены. Собственность немцев, предателей и коллаборационистов должна быть конфискована...»¹⁰. М. Чулен, прибывший в Банску Быстрицу вместе с Я. Швермой, пропагандировал среди крестьян (например в дер. Немецка 13 октября 1944 года) это требование¹¹. Осуществление его вызвало бы определенные сдвиги в социальной структуре словацкой деревни, где сравнительно большая масса земли находилась в руках венгерских и немецких крупных земельных собственников, конфискация земельных владений которых могла в известной мере удовлетворить земельный голод словацкого крестьянства. М. Чулен обосновал подобное требование тем, что главной задачей нации на данном этапе является борьба против немецких захватчиков.

И после Словацкого национального восстания решение вопроса о земельной реформе связывалось КПС с частичной ликвидацией крупного землевладения. Такая постановка вопроса о земле не вполне удовлетворяла крестьян, подразумевавших под земельной реформой ликвидацию всего крупного землевладения. Еще в период Словацкого национального восстания в ряде мест состоялись выступления крестьян за раздел земли. Например, на митинге в дер. Малинец (район Ловинобана) в начале октября 1944 г. 400 крестьян требовали провести безотлагательно земельную реформу, руководствуясь лозунгом: «Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает»¹². В конце января — феврале 1945 г. в деревнях восточной Словакии, освобожденных от гитлеровцев, крестьяне настаивали на разрешении земельного вопроса по тому же принципу. На крестьянском собрании в Кралевском Хлумце 19 февраля 1945 г. было выдвинуто требование конфискации земельной собственности церкви¹³. За парцеллирование владений католической церкви выступали беднейшие слои крестьян Кошицкого, Гемерского, Шарипского районов, а также Спишской области¹⁴.

Однако Коммунистическая партия Словакии не могла на этом этапе революции поддержать столь радикальные требования крестьян — до окончательной победы над фашизмом сохранялась необходимость в широком Национальном фронте. На позицию руководства КПС оказала существенное влияние беседа между находившимися в первой половине декабря 1944 г. в Москве представителями КПС и Г. Димитровым, в то время заведующим отделом ЦК ВКП(б). Г. Димитров сказал тогда, что для решения всех задач послевоенного строительства не хватит сил только одного класса или только одной партии. Коммунистам нужны будут союзники и поэтому, имея в виду союзников, коммунисты должны себя сдерживать. Коммунисты не должны думать, что то, чего сегодня хотят они, хочет и нация. Чтобы нация поняла стремление коммунистов, ей необходимо дать время подумать¹⁵.

⁹ Словацкий национальный совет — руководящий орган движения Сопротивления в Словакии, в состав которого входили коммунисты и представители части оппозиционно настроенной по отношению к клерофашистскому режиму буржуазии.

¹⁰ «Cesta ke květnu...», sv. I, dok. 74, s. 256.

¹¹ «Pravda», 14 X 1944.

¹² «Pravda», 8 X 1944.

¹³ S. C a m b e l. Problém generálnej pozemkovej reformy na Slovensku v rokoch 1944—1945. «Sborník Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského. Historica». Roč. XVIII, 1967, s. 29—30.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ G. H u s á k. Ibid., s. 508.

Эти же мотивы принимало во внимание руководство КПЧ в Москве при разработке программы строительства новой жизни в освобожденной республике. Позиция руководства КПЧ в аграрном вопросе обусловливалась комплексом причин, прежде всего наличием антигитлеровской коалиции, поддержкой западными союзниками Э. Бенеша. Коммунисты должны были учитывать точку зрения и взгляды буржуазных партнеров, считаться с политическим влиянием Э. Бенеша в Чешских землях. Следует отметить также расчет на послевоенное решение национального вопроса в Чехословакии путем выселения немецкого и венгерского национальных меньшинств (исключая антифашистов) из страны¹⁶.

Именно поэтому при обсуждении с Г. Гусаком в Москве в конце января 1945 года вопроса о земельной реформе К. Готвальд предлагал не затрагивать владений церкви, земельную собственность «не скомпрометировавших» себя сотрудничеством с нацистами чехов и словаков¹⁷.

Словацкие коммунисты, принимая во внимание требования крестьян зимой 1945 г., а также сильный земельный голод в Словакии, предлагали провести здесь полную ликвидацию крупного землевладения¹⁸. Учитывая ситуацию в Чешских районах и полагая, что земельный голод будет удовлетворен за счет выселения немецкого и венгерского национальных меньшинств из Чехословакии, К. Готвальд считал более правильным поэтапное проведение земельной реформы¹⁹. Словацкие коммунисты согласились с точкой зрения руководства КПЧ в Москве, надеясь в ближайшем будущем, в зависимости от развития событий, вернуться к вопросу о всеобщей земельной реформе²⁰.

Подобные соображения руководства КПЧ были высказаны также в марте 1945 года во время обсуждения вопросов политических и социально-экономических преобразований в будущей республике с представителями буржуазной эмиграции и членами СНС, которое проходило в Москве. На одном из заседаний К. Готвальд подчеркнул, что из политических соображений необходимо ограничить проводимые в области земельных отношений мероприятия национальными рамками (К. Готвальд назвал эту акцию национализацией. — Э. Л.). К. Готвальд обратил внимание на то, что условия, сложившиеся в ЧСР к моменту освобождения, не позволяли провести аграрные преобразования столь радикальным путем, как это было сделано в Польше или Венгрии²¹.

Исходя из рекомендаций руководства КПЧ, словацкие коммунисты приступили к проведению земельной реформы не только в восточных районах Словакии, но также в центральных, южных и западных по мере их освобождения от фашистских захватчиков.

¹⁶ При условии выселения венгерского национального меньшинства из Чехословакии в южной Словакии освобожден был значительный земельный фонд (70—75% всей земли, подлежащей конфискации на первом этапе национально-демократической революции) для целей земельной реформы.

¹⁷ G. Husák. Ibid., s. 525.

¹⁸ Свыше 100 тыс. га земли было занято в Словакии поместьями церкви. Поскольку словацкий католический клир скомпрометировал себя сотрудничеством с клерофашистским режимом, то раздел его владений мог бы удовлетворить материальные запросы деревенской бедноты, привлечь ее на сторону революции.

¹⁹ Советы и рекомендации руководства КПЧ в Москве были учтены при разработке постановления СНС о земельной реформе от 27 февраля 1945 г., которое оставляло неприкосновенными земельные владения церкви, чешских и словацких крупных собственников, за исключением коллаборационистов. Несколько позднее в таком же плане была сформулирована и в апреле 1945 г. обнародована программа правительства Национального фронта чехов и словаков, получившая название Кошицкой.

²⁰ Руководство КПС вновь поставило этот вопрос в конце февраля — начале марта 1945 г. См. «Komunistická strana Slovenska...», s. 118—119.

²¹ «Cesta ke květnu...», sv. I, dok. 132, s. 421.

Весной 1945 г. перспективы реализации постановления СНС от 27 февраля 1945 г. о земельной реформе в ряде районов восточной Словакии были обнадеживающими. Так, к началу марта 1945 г. в большинстве деревень Прешовского района были составлены списки претендентов на получение участков земли, после чего крестьяне приступили к парцелированию земельной собственности лиц словацкой и чешской национальности, сотрудничавших с фашистским режимом²². По сообщению областного комитета КПС в Прешове летом 1945 г., первый этап земельной реформы здесь был завершен. 22 крупных земельных поместья размером около 4008 га пахотной земли распределили между собой 1500 малоземельных и безземельных крестьян²³. Столь же успешно проводился первый этап земельной реформы в Михаловецком районе. Там 17 поместий размером около 3462 га пахотной земли было передано малоимущим слоям крестьянства²⁴. Быстрыми темпами проходила реформа в Спишской области, где большим количеством земли владели лица немецкой национальности, переселявшиеся на запад уже с начала января 1945 г. в связи с приближением частей Советской Армии и Чехословацкого армейского корпуса. Заселением опустевших деревень Кежмарского, Гелницкого, Попрадского, Спишконововесского районов занималась созданная 17 марта 1945 г. по инициативе словацкого коммуниста М. Фалтына специальная комиссия²⁵. Она провела переселение части беднейших крестьян из горных районов восточной части Спишской Старой Веси, Старой Любовни в оставленные немцами деревни²⁶.

Иным было положение в южной части восточной Словакии²⁷. Здесь не могло начаться сразу же после освобождения распределение земельной собственности венгров, ввиду того, что длительное время не был решен вопрос о судьбах венгерского меньшинства в Чехословакии²⁸. По сообщению местных партийных организаций КПС, до июля 1945 г. земельная реформа в южной части восточной Словакии не проводилась вообще или же — в исключительных случаях²⁹.

Малоутешительным было положение на севере западной и центральной Словакии, где вовсе не было плодородной земли, подлежащей конфискации на I этапе земельной реформы. Крестьяне районов Долны Кубин, Наместово, Тртена, Чадец, Кисуцке Нове Место, владеющие малопродуктивными землями, ожидали переселения на юг, где земли были более пригодны для земледелия и где проживало большинство лиц венгерской национальности. Из района Наместово в ведомство по делам сельского хозяйства было направлено 766 просьб крестьян, желавших переселиться в южную часть страны, но ни одна из них до августа 1945 года не была удовлетворена³⁰. Из присланных крестьянами Мьявского района 400

²² Státny Slovenský Ústredný Archív (далее SSUA). Bratislava, fond Úrad Predsedníctva Sboru Poverenikov (далее ÚPSP), kr. 204, č. sp. 8135.

²³ Archív Ústavu dejín Komunistickej strany Slovenska (далее АУД КСС), Bratislava, f. 13, a. j. 8, s. 19.

²⁴ Ibid., f. 15, a. j. 3, s. 53.

²⁵ «Cesta ke květnu...», sv. II, dok. 183, s. 544—545.

²⁶ «Pravda», 10 IV 1945.

²⁷ Сюда входили, в частности, районы Велке Капушаны (здесь проживало 55,7% граждан венгерской национальности), Кралевски Хлумец (78,8%), южная часть Требишова (8,4%), Кошице (19,8%), Молдава (56,6%), Рожнява (35,5%). I. Š k u r l o. Február 1948 na Východnom Slovensku. «Východné Slovensko pred Februárom». Košice, 1968, s. 202.

²⁸ Первоначальные планы чехословацкого правительства о выселении лиц венгерской национальности (на это было рассчитано и постановление СНС от 27 февраля 1945 г.) не были реализованы. См. подробно J. P u r g a t. Niektoré otázky maďarskej menšiny v Československu. «Východné Slovensko pred Februárom». Košice, 1968.

²⁹ АУД КСС, Bratislava, f. 13, a. j. 8, s. 11, 56, 58.

³⁰ Ibid., f. 15, a. j. 3, s. 53.

просьб о переселении до июля 1945 года было удовлетворено лишь 57³¹. К концу августа 1945 г. из 10 578 просьб о переселении было удовлетворено 2014, т. е. всего 19%³². Не были переселены крестьяне из районов Трстена, Долны Кубин, Чадце, Бытча, Кисуцке Нове Место³³. Вообще не проводилась реформа в районах Паркань, Дунайска Стреда, Модры Камень, Крупина, Нове Замки³⁴, Фелёдинце³⁵. О медленных темпах проведения земельной реформы сообщали коммунисты из Жилины, Левице, Малацки, Врable, Модры, Нитры, Сеницы, Скалицы, Банской Быстрицы, Бановце над Бебравоу, Тренчина, Братиславы³⁶.

Помимо объективных причин, затруднявших реализацию в Словакии постановления СНС от 27 февраля 1945 г., необходимо отметить усиленное сопротивление представителей второй партии словацкого Национального фронта — буржуазной Демократической партии проведению первого этапа реформы. Руководство Демократической партии, надеясь на спад революционной волны в будущем, стремилось замедлить темпы ликвидации земельной собственности предателей и коллаборационистов³⁷.

Реализация постановления Словацкого национального совета от 27 февраля 1945 г. не оправдала надежд большей части крестьянства Словакии, не улучшила их бедственного положения, а это в свою очередь могло повлиять на их отношение к народно-демократическому строю³⁸.

В таких условиях важно было найти выход из создавшегося положения, сломить сопротивление реакционных элементов Демократической партии, устранить все препятствия, мешающие выполнению требований трудового крестьянства Словакии, дать им почувствовать преимущества нового народно-демократического строя, привлечь их на сторону революции и мобилизовать на борьбу за дальнейшее ее развитие.

Словацкие коммунисты снова вернулись к мысли о необходимости проведения в Словакии всеобщей земельной реформы. На заседании народнохозяйственной комиссии при ЦК КПС в конце апреля 1945 г. отмечалось, что объективная обстановка в Словакии позволяет приступить к немедленной реализации многих назревших вопросов, в том числе и всеобщей земельной реформы. Члены народнохозяйственной комиссии пришли к выводу, что медлить с реализацией ставших актуальными вопросов и ждать, пока в чешских районах тоже будут созданы условия для проведения их в жизнь, не имеет смысла, так как «промедление может повлечь

³¹ Ibid., s. 52.

³² «Národná obroda», 29 VIII 1945.

³³ AÚD KSS, Bratislava, f. 13, a. j. 8, s. 56; f. 15, a. j. 3, s. 57, 63.

³⁴ Ibid., f. 13, a. j. 8, s. 19, 56, 57; f. 15, a. j. 3, s. 56, 58.

³⁵ SSUA Bratislava, f. Povereníctvo Vnútra (далее PV), kr. 252, č. sp. 4706.

³⁶ AÚD KSS, Bratislava, f. 13, a. j. 8, s. 9, 18, 21, 53, 56, 57, 60; f. 15, a. j. 3, s. 57.

³⁷ S. C a m b e l. Agrárna otázka na Slovensku a naša revolúcia. 1944—1948. Bratislava, 1958.

³⁸ Противоположный эффект первый этап земельной реформы имел в Чешских землях. Там намечалось конфисковать 8 400 449 га (из них 1 405 040 га пахотной). Весьма существенным моментом было то, что сразу после освобождения страны могло начаться переселение чешских крестьян в пограничные районы, в которых проживали лица немецкой национальности. Вопрос о выселении немецкого национального меньшинства (кроме антифашистов) был решен уже к концу войны и одобрен странами, — участниками антигитлеровской коалиции. Потсдамская конференция (17 июля — 2 августа 1945 г.) глав правительств трех великих держав лишь закрепила юридически уже проходившее полным ходом переселение немцев из пограничных районов Чехословакии. См. подробно J. P u r g a t. Niektoré otázky maďarskej menšiny v Československu. «Východné Slovensko pred Februárom». Košice, 1968; «Prehľad dejín KSC na Slovensku». Bratislava, 1971.

за собой тяжелые последствия в деле восстановления экономики и вызовет массу трудностей политического характера»³⁹.

В мае 1945 г. в восточной Словакии прокатилась волна крестьянских выступлений за ликвидацию крупного землевладения. Крестьяне тех районов, где не было осложнений в проведении реформы и первый ее этап был близок к завершению (например, в Михаловецком районе)⁴⁰, требовали расширить масштабы реформы. Но особенно настоятельно требования всеобщей земельной реформы раздавались в тех местах, где первый ее этап по той или иной причине не был проведен вообще. Крестьяне таких районов, к примеру Свидницкого, где имелось мало земли, подлежащей конфискации на первом этапе выступали за полную ликвидацию крупного землевладения и требовали от местных партийных организаций КПС выполнения решения Кошицкой конференции (март 1945 г.) о проведении в Словакии реформы по принципу «земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает»⁴¹. В Левочском районе, где 3/2 пахотной земли находилось в собственности евангелической и католической церкви, крестьяне, не получившие землю на первом этапе реформы, парцелировали эту землю⁴², хотя по постановлению СНС церковные земли конфискации не подлежали. На конфискации всех поместий, превышавших 50 га пахотной земли, настаивали крестьяне Врановского⁴³, Кошицкого⁴⁴, Требишовского районов⁴⁵.

К концу мая 1945 г. с требованием конфискации земельных владений всех крупных земельных собственников без исключения выступили крестьяне ряда районов западной Словакии. Характерно, что наряду с парцеляцией земли, подлежавшей конфискации согласно постановлению СНС от 27 февраля, они приступали к практическому проведению всеобщей земельной реформы. Поместья чешских и словацких крупных земельных собственников, принадлежавших к лагерю антифашистской буржуазии, распределялись деревенской беднотой в районах Врбле, Злате Моравце, Нитра, Тренчин, Братислава⁴⁶, Глоговец⁴⁷.

Религиозность, столь свойственная словацкой деревне, не мешала деревенской бедноте настаивать на справедливом распределении земельной собственности, даже той, которая принадлежала церкви. Так, областной комитет КПС Ружомберка в письме, направленном в ведомство внутренних дел Г. Гусаку в первых числах июня, сообщал, что деревни, «где находятся крупные церковные поместья, по собственной инициативе (выделено мной. — Э. Л.) приступают к конфискации церковной земельной собственности». И далее: «...мы просим, чтобы ЦК КПС рассмотрел этот вопрос и прислал местным работникам партии Ружомберкского и Кошицкого районов указания, как им следует поступать в подобных случаях». Руководители областного комитета КПС Ружомберка были убеждены в том, что настало время для освещения этой проблемы в прессе, причем такое освещение, по их мнению, должно было быть осторожным и продуманным, чтобы у реакционеров не нашлось повода для выступления против народно-демократического строя⁴⁸.

³⁹ AÚD KSS, Bratislava, f. 24, a. j. 1, s. 9.

⁴⁰ S. C a m b e l. Problém generálnej pozemkovej reformy..., s. 31.

⁴¹ AÚD KSS, Bratislava, f. Ustredný Výbor Komunistickej strany Slovenska/2 (далее ÚV KSS/2), a. j. 16, s. 6.

⁴² Ibid., s. 5.

⁴³ «Pravda», 26 V 1945.

⁴⁴ AÚD KSS, Bratislava, f. 15, a. j. 3, s. 60.

⁴⁵ SSÚA, Bratislava, f. ÚPSP, kr. 80, č. sp. 5709.

⁴⁶ AÚD KSS, Bratislava, f. 13, a. j. 14, s. 16.

⁴⁷ SSÚA, Bratislava, f. PV, kr. 5, č. sp. 966.

⁴⁸ AÚD KSS, Bratislava, f. 13, a. j. 14, s. 24.

О все более настойчивых требованиях деревенской бедноты ликвидировать владения католической церкви сообщали коммунисты районов Братиславы⁴⁹, Малацки⁵⁰, Нитры⁵¹, Тренчина⁵², Модрого Камня⁵³, а также областной национальный комитет в Скалице⁵⁴.

Местная организация КПС в Долных Страрохах Модрокамепского района, обращаясь к руководству партии с просьбой передать беднейшим слоям крестьян владения католической и евангелической церкви, писала: «Это предложение мы вносим по требованию крестьян, которые живут в надежде получить участок земли из церковных владений»⁵⁵.

Участники Словацкого национального восстания — крестьяне дер. Рыбники Левицкого района требовали от местной организации Коммунистической партии разделить находящееся на территории земельного массива их деревни крупное имение католической церкви: «... на партизан не распространяются никакие параграфы, и КПС может смело parcelировать поместье церкви в Рыбниках, коммунисты никого не должны бояться, а кто против этого выступит, тот будет уничтожен, поместье должно быть и будет конфисковано, даже в том случае, если бы за это вновь пришлось проливать кровь»⁵⁶.

Об углублении земельной реформы говорилось на областных конференциях КПС, прошедших в конце мая 1945 г. в Братиславе, Нитре и Тренчине. В работе конференции западных районов Словакии приняли участие руководители КПС К. Шмидке, Г. Гусак, В. Широкий. Представители местных парторганизаций КПС на этих конференциях отмечали ограниченность проводимых аграрных преобразований и настаивали на их расширении. О поддержке позиции местных организаций коммунистов руководством партии свидетельствуют выступления Г. Гусака и М. Чулена 20 мая 1945 г. на областной конференции КПС в Братиславе. Масштабы земельной реформы, заявил в своем выступлении Г. Гусак, будут расширяться и затронут все поместья в Словакии. Необходимо провести подготовительные работы по реализации второго этапа земельной реформы⁵⁷.

М. Чулен обосновал необходимость проведения всеобщей земельной реформы тем, что конфискованной до сих пор у немцев, венгров и предателей народа земли недостаточно для удовлетворения запросов трудовых слоев крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата: «... в восточной Словакии давали по 0,5 га земли, такое количество не удовлетворит ни крестьянина, ни рабочего». М. Чулен поддержал требования крестьян, выступавших за раздел земельных владений католической церкви. Он подчеркнул, что церковные поместья необходимо конфисковать не потому, что они церковные, а потому, что все поместья, превышающие 50 га, должны получить трудовые слои крестьянства⁵⁸.

В резолюции, принятой делегатами Братиславской областной конференции коммунистов, говорилось о проведении в кратчайший срок земельной реформы, которая уничтожит крупное землевладение в стране. Учитывая позицию католического духовенства, вставшего во время войны на путь сотрудничества с фашистским режимом, конференция посчитала

⁴⁹ Ibid., f. 15, a. j. 3, s. 59.

⁵⁰ SSUA, Bratislava, f. PV, kr. 75, č. sp. 108.

⁵¹ AÚD KSS, Bratislava, f. 15, a. j. 3, s. 58.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid., f. 13, a. j. 37 (I), s. 2.

⁵⁴ SSUA, Bratislava, f. PV, kr. 181; č. sp. 2023.

⁵⁵ AÚD KSS, Bratislava, f. 13, a. j. 37 (I), s. 3.

⁵⁶ SSUA, Bratislava, f. PV, kr. 812; č. sp. 144.

⁵⁷ См. AÚD, KSS Bratislava, f. ÚV KSS/2, a. j. 1(I), s. 23.

⁵⁸ Ibid.

требования крестьян в отношении крупного церковного католического землевладения обоснованными и поддержала их⁵⁹. В резолюциях двух других конференций коммунистов Словакии (Нитринской и Тренчинской) также поддерживались требования всеобщей земельной реформы⁶⁰. Резолюции трех областных конференций были названы программой словацких коммунистов⁶¹. Согласно резолюциям областных конференций КПС западной Словакии начало всеобщей земельной реформы намечалось после завершения первого этапа земельной реформы и планировалось на конец июня 1945 г.⁶²

Таким образом, коммунисты западной Словакии поддержали резолюцию областной конференции коммунистов восточной Словакии, проходившей в феврале — марте 1945 г. в Кошице, о земельной реформе⁶³.

Народнохозяйственная комиссия при ЦК КПС к 25 мая 1945 г. завершила работу над проектом обширной программы Коммунистической партии Словакии — программы подъема и восстановления сельского хозяйства страны. Документ намечал пути решения экономических, социальных и культурных вопросов деревни Словакии: предоставление дешевого кредита крестьянам, создание Единого союза словацких крестьян и ликвидацию Крестьянской палаты, демократизацию сельскохозяйственной кооперации и системы сбыта сельскохозяйственной продукции, дифференцированные цены на продукты сельскохозяйственного производства, колонизацию, всеобщую земельную реформу⁶⁴.

Особое место в проекте программы занимал вопрос о всеобщей земельной реформе. Согласно проекту, конфискации за выкуп подлежали три категории земельных владений: вся земля и сельскохозяйственный инвентарь лиц, которые сами на земле не работали и использовали ее в целях обогащения и наживы (адвокаты, банкиры, фабриканты, различные торговые общества); земельная собственность всех без исключения лиц, если ее количество превышало 30 га земли, причем допускалось увеличение размера участка, оставшегося в собственности владельца до 50 га (в этих случаях принималось во внимание количество членов семьи собственника, урожайность земли и т. д.); земельная собственность церкви. Относительно последней предлагалось три варианта решения:

1. Выкуп половины земельных владений церкви, остальные 50% церковь могла использовать для благотворительных целей.
2. Выкуп всей церковной земельной собственности.

⁵⁹ AÜD KSS, Bratislava, f. UV KSS/2, a. j. 1(I), s. 27.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ «Pravda», 24 V 1945.

⁶² AÜD KSS, Bratislava, f. UV KSS/2, a. j. 1(I), s. 27; «Pravda», 24 V 1945.

⁶³ Требование всеобщей земельной реформы было несколько позднее поддержано и коммунистами центральных районов Словакии, в частности областной конференцией КПС 3 июня 1945 г. в Римавской Сободе, в которой приняли участие 78 делегатов из Лученецкого, Фелединецкого, Торнальского, Рожнявского и Ревуцкого районов. Подобное требование выдвигалось и на конференции КПС, которая проходила 1 июля 1945 г. в Банской Быстрице. Выступивший перед делегатами К. Шмидке заверил участников конференции, что уже готовится проект постановления о ликвидации всего крупного землевладения. В резолюции областной конференции коммунистов, принятой 11 июля 1945 г. в Ружомберке, подчеркивалось: «...областная конференция КПС, идя навстречу пожеланиям крестьян Оравской и Липтовской области, настойчиво требует, чтобы как можно скорее вышло постановление о всеобщей земельной реформе, которое передало бы всю землю тем, кто ее обрабатывает». Такие же требования выдвигались крестьянами Пиешгянского района, районной конференцией КПС Нового Места над Вагом. См. S. C a m b e l. *Revolučný rok 1945*. Banská Bystrica, 1965, s. 271—275; «Pravda», 5 VII 1945; 18 VII 1945; 19 VII 1945.

⁶⁴ S. C a m b e l. *Formovanie roľníckej politiky KSS do jesene roku 1945*. «Prve kroky po oslobodení». Bratislava, 1970, s. 97—98.

3. Оставление церкви всей земельной собственности.

26 мая 1945 г. выработанная в народнохозяйственной комиссии часть проекта программы, касающаяся земельной реформы, была представлена на обсуждение коммунистической фракции в СНС. Участники заседания внесли в проект изменения, предложив снизить размер надела, оставляемого в собственности владельца с 30—50 до 20—35 га пахотной земли. В вопросе о церковном землевладении они более склонялись к одобрению полной или же частичной его ликвидации⁶⁵ и передаче поместий католической церкви малоземельным и безземельным крестьянам, исходя из того, что политическое влияние католицизма на массы верующих было поколеблено еще в ходе национально-освободительной борьбы⁶⁶.

Однако окончательное решение относительно крупного католического землевладения фракция КПС так и не приняла, считая, что в этом вопросе не обойтись без предварительной договоренности с представителями католической церкви⁶⁷.

Проект программы всеобщей земельной реформы с внесенными в него фракцией КПС поправками вновь встал на повестке дня народнохозяйственной комиссии при ЦК КПС 7 июня 1945 г. М. Фалтян категорически возражал против снижения размеров участка, оставляемого в собственности владельца, до 20—35 га вместо предполагаемых ранее 30—50 га. Свою позицию в этом вопросе он обосновывал, в частности, психологическими моментами: «Мы не должны подходить вплотную к границам земельного надела средних слоев крестьянства (эта граница проходила между 20—25 га)». М. Фалтян считал необходимым гарантировать неприкосновенность земельной собственности середняка, развеять все его опасения и подозрения⁶⁸. В отличие от фракции коммунистов в Словацком национальном совете, народнохозяйственная комиссия высказалась за третий вариант решения вопроса о католическом землевладении, т. е. отказалась от конфискации церковных имений⁶⁹.

⁶⁵ S. C a m b e l. Formovanie rol'nickej politiky..., s. 99.

⁶⁶ Восстание 1944 г. приобрело общенациональный характер благодаря разоблачению антинародной сущности политики клерофашистского режима и ослаблению политического влияния католической церкви на массы трудящихся, прежде всего на малоземельное крестьянство. Восстание было направлено не только против фашизма, но и против католической церкви, которая служила его идеологической опорой. В силу того, что высшее словацкое католическое духовенство полностью, за незначительным исключением, было связано с тисовским режимом, со Словацкой народной партией Глипки (в отличие от чешского католического духовенства, которое в своем большинстве не смирилось с оккупацией и боролось против фашизма), оно не принимало участия в восстании. Относясь внешне нейтрально к происходившим в стране осенью 1944 г. событиям, служители католической церкви в Словакии в действительности скрыто ненавидели все, что было связано с восстанием, поддерживали клерофашистский режим правительства Тисо и тогда, когда наступал его полный распад, — отмечает Г. Гусак в своей работе «Свидетельство о Словацком Национальном восстании». И продолжает: «Нашлись лишь два-три католических священника (д-р Страка и другие), которые открыто стали на сторону восстания и помогали ему, остальные втайне были враждебны к восстанию». См. G. H u s á k. Ibid., s. 286.

⁶⁷ AUD KSS, Bratislava, f. 3, a. j. 1, s. 9.

⁶⁸ AUD KSS, Bratislava, f. 21, s. j. 31, s. 7—8.

⁶⁹ Народнохозяйственная комиссия исходила из того, что правительство Национального фронта (в том числе и руководители Коммунистической партии Чехословакии) ориентировались на сотрудничество с католической церковью на первом этапе национально-демократической революции, на сохранение национального единства, с таким трудностями достигнутого в период борьбы с фашизмом. Она учитывала также и то обстоятельство, что католическое духовенство, несмотря на всю свою ненависть к народно-демократическому государству, занимало в первой половине 1945 г. выжидательную позицию и удерживалось от какого бы то ни было проявления нелояльности по отношению к государству. Высшее католическое духовенство не выступало открыто против Кошицкой правительственной программы, опасаясь углубления политической изоляции, в которую оно попало в конце войны. Свою роль в этом сыграло присутствие

До начала июля 1945 г., т. е. до попыток представителей католической иерархии перейти в открытое выступление против народно-демократического государства, в руководстве КПС так и не выработалось единой точки зрения по вопросу о церковном землевладении. Попытки высшего католического духовенства создать партию, подобную бывшей глинковской партии, послужили предлогом для КПС выступить с более решительными мерами, направленными на ликвидацию экономической базы реакционного католического духовенства:

13 июля 1945 г. президиум КПС в связи с определением позиции партии по отношению к действиям католического клира рассмотрел вопрос о всеобщей земельной реформе. Участники совещания отмечали, что реакционные католические круги не только не порвали с прошлым, но, наоборот, сознательно стремятся захватить власть в свои руки. Совещание приняло решение о ликвидации экономических позиций реакционного католического клира⁷⁰ и развертывании на местах движения за раздел крупных земельных владений церкви. Предполагалось начать кампанию в прессе за проведение второго этапа земельной реформы, который должен был затронуть и церковную земельную собственность⁷¹.

В тот же день, 13 июля 1945 г. состоялось совещание крестьянского отдела при ЦК КПС, участники которого поддержали решение президиума ЦК КПС относительно ликвидации земельных владений католической церкви⁷². Совещание постановило доработать вариант проекта о всеобщей земельной реформе, одобренный президиумом ЦК партии, и опубликовать полный его текст; проинформировать народнохозяйственную комиссию при ЦК КПЧ в Праге о намерении словацкого руководства КП приступить к проведению всеобщей земельной реформы в Словакии⁷³.

Вопросы, связанные с проведением земельной реформы в Словакии, затрагивались на конференции КПС в августе 1945 г. в Жилине. Многие делегаты конференции неоднократно поднимали вопрос о полной ликвидации крупного землевладения в Словакии. К примеру, делегат Грушиак (в протоколе не указано, какую парторганизацию он представлял на конференции) заявил: «Я настаиваю на передаче земли тем, кто ее обрабатывает». С требованием конфискации земельных владений церкви выступали представители районов Модры, Братиславы, Жилины. О заинтересованности деревенской бедноты в проведении всеобщей земельной реформы сообщали также представители Глоговецкого, Пиештянского, Прешовского, Свидницкого, Михаловецкого, Римавско-Соботского, Спишско-Новovesкого районов. Некоторыми делегатами был затронут вопрос о переселении словацких крестьян из горных районов страны на плодородные земли южной Словакии. Так, делегат Смолик из Чадце отмечал, что безземельные крестьяне из Кисуцкого района так и не дождались

Советской Армии на территории Словакии, кроме того, высшему духовенству еще не было известно, в какой мере коснется его закон о наказании предателей и коллаборационистов.

⁷⁰ S. C a m b e l. Formovanie rol'nickej politiky..., s. 109.

⁷¹ Ibid.

⁷² AUD KSS, Bratislava, f. 21, a. j. 1, s. 13.

⁷³ По предварительным подсчетам крестьянского отдела при ЦК КПС практическое проведение всеобщей земельной реформы позволило бы 850 000 га пахотной земли (кроме того, землю, конфискованную, но не переданную крестьянам, а также 228 000 га пахотной земли, находившейся во владении церкви) распределить среди беднейших слоев словацкой деревни и улучшить тем самым материальное положение более чем 150 000 крестьянских семей. По сравнению с I этапом земельной реформы земельный фонд, передаваемый в распоряжение крестьян, увеличился бы более чем в 4,3 раза. Основная часть земли находилась не в пограничных районах Словакии, как раньше, а внутри страны. См. S. C a m b e l. Formovanie rol'nickej politiky..., s. 113.

переселения в Парканский район, на юг. О неутешительных результатах колонизации сообщал делегат Чаплович из Долного Кубина⁷⁴.

Как показали выступления словацких коммунистов, а также поступавшие летом 1945 г. в ЦК КПС резолюции крестьянских собраний, в Словакии складывалась благоприятная обстановка для ликвидации крупного землевладения. В чешских районах условий для проведения подобных мероприятий еще не было. Руководству КПС приходилось учитывать обстановку не только в Словакии, но и в Чешских землях. Поэтому оно не могло принять требований о полной ликвидации крупного землевладения⁷⁵. Отражением этого курса явилось решение конференции в Жилине, в котором настойчиво подчеркивалась необходимость поэтапного проведения земельной реформы в словацкой деревне.

Позиция руководства КПС в вопросе проведения земельной реформы вызвала возражение фракции КПС в ведомстве по делам сельского хозяйства и земельной реформы. 4 октября 1945 г. в ЦК КПС был направлен разработанный фракцией меморандум о национализации лесов, в котором обращалось внимание на аграрный характер экономики Словакии, ограниченность земельного фонда по сравнению с чешскими районами и на господствующий в словацкой деревне земельный голод. Всеобщая земельная реформа, по мнению авторов меморандума, являлась наиболее актуальной проблемой словацкой деревни: «Поэтому инициативу в проведении второго этапа земельной реформы должна проявить Словакия. Мы предлагаем ЦК КПС серьезно заняться этим вопросом»⁷⁶. В случае негативного решения вопроса о передаче в собственность трудовым слоям крестьянства всей пахотной земли, фракция в ведомстве по делам сельского хозяйства и земельной реформы предлагала национализировать леса. В меморандуме предполагалось передать в собственность государства 550 000 га лесных массивов (из них 50 000 га находилось во владении церкви)⁷⁷.

Реализация этого предложения могла бы в значительной степени подорвать экономические позиции крупных владельцев лесов, в том числе католической церкви. Это предложение, однако, не было принято руководством КПС.

О необходимости учета словацкими коммунистами общегосударственных темпов развития революции говорилось и на пленуме ЦК КПС в октябре 1945 г., решение которого, как и постановление Жилинской конференции, подчеркивало необходимость поэтапного осуществления в Словакии земельной реформы⁷⁸.

Ориентируясь на всеобщую земельную реформу как на важнейшее, но не единственное средство привлечения крестьянства на сторону революции, руководство КПЧ и КПС, стремившееся к сохранению Национального фронта, вынуждено было занять в вопросе о полной ликвидации крупного землевладения в Словакии крайне сдержанную позицию, считая поэтапную земельную реформу наиболее приемлемым путем борьбы за крестьянство в Чехословакии на данном этапе революции. Это был путь последовательного выполнения постановлений Кошицкой правительственной программы по аграрному вопросу, а также реализации подписанных в октябре 1945 г. президентом Э. Бенешем декретов о национализации части промышленности. Выступление с вопросом об углублении преобразований

⁷⁴ AÚD KSS, Bratislava, f. 15, a. j. 7, s. 1—2, 3, 5, 6, 20, 50.

⁷⁵ На конференции КПС в Жилине было избрано новое руководство КПС. Первым секретарем ЦК партии стал В. Широкий.

⁷⁶ AÚD KSS, Bratislava, f. 13, a. j. 52, s. 4.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ «Komunistická strana Slovenska...», s. 268—271.

в деревне могло бы осложнить обстановку в Национальном фронте, вызвать разногласия между Коммунистической партией и ее временными союзниками, что поставило бы под угрозу проведение в стране национализации части промышленности. В то время это было крайне нежелательным, поскольку руководство Коммунистической партии в Чехословакии считало, что победа социалистической революции в стране зависит от ее успехов прежде всего в чешских районах, где была сосредоточена большая часть населения, основная промышленность республики, многочисленный рабочий класс, являвшийся наиболее надежной опорой коммунистов. Задача коммунистов на данном этапе развития революции заключалась в проведении в жизнь принятых декретов о национализации, в укреплении в государстве позиций рабочего класса и его руководящей роли.

Н. Н. ПУХЛОВ

К ИСТОРИИ СВЯЗЕЙ ПОЛЬСКИХ И РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ В 90-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Начало революционных связей польских и русских социал-демократов было положено в конце 80-х — начале 90-х годов в результате деятельности пропагандистской группы «Освобождение труда» в эмиграции и первых социал-демократических организаций в России, а также складывания социал-демократических взглядов в польских революционных кругах.

Польские социал-демократы в революционной работе в массах опирались на традиции своих предшественников — второго «Пролетариата» и Союза польских рабочих, в программных и пропагандистско-агитационных материалах которых систематически подчеркивалась интернациональная позиция этих организаций, их стремление к развитию и укреплению связей польского и русского революционного движения.

Связи второго «Пролетариата» с русскими социалистами имели хотя и эпизодический, но разносторонний характер¹. Польские и русские революционеры оказывали друг другу политическую поддержку, помощь в доставке революционной литературы, устройстве явок и обеспечении материальными средствами. Они встречались для выяснения позиций организаций и групп, информировали о развитии социалистического движения в России и Королевстве Польском. Л. Кульчицкий, прибыв в Женеву, ознакомился с русской революционной литературой. Хотя «Народная Воля» перестала существовать, ее героическая борьба в недавнем прошлом произвела на него сильное впечатление. В результате бесед с Г. В. Плехановым, О. Н. Фигнер (сестра народоволки Веры Фигнер) и другими русскими революционными эмигрантами он лучше, чем из прочитанных книг узнал историю революционной России. Л. Кульчицкий с удовлетворением отмечал, что среди русских эмигрантов была группа, которая так же, как и польские «пролетариатцы», выдвигала лозунг борьбы за демократические свободы. В декабре 1887 г. в Женеве состоялось собрание по поводу студенческих демонстраций в Петербурге, Казани и других городах России. На собрании было принято совместное заявление русских и польских студентов. Оно заканчивалось словами: «Защитники справедливости! За вами будет победа! Ваша борьба есть только одно из предвестий общей борьбы, подготовляющейся в нашей стране. Будем надеяться, что наши соотечественники поймут, что надо соединиться для того, чтобы освободиться от деспотизма, нас угнетающего»².

Польские социалисты верили в революционную Россию. Один из деятелей второго «Пролетариата» В. Студницкий в своих воспоминаниях писал: «Кто же не считал тогда, что молодая Россия победит Россию цар-

¹ J. W. Borejsza. Powstanie II Proletariatu i początki jego działalności. «Z pola walki», 1958, № 2.

² ЦГАОР, ф. 102, оп. 84, д. 118, л. 11 об.

скую? ... Каким огромным, каким господствующим должно было быть влияние русского движения на нашу молодежь. Оно занимало наше воображение, когда мы были еще в детском возрасте; и будило революционные инстинкты. Это было источником нашей веры в Россию»³.

Одним из важных средств взаимного воздействия была революционная литература, которая печаталась в Швейцарии и Франции, пересылавшаяся в Королевство Польское и Россию. Пересылкой литературы занимались польские социалисты Ст. Мендельсон, М. Яновская, А. Дембский, один из организаторов второго «Пролетариата» М. Каспшак, Я. Тышка и другие и русские революционеры, поддерживая между собой тесные контакты. Сапожников, входивший в 1888 г. в состав русской группы по доставке из-за границы литературы, в своих показаниях сообщал о помощи поляков русским в этом деле⁴. При конфискации транспортов литературы и арестах «пролетариатцев» жандармы находили много русской революционной литературы — статьи А. И. Герцена, воззвания П. Л. Лаврова, народовольческие брошюры («Степан Халтурин — рабочий-революционер» и др.), журналы («Самоуправление», «Община», «Вестник „Народной воли“» и др.)⁵. Русские революционеры, проживавшие в Варшаве, поддерживали прямые контакты с заграничной группой второго «Пролетариата». О деятельности второго «Пролетариата» было известно передовым рабочим в Петербурге. Некоторые издания революционной литературы на польском языке использовались русскими пропагандистами в работе (например, журнал «Валька кляс», газета «Пшедсвит», отдельные брошюры).

С конца 80-х годов на формирование взглядов польских социалистов стали оказывать влияние работы членов группы «Освобождение труда», прежде всего Г. В. Плеханова. Эти работы помогали польским социалистам избавляться от народнических, анархистских и нигилистских заблуждений и заняться систематическим изучением теории научного социализма⁶.

Союз польских рабочих, возникший в 1889 г. на базе кружков, изучавших «Капитал» К. Маркса, работы Ф. Энгельса, различные социалистические издания, продолжал революционные традиции Великого «Пролетариата» в деле развития революционных связей польского и русского пролетариата. Польские социалисты имели контакт с социал-демократическими кружками, входившими в петербургский «Рабочий союз» М. И. Бруснева. В студенческом кружке пропагандистов «Рабочего союза» в 1889 г. было много студентов-поляков из Технологического института (Б. Лелевель, А. Косинский, В. Цывинский, Ю. Бурачевский, Ч. Ваньковский). С 1891 г. Цывинский входил в состав рабочего комитета и был организатором центрального кружка брусневской организации в Петербурге⁷. В 1891 г. из Петербурга в Польшу выезжал один из членов брусневской организации В. В. Святловский, возможно для напечатания там речей, произнесенных во время петербургской маевки 1891 г.⁸. Более

³ W. St u d n i c k i. Dwa dziesięć lat walki proletariatu polskiego. «Z pola walki». Londyn, 1904, s. 7.

⁴ J. W. B o g e j s z a. Ibid., s. 46.

⁵ Ibid., s. 49.

⁶ И. Н. Курбатова. К вопросу о связях революционного движения России и Королевства Польского в последней четверти XIX в. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 4, стр. 130—131.

⁷ Подробнее см. А. М. Орехов. Участие польских студентов в социал-демократической пропаганде в Петербурге (1889—1892 гг.). В кн.: «Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.)». М., 1967, стр. 370—373, 384—387; Z. Ł u k a w s k i. Polacy w rosyjskim ruchu socjaldemokratycznym w latach 1883—1893. Kraków, 1970, s. 29—50.

⁸ В. М. Карелина. На заре рабочего движения в С.-Петербурге. «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 16.

точные сведения о связях польских и русских рабочих относятся к 1892 г. В Россию проникли, хотя и скудные, сведения о первомайском выступлении лодзинских рабочих. Петербургские рабочие об этом узнали не только из газет, но и непосредственно от посланцев польских рабочих. В петербургских социал-демократических кружках, пишет в воспоминаниях В. М. Карелина, читалось «послание от польских социал-демократов. Вероятно, это послание привез в Петербург делегат польских рабочих»⁹. События в Лодзи вызвали горячий отклик во всей России. Петербургские рабочие послали лодзинским рабочим «Открытое письмо». По сведениям охранки, оно было составлено центральным кружком «Рабочего союза» с участием польского делегата, который и взял его с собой¹⁰. Письмо распространялось в Петербурге в виде прокламации. В нем петербургские рабочие, обращаясь к польским рабочим, разоблачали классовый характер царского самодержавия, политику буржуазии. Они писали, что царское правительство вместе с русскими и польскими капиталистами угнетает русских и польских рабочих. Русские рабочие передавали пролетарский привет своим братьям по классу — польским рабочим. Русские рабочие призывали польских рабочих и пролетариев всех стран объединиться в борьбе против угнетателей и высказывали надежду, что «скоро уже наступит последний час наших врагов и заблестит солнце социалистического строя»¹¹. Это письмо является ярким документом солидарности русского рабочего класса с польским пролетариатом в их совместной борьбе с царским самодержавием и капиталистами.

Продолжением связей между петербургской организацией рабочих и лодзинскими рабочими была поездка в 1893 г. в Лодзь члена центрального петербургского кружка П. А. Морозова¹². Среди активных членов Союза польских рабочих в Лодзи был русский революционер А. Кузьмин, арестованный после лодзинских событий.

Более постоянные контакты существовали у польских рабочих с московской организацией «Рабочего союза». Эта организация сумела наладить регулярные связи с Союзом польских рабочих. Польские революционеры и русские социалисты, проживавшие в Варшаве, оказали большую помощь московским кружкам, особенно в снабжении их революционной литературой, главным образом изданиями группы «Освобождение труда»¹³. На формирование политических взглядов членов Союза польских рабочих, особенно тех, которые соприкасались с членами кружка русских социалистов в Варшаве, определенное влияние оказывала русская социал-демократическая литература, издаваемая за границей и в России.

Опираясь на революционные традиции своих предшественников, возникшая в 1893 г. Социал-демократия Королевства Польского (СДКП) развила дальше интернациональные связи польского пролетариата и подвела под них прочную базу марксизма.

Интернационализм пролетарского крыла польского революционного движения с момента возникновения социал-демократического направления выражался не только в поддержке марксистских принципов интернационализма в международном социалистическом движении, но прежде всего в признании необходимости совместной борьбы польских и русских революционных сил, польского и русского пролетариата, польской и рус-

⁹ В. М. Карелина. Там же, стр. 17.

¹⁰ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2. М., 1952, стр. 135.

¹¹ Там же, стр. 130—131.

¹² М. Б. Перельман. Рабочий-революционер Петр Морозов. «История СССР», 1964, № 1, стр. 127.

¹³ Подробнее см. А. М. Орехов. Из истории революционных связей Москвы и Варшавы (1891—1892 гг.). В кн. «Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в.», М., 1968, стр. 331—354.

ской социал-демократии, в поисках совместной политической платформы в борьбе против общего врага — царского самодержавия. В польском рабочем движении на первый план выдвигалась борьба против буржуазного и мелкобуржуазного национализма, особенно его разновидности — социал-национализма в лице правого руководства Польской социалистической партии.

С образованием СДКП кружок русских социалистов в Варшаве продолжал работать с ней в тесном контакте, помогая в доставке литературы на русском языке, переводе марксистских работ с русского языка на польский и т. д. Один из основателей СДКП Людвик Красуский в июне 1893 г. выезжал в Петербург и Москву¹⁴. В том же году он был арестован и у него были отобраны журнал «Социал-демократ», издававшийся группой «Освобождение труда», текст речи Петра Алексева и программа группы «Освобождение труда». Через Варшаву по-прежнему продолжалась доставка в Россию силами польских революционеров нелегальной литературы.

В Центральном органе СДКП, газете «Справа работнича», а также в воззваниях, листовках и брошюрах СДКП систематически подчеркивалась необходимость совместной борьбы польского и русского рабочего класса против царского самодержавия, рассказывалось о выступлениях рабочих и крестьян, полицейских преследованиях революционеров в России, выражалась солидарность с борьбой российского пролетариата. В первом номере газеты «Справа работнича» (июль 1893 г.) в статье «Политические задачи польского рабочего класса» говорилось: «Русский рабочий наш брат по нищете и товарищ по борьбе. Он начинает понимать, как и мы, что борьба с царским правительством неизбежна... Поэтому русский рабочий объединится с нами в борьбе против общего врага» и царизм «погибнет от руки своих объединившихся врагов — рабочего люда Польши и России!»¹⁵. Во втором номере газеты в статье «Что слышно в России?» рассказывалось о положении крестьянства и стачечной борьбе рабочего класса. Сообщалось о забастовках 5 тыс. ткачей во Владимирской губернии, 2 тыс. ткачей в Рязанской губернии, выражалась пролетарская солидарность с русскими рабочими¹⁶.

Выступая на Цюрихском конгрессе II Интернационала, Р. Люксембург сделала обзор польского рабочего движения за 1889—1893 гг. Она подробно осветила деятельность польских социал-демократов как наследников революционных традиций партий «Пролетариат» и Союза польских рабочих, решительно критиковала программу Польской социалистической партии, с пропагандой которой выступил на конгрессе С. Мендельсон. Она заявила, что программа ППС не жизнеспособна и что польское рабочее движение, как и все международное движение, должно развиваться и дальше по интернационалистскому пути¹⁷.

Г. В. Плеханов голосовал на конгрессе против предоставления мандата Р. Люксембург, т. е. практически продолжал поддерживать ППС. Это сильно осложнило отношения между редакцией газеты «Справа работнича» и группой «Освобождение труда», между видными деятелями русской и польской революционной эмиграции. По мере выяснения подлинные политические позиции Заграничного союза польских социалистов, симпатии Г. В. Плеханова постепенно склонялись к польским социал-демократам¹⁸.

¹⁴ И. Н. Курбатова. Там же, стр. 140.

¹⁵ SDKPiL. Materiały i dokumenty (далее — SDKPiL), t. I. 1893—1903. Cz. 1. Warszawa, 1957, s. 6.

¹⁶ Ibid., s. 53—54.

¹⁷ Ibid., s. 23—29.

¹⁸ Подробнее см. И. Н. Курбатова. Там же, стр. 135—138.

Важное значение в развитии и укреплении революционных связей польского и русского пролетариата имели решения первого съезда СДКП (1894 г.), проходившего под знаком солидарности польского и русского рабочего движения. При обсуждении политического положения в стране и задач, стоящих перед социал-демократами, делегаты съезда исходили из общей обстановки подъема революционного движения в России и видели в русском рабочем классе своего союзника. Съезд подчеркнул, что как конечной цели — социальной революции, так и ближайшей цели — свержения царского самодержавия и завоевания политических свобод — польский рабочий класс может добиться только путем совместной борьбы с рабочим классом всей России. Открывая съезд и приветствуя собравшихся, Б. Весоловский заявил, что польское рабочее движение имеет международный характер и придерживается принципа «совместной с русскими социалистами политической борьбы...»¹⁹. В докладе К. Ратыньского о деятельности и программе социал-демократов подчеркивалась необходимость дальнейшего укрепления международной солидарности и указывалось на то, что свержение царизма является целью не только польских, но и русских рабочих. «В нашей борьбе, — говорил он, — мы можем рассчитывать на сотрудничество такого сильного союзника, как русский пролетариат»²⁰.

Съезд принял специальную резолюцию об отношении к русским рабочим, в которой говорилось о традиционных связях польского и русского революционного движения и необходимости соединения усилий польских и русских рабочих для осуществления политических задач, стоящих перед ними, полной политической солидарности и братства.

Идею союза и дружбы польского и русского пролетариата пропагандировали газета «Справа работнича», видные деятели СДКП Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, М. Каспшак, Я. Таньский, Б. Весоловский, К. Ратыньский, Ц. Войнаровская и другие.

Газета «Справа работнича» в 1894 г. в статье «Наше отношение к русским рабочим» заявила: «Правительство, которое над Вислой душил свободу языка, всегда готово над Невой и Волгой душил свободу убеждений [...]. Таким образом, на всей территории Российского государства перед великим рабочим людом стоят одинаковые политические задачи, одна политическая дорога... Сегодня весь польский пролетариат должен подать по-братски руку русскому пролетариату»²¹. В следующем номере газеты Ю. Мархлевский указывал: «И на этот раз подтвердился великий принцип социализма, что у всех рабочих — общие интересы, не взирая на их национальные различия... Вследствие этой солидарности интересы победы польских рабочих становится одновременно полезной для их братьев в России»²². Сообщая о решениях первого съезда СДКП, газета призывала пролетариат всех национальностей России к совместной борьбе против самодержавия. «Правительство знает, — писала она, — что рабочее движение в России, объединенное с нашим, несет с собой неминуемый смертный приговор деспотизму»²³. В том же номере газеты в заметке «Корреспонденция» наряду с сообщениями об условиях жизни и выступлениях польских рабочих в Варшаве, Жирардове, Домброве Гурничей и Лодзи рассказывалось также о положении и борьбе рабочих Петербурга и Ростова-на-Дону, о стачке 800 ткачей на фабрике Воронова в Петербурге, о революционной агитации и стачке в железнодорожных мастерских в Ро-

¹⁹ СДКПІІ, s. 175.

²⁰ Ibid., s. 178.

²¹ Ibid., s. 132—133.

²² Ibid., s. 162.

²³ Ibid., s. 228.

стове-на-Дону, о массовых арестах особенно в Петербурге, Москве, Орле и других местах. В статье «Из России» о русских рабочих говорилось: «Везде они борются так же активно и смело, как и наши польские рабочие. За последние полтора года мы отовсюду имели вести о борьбе: из Петербурга, из Ростова-на-Дону, из Вильно в Литве и из Самарской губернии на Волге, из Центральной России, из Рязанской губернии, и, наконец, из Тифлиса на Кавказе...». Рабочие требуют увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня, ведут социалистическую агитацию. Статья кончалась пожеланием русским товарищам больших успехов в борьбе и заверением, что «они могут рассчитывать на братскую солидарность всех рабочих социал-демократов Королевства Польского»²⁴. В связи с вступлением на престол Николая II газета (в статье Р. Люксембург «Новое царствование») разоблачала политику царизма и призывала польских и русских рабочих объединить усилия в борьбе против царского гнета²⁵. В январе 1895 г. газета рассказывала о стачках в России²⁶, в феврале опубликовала дополнительно информацию о стачке 1894 г. в Ростове-на-Дону, выражая солидарность польских рабочих с борющимися русскими рабочими²⁷. В статье «Лозунги Первого мая» указывалось, что лозунг «Да здравствует конституция!» поднимает на борьбу тысячи польских и русских рабочих: «В этом лозунге заключена сегодня наша сила. Ибо в этом лозунге выражены самые главные общие интересы польского и русского пролетариата. Кто сегодня не признает этого лозунга, тот не признает общности интересов польских и русских рабочих»²⁸.

Сообщая в июне 1896 г. о создании «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге, газета подчеркивала, что Союз оказал «делу пролетариата неоценимые услуги» и может явиться «первым великим выступлением русского пролетариата, первым плодом продолжительного, неустанного и умелого труда». Она рассказывала о рабочем движении в Москве, Петербурге, Одессе, Ростове и других городах, отмечая, что «братство с русским пролетариатом» «приобретает практический характер» и что надо готовиться к проведению совместной и «серьезной практической работы»²⁹.

Расширялись и укреплялись связи и сотрудничество между польскими и русскими революционерами. Активным деятелем СДКП в 1895 г. был русский революционер студент Ф. Любинский. Известная польская социал-демократка Ц. Войнаровская в это время тесно сотрудничала с Г. В. Плехановым и группой «Освобождение труда»³⁰.

Деятели СДКП поддерживали связи как с петербургским, так и с возникшим несколько позднее московским «Союзом борьбы»³¹. В 1896 г. Г. В. Плеханов предложил польским социал-демократам войти в состав делегации русских социал-демократов на Лондонском конгрессе II Интернационала. На конгрессе он выступил, как и большинство делегатов, против резолюции ППС по национальному вопросу³². Г. В. Плеханов вы-

²⁴ Ibid., s. 318.

²⁵ Ibid., s. 357—360.

²⁶ Ibid., s. 367—370.

²⁷ Ibid., s. 377—378.

²⁸ Ibid., s. 409.

²⁹ «Sprawa Robotnicza», 1896, № 24.

³⁰ И. Н. Курбатова. Там же, стр. 140.

³¹ См. J. K a n s e w i c z. Walka social-demokratów Królestwa Polskiego o sojusz polskich i rosyjskich sił rewolucyjnych w latach 1893—1899. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1955, № 4, s. 123—125.

³² Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971, стр. 29.

ступил в газете «Форвертс» с резкой критикой ППС за ее выступление против союза между польским и русским революционным движением³³. Получив в 1898 г. сведения о IV съезде ППС, он убедился в националистических взглядах правых руководителей ППС. С этого времени устанавливаются более тесные связи группы «Освобождение труда» с польской социал-демократической эмиграцией.

В русской социал-демократической прессе того времени, появлявшейся в России и за границей, а также в листовках освещались события революционной борьбы в Польше. В декабре 1896 г. «Листок работника», издававшийся группой социал-демократов в Женеве, сообщал о ноябрьской демонстрации рабочих в Варшаве во время похорон рабочего, погибшего на заводе железных изделий, в ноябре 1897 г. писал о мартовской стачке рабочих на заводе Лильпопа и К°, летних стачках пекарей в Варшаве, рабочих завода Прошевера и сапожников в мастерской Баумфлена, а в 1898 г. — о помощи петербургских и московских рабочих и «Союза русских социал-демократов за границей» бастующим ткачам в Белостоке³⁴. В 1897 г. орган Киевской группы российской социал-демократии «Рабочая газета» в корреспонденции «Из Царства Польского» рассказывала о польском рабочем движении за период с января по апрель 1897 г.³⁵

В ноябре 1897 г. «Рабочая газета» сообщала о расстреле участников стачки на сталелитейном заводе «Гута Банкова» (дер. Домброво, Бендинский у., Петроковская губ.)³⁶.

Газета «Вперед» (Киев) в марте 1900 г. сообщала, что в июньской стачке 1899 г. польских рабочих участвовало до 30 тыс. человек и что 1500 варшавских рабочих, активно участвовавших в забастовке, были высланы из города³⁷. Она информировала о демонстрации во время похорон Януша Таньского, видного деятеля польского социал-демократического движения, одного из основателей «Союза польских рабочих» (1889—1893 гг.), организации, создававшей «неразрывную связь польского рабочего движения с русским» и стремившейся к объединению в один общий союз рабочих всех народностей, населяющих территорию Российской империи³⁸.

Сведения о революционной борьбе в России проникали и распространялись в Польшу через польских рабочих, которые работали в Петербурге, Москве, Одессе, Баку, Екатеринославле, Киеве и других городах. Кроме того, в Польшу в это время попадали различными путями отдельные номера изданий польских и русских социал-демократов.

Солидарность и содружество польских и русских революционеров проявлялись и крепились и во время их совместного пребывания в тюрьме и ссылке. В середине 90-х годов в московской Бутырской тюрьме одновременно находились русские революционеры П. Н. Лепешинский, В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванев, П. К. Запорожец, Ю. О. Мартов, Н. П. Федосеев и польские социал-демократы Б. Весоловский, Т. Влостовский, Т. Петрашек, Я. Проминьский, А. Ковалевский и социаллисты — Я. Строжецкий, К. Петкевич, М. Абрамович и другие. Шестинедельное совместное пребывание сблизило русских и польских револю-

³³ «Vorverts», 29 VII 1896.

³⁴ ЦГАОР, Колл. нелегал. изд., № 5794. Типографский экз.

³⁵ «Первый съезд РСДРП. Март 1898 года. Документы и материалы». М., 1958, стр. 254—255.

³⁶ Там же, стр. 285—286.

³⁷ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. IV, ч. 2, стр. 459—460, 482, 681.

³⁸ Там же.

ционеров³⁹. Между ними «установились дружественные отношения»⁴⁰. Они много и горячо беседовали между собой, спорили по политическим вопросам, обсуждали общие для польского и русского рабочего класса цели борьбы. Все эти беседы были проникнуты верой в необходимость совместной революционной борьбы против самодержавия.

С середины 90-х годов устанавливаются тесные связи польских революционеров с В. И. Лениным. Первое близкое знакомство В. И. Ленина с польскими революционерами произошло в период его тюремного заключения в декабре 1895 года и в годы пребывания в сибирской ссылке в 1897—1900 гг.⁴¹

По пути в ссылку В. И. Ленин задержался на несколько недель в Красноярске в ожидании назначения места поселения и рейса парохода по Енисею. Здесь он познакомился с политическими ссыльными, среди которых было несколько поляков. Одним из них был член партии «Пролетариат» Винценты Букшнис, варшавский слесарь⁴². В село Шушенское, куда был сослан В. И. Ленин, в это же время прибыл на поселение под надзор полиции один из польских социал-демократов Я. Н. Проминский. Более двух лет они вместе делили все тяготы ссылки. Я. Проминский много беседовал с В. И. Лениным, читал марксистскую литературу, посещал занятия, которые со ссыльными проводила Н. К. Крупская⁴³.

Польскому социал-демократу Станиславу Кулику, находившемуся в ссылке в селе Бес Минусинского округа, В. И. Ленин посылал через своих друзей литературу, в том числе издания германской социал-демократии⁴⁴.

В годы сибирской ссылки В. И. Ленин познакомился с представителями разных поколений польских революционеров — участниками восстания 1863 г., деятелями партии «Пролетариат», организаторами Союза польских рабочих, социал-демократами и членами Польской социалистической партии⁴⁵. Время от времени он выезжал в Минусинск, где встречался с высланными туда Ф. Коном и М. Блажеевским. Ф. Кон в своих воспоминаниях о минусинских встречах писал, что общение с В. И. Лениным, В. В. Старковым, Г. М. Кржижановским, П. Н. Лепешинским и другими русскими социал-демократами помогло ему «разобраться в целом ряде вопросов, а в частности национальном»⁴⁶. К ленинскому «Протесту российских социал-демократов», направленному против экономистов, присоединилась группа польских ссыльных (Я. Проминский, А. Чекальский, Б. Весоловский, А. Ковалевский)⁴⁷, выступавших против попыток экономистов ревизовать марксизм.

Характеризуя революционные связи польского и русского пролетариата в 90-е годы, необходимо отметить перемены, происшедшие по сравнению с 80-ми годами, а также в эмиграции. С образованием польской социал-демократической партии и наступлением ленинского этапа в российском рабочем движении развитие и укрепление этих связей стало одной из важнейших задач польской и русской социал-демократии, практической потребностью революционной борьбы польского и русского пролетариата про-

³⁹ См. Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Там же, стр. 30.

⁴⁰ П. Н. Лепешинский. На повороте. М., 1955, стр. 68.

⁴¹ См. Я. Собчак. Встречи с Лениным. «Польша», 1970, № 1, стр. 24; J. Sobczak. Lenin bliski Polakom. Warszawa, 1970, s. 5.

⁴² Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Там же, стр. 30.

⁴³ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1968, стр. 28.

⁴⁴ См. Г. Е. Хайт. Товарищи в борьбе. Письма соратников В. И. Ленина. 1896—1900. Красноярск, 1965, стр. 188.

⁴⁵ Z. Łukawski. Wokół pierwszych kontaktów Lenina z Polakami. «Nowe Drogi», 1972, № 4 (275), s. 60.

⁴⁶ Энциклопедический словарь «Гранат», т. 41, ч. 1, стр. 207.

⁴⁷ Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Там же, стр. 35—36.

тив их общего врага — царского самодержавия: В специфических условиях Польши и широкой националистической пропаганды среди населения чрезвычайно важное значение имела деятельность польских социал-демократов по пропаганде лозунга пролетарского интернационализма и как конкретного его воплощения в польских условиях — укрепления союза и дружбы польского и русского пролетариата. С развитием деятельности СДКП и социал-демократических организаций в России эти связи стали носить более широкий и постоянный характер.

В ходе революционных боев росло классовое сознание польского рабочего класса и на базе марксизма и пролетарского интернационализма крепили его связи с русским пролетариатом. Позиции интернационализма, занимаемые польскими социал-демократами с момента возникновения СДКП, были исключительно важны для дальнейшего развития революционного движения в Польше, которая, как в свое время отмечал В. И. Ленин, была насквозь пропитана национализмом. В условиях активной буржуазно-националистической пропаганды национал-демократов и мелкобуржуазной националистической пропаганды правого руководства ППС, польским социал-демократам приходилось преодолевать большие трудности. Интернациональные позиции СДКП и особенно ее связи с русской социал-демократией помогали вести активную борьбу за интернационализацию польского рабочего движения, разоблачать националистическую политику и авантюристскую тактику правого руководства ППС, направлять рабочее движение в русло совместной борьбы польского и русского пролетариата против царского самодержавия и капиталистического гнета.

В. А. АРТАМОНОВ

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ВАЛЬНОЙ РАДЕ 1710 ГОДА

Значение Полтавской победы для русско-польских отношений не было предметом специального рассмотрения в советской историографии. В 1909 г. П. Н. Жукович высказал мнение об исключительном обострении русско-польских отношений после Полтавы¹, объясняя это жестоким разорением земель Речи Посполитой в результате Северной войны. Занятие в 1704 г. русским войском части Правобережной Украины и ввод русских войск в Польшу после Полтавы усилили недовольство шляхты. Отсюда делался вывод, что польское общество не оценило значения Полтавской битвы и не поняло целесообразности присутствия русской армии как меры против турецкой угрозы. Польская буржуазная историография, имея в виду решения Вальной рады (генеральный съезд шляхты) 1710 г.², оценивала Полтавскую победу как серьезную опасность для Речи Посполитой.

Историки ПНР справедливо обращали основное внимание на польско-саксонские отношения на Вальной раде. Вопрос восстановления польско-саксонской унии был тогда основным для шляхетского общества³.

В 1928 г. Р. Меницкий выпустил полное издание материалов Вальной рады по нескольким спискам⁴. Это издание, а также материалы русско-польских отношений, собранные в 79 фонде Центрального государственного архива древних актов «Сношения России с Польшей», позволяют более полно осветить русско-польские отношения после Полтавской битвы, чем это было сделано Жуковичем, опиравшемся только на «Дневник Вальной рады».

Полтавская битва положила конец почти восьмилетнему хозяйничанию шведов в Польше. Все силы России после Полтавы Петр I направил на решение двух задач: вытеснение шведов с восточного и южного побережья Балтики и блокирование шведской группы Карла XII в Молдавии. Их успешное выполнение зависело от прочности русских позиций на территории Речи Посполитой. Шляхетская республика на долгие годы стала важной военной и экономической базой русской армии.

Для Саксонии после 1709 г. открылась возможность вторично попытаться создать польско-саксонское государство, которое могло бы соперничать с Габсбургами. Стратегическое положение Августа II было хуже,

¹ П. Н. Жукович. Полтавская битва и Польша. Журнал министерства народного просвещения. 1909, июнь, стр. 383—385.

² J. Feldman. Polska a sprawa wschodnia. Kraków, 1926.

³ J. Gierowski. Personal-oder Realunion? «Um die polnische Krone». Berlin, 1962; H. Olszewski. Doktryny prawnoustrojowe czasów saskich 1697—1740. Warszawa, 1961.

⁴ «Diarzusz Walnej Rady Warszawskiej z roku 1710». Wyd. R. Mienicki. Wilno, 1928.

чем Петра I. Вновь воссозданной польско-саксонской унии пять лет (1709—1714 гг.) угрожал одновременный удар шведов и Станислава Лещинского с севера из Померании, а с юга — Карла XII и Османской империи. В связи с этим по саксонско-русскому договору 9 (20) октября 1709 г. Петр I, признавая за Августом II польскую корону, оговорил право держать в Речи Посполитой фактически неограниченное количество войск⁵.

В Речи Посполитой с разгромом шведской армии часть станиславчиков (приверженцев Станислава Лещинского) перешла на сторону Августа II. Около 2 тыс. поляков бежало в Бендеры к Карлу XII. Большинство польского общества должным образом оценило значение Полтавской битвы для своей страны. Депутаты последующих сеймов говорили, что Полтавская победа буквально возродила республику — были восстановлены сеймики, рады, суды, трибуналы, т. е. все шляхетские институты, упраздненные шведскими оккупантами⁶. Тем не менее, если до Полтавы польско-литовские вооруженные силы участвовали в боевых столкновениях со шведами и приверженцами Станислава и Сандомирская конфедерация добивалась вступления русской армии на территорию Речи Посполитой для освобождения ее от шведов, то после изгнания шведского оккупационного корпуса генерала Крассау с польских земель присутствие там русских войск стало расцениваться как обременительное. Желание мира и выхода из Северной войны стало почти всеобщим. До разгрома основных шведских сухопутных сил 8 июля 1709 г. польская дипломатия, хотя и не переставала добиваться возвращения части Правобережной Украины, занятой Россией с 1704 г., но в общем признавала целесообразность присутствия там русских гарнизонов. После Полтавы требование удалить русские полки с Правобережья стало намного настойчивее.

Урегулирование русско-польских и польско-саксонских отношений после Полтавы происходило на Вальной раде, созванной в Варшаве 4 февраля 1710 г. На раду съехалось по 20—30 человек от каждого воеводства, тогда как на сеймы зачастую съезжалось по 2—3 человека. На раде присутствовали бывшие вожди станиславчиков — варшавских конфедератов; маршалком был избран глава сандомирян С. Денгоф. Несмотря на чуму и голод, заседания проходили в обычной для тогдашней Польши обстановке пиров и балов.

Первостепенным был на раде вопрос об условиях восстановления польско-саксонской унии. Шляхта понимала, что возвращение Августа II произошло помимо нее, в обход права свободной элекции, при участии только группы магнатов. Помня о прежних абсолютистских планах Августа II, шляхта обоснованно опасалась новой волны саксонского наступления на польские «золотые свободы».

Лучшей гарантией своих прав шляхта считала подтверждение Веттином «пакта конвента» — условий избрания короля в 1697 г. Послам киевского воеводства, например, предписывалось идти даже на срыв рады, если Август II откажется подтвердить «пакт конвента». Многие послы требовали лишить Августа права выезжать за пределы Речи Посполитой и даже предлагали передать саксонский престол его сыну, т. е. усилить зависимость Августа II от шляхты. Выдвигались проекты подчинения саксонских войск гетманам и польским офицерам и удаления саксонцев после реорганизации польского войска. Раздавались даже голоса о продлении

⁵ Одновременно Петр I снял с себя обязательство способствовать установлению наследственной династии Веттинов в Польше.

⁶ По донесению русского резидента в Речи Посполитой А. И. Дашкова 5(16) апреля 1713 г. ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, 1713, д. 16, л. 229. В 1710 г. таких оценок было меньше из-за русско-польских трений (см. ниже).

бескорольевья⁷. Рада обязала Августа II вывести саксонские войска как можно скорее в Саксонию и не вводить их обратно без согласия шляхты. Король обязывался не начинать войн вопреки желанию Речи Посполитой и возратить все потерянные ею земли. В общем же утверждение Августа на польском престоле произошло относительно спокойно, что можно объяснить предопределенностью его кандидатуры и расстановкой политических сил.

Вторым по важности был вопрос прекращения войны со Швецией. Большинство послов безоговорочно требовало выхода из Северной войны, не задумываясь, каким способом и какими средствами можно добиться мира. Лишь немногие предлагали осадить польскими (а не русскими) силами Эльблонг и наказать Гданьск за прошведскую политику в минувшие годы, а также обратиться за посреднической помощью к послам морских держав⁸. Исключением на раде были соображения С. Карвицкого, хорошо понявшего смысл подготавливавшегося тогда «великим союзом» договора о «северном нейтралитете». Он предлагал отправить посольство к Габсбургам, чтобы те воспрепятствовали нападению шведов из Померании в обмен за декларацию, что туда не вступят польские войска. Карвицкий считал, что только после того, как Речь Посполитая будет уверена в безопасности своих северных границ, можно будет начать переговоры с русским командованием о выводе русских войск в Лифляндию, которая не охвачена гарантиями «северного нейтралитета». Литовское войско он предлагал направить на помощь русской армии к Риге, а коронное оставить в Польше против возможной диверсии шведов. Карвицкий считал, что если Габсбурги не гарантируют безопасность Польше, то в стране следует оставить часть саксонских и русских полков⁹.

Хелминский воевода Т. Дзялынский высказывался за продолжение войны и укрепление Речи Посполитой путем увеличения собственных вооруженных сил¹⁰. Такие голоса, однако, на раде были единичны.

Для укрепления позиций Речи Посполитой в противовес Саксонии и России польская дипломатия стремилась объединить сандомирян и бывших варшавских конфедератов. Сословная общность толкала сандомирян после Полтавы, так же как и варшавских конфедератов 1707—1709 гг., на объединение, а не на уничтожение бывших противников. Громче всех требовали амнистии бывшие варшавские конфедераты, они же призывали распустить сандомирскую конфедерацию.

Существенным вопросом для шляхты были потери, которые она несла в связи с присутствием на польских землях вспомогательных войск II.

На третьем по важности месте стоял на раде комплекс вопросов, связанных с урегулированием русско-польских отношений. Для русской дипломатии возникла сложная проблема обеспечить продолжение войны с территории Речи Посполитой в условиях шляхетского недовольства. Еще в Торунь Петр I назначил Г. Ф. Долгорукого как знатока польских дел послом в Речи Посполитой. На него была возложена задача добиться окончательного решения вопроса, оставшегося в наследство от XVII в., — признания и внесения в конституцию Речи Посполитой «вечного мира 1686 г.». На положительное решение его после Полтавской битвы можно

⁷ «Diarjusz Walnej Rady...», s. 188, 261, 277.

⁸ Ibid., s. 15—17, 275.

⁹ Ibid., s. 342.

¹⁰ Ibid., s. 36.

¹¹ По этому вопросу см.: «Diarjusz Walnej Rady...», s. 17, 20, 28, 89, 129, 264, 307, 392; ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, 1709, д. 63, л. 25; д. 27, л. 188; G. H y c z k o: Straty i zniszczenia wojenne we wsiach lubelskich oraz ich skutki w latach wojny północnej. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», t. 29. Poznań, 1968, s. 35; G. G r a u e r s. Karl XII's personlighet. «Karolinska förbundets årsbok», 1969, s. 30.

было надеяться. Кроме того, в связи с энергичной деятельностью Карла XII и польской эмиграции в Молдавии, следовало погасить очаги оппозиции в стране и попытаться сделать Польшу прочной базой наступления против Швеции. Для этого Долгорукому предписывалось добиться осуждения бывших приверженцев Станислава, запрещения амнистий без согласования с русским послом, роспуска хоругвей бывших станиславчиков и недопущения их на государственные, военные посты и сеймы. Чтобы снизить влияние гетманской власти Долгорукий не должен был допускать увеличения гетманского войска сверх установленного количества и набора жолнеров без королевских указов. Перед ним ставилась задача добиться от короля и Речи Посполитой отправки посла к султану с извещением о восставлении на престоле Августа II и Северного союза. Русскому правительству было известно, что опасавшаяся усиления России Порты под влиянием французской дипломатии, польских и запорожских беженцев и шведского короля, силы которого в Молдавии к 1710 г. увеличились до 8—10 тыс. человек, стала склоняться к войне с Россией. Польский посол должен был предупредить, что в случае войны Османская империя будет иметь дело с объединенным русско-польско-саксонским блоком¹².

Задачей русской дипломатии было не допустить выхода Речи Посполитой из Северной войны, и в случае необходимости мобилизовать ее силы против Османской империи. Для выполнения этого могли быть использованы шведская угроза, противоречия между королем и республикой, а также подкуп¹³. Присутствие же русских войск в стране, которое в других обстоятельствах могло бы помочь, оказалось отрицательным.

На третий день рады 27 января (7 февраля) Долгорукий встретился с Августом и предложил в интересах России и Саксонии лишить бывших станиславчиков права голоса на раде и изложил свои требования. Но от короля «кроме комплиментов» не было «никакой помощи». Веттин, видимо, начинал уже тяготиться зависимостью от России, искал опоры в магнатстве и соглашался на объединение обеих конфедераций в противовес Петру I.

Протесты русского посла против присутствия на раде вождей — приверженцев Станислава оказались безрезультатными. И Август и сандомиряне заявили, что правомочия польского короля должны быть подтверждены всей шляхтой, в том числе и бывшими противниками¹⁴, что Речь Посполитая больше всего желает соединения сословий. 10 (21) февраля депутация в составе великого литовского канцлера С. К. Радзивилла, куявского епископа К. Шанявского и краковского воеводы Я. Вишневецкого выставила встречные требования, связывая подтверждение «вечного мира 1686 г.» с их выполнением.

На первой конференции с послом депутаты после выражения благодарности за желание Петра I жить в мире и дружбе с Речью Посполитой начали полемику по вопросу вывода русских войск. Долгорукий указывал, что войска введены для изгнания шведов и восстановления на престоле Августа II, учитывая слабость вооруженных сил республики, которые оказались не в состоянии разбить корпус Крассау. Им откровенно высказывалось опасение, что при эвакуации русских войск в случае повторного шведского нападения придется затрачивать опять большие усилия для ос-

¹² Инструкция Г. Ф. Долгорукому, октябрь 1709 г. ЦГАДА, 1709, д. 63, л. 9.

¹³ «Для пукд» на раде Долгорукому выделялось 15 тыс. рублей. Там же, д. 67, л. 73.

¹⁴ Поляки, писал Долгорукий, «тяжелее всех тот пункт себе ставят, понеже ведают, что правых немного, и 10 человек сыскать немочно, а ис тех, которые сами на неприятельской стороне не были, то сродники и друзья их были». Долгорукий — Головкину, 10 (21) февраля 1710 г. Там же, 1710, д. 7, л. 11.

вобождения страны. Одновременно Долгорукий обещал вывести войска, введенные сверх установленного по договорам количества (12 тыс.), если весной 1710 г. не будет опасности шведского наступления.

12, 13, 15, 16 и 23 февраля 1710 г. ст. польская сторона продолжала добиваться немедленного вывода войск¹⁵. 24 февраля (7 марта) был подан письменный мемориал, из 19 статей которого почти половина касалась взаимоотношений с русскими войсками (требовалось прекратить взимание контрибуций, вывести полки сверх 12-тысячного корпуса, освободить шляхетских хлопов Белоруссии от строительной повинности в связи с осадными работами у Риги и т. д.). В остальных содержались требования выдачи и освобождения пленных станиславчиков, в особенности М. Вишневецкого, возвращения завербованных в Россию ремесленников и территориального вопроса — возвращения Белой Церкви, Брацлава, Фастова, Немирова, Богуслава и Эльблонга, взятого в феврале 1710 г. русской армией, а также занятия польскими гарнизонами полоцкой и быховской крепостей. Кроме того, польская сторона просила выплатить субсидии согласно Нарвскому договору 1704 г.

27 февраля (10 марта) 1710 г. Долгорукий тоже «письменным респонсом» доказывал, что русско-польский союз Россией не нарушается, никаких тайных договоров с Саксонией в ущерб Речи Посполитой не заключалось, и обещал вывести войска весной после появления подножного корма для конницы, если польско-литовское войско совместно с русской армией выступит в поход против шведов. В ответ на требование освободить пленных станиславчиков Долгорукий предлагал предать их польскому суду. Он обещал вернуть все города, кроме Эльблонга. Посол не отказывался платить субсидии по Нарвскому договору, но только при условии выставления против шведов 48-тысячной армии. Таким образом, не было достигнуто соглашения ни по одному пункту. Позже Долгорукий, наблюдая общую атмосферу в Варшаве и Европе и имея известия, что Карл XII скоро пройдет через Польшу с турецким конвоем, а морские державы собираются принять к себе на службу корпус Крассау из Померании (конечно, не без ущерба для русских интересов), намекал кашплеру Г. И. Головкину, что в польском вопросе надо уступать. Особенно беспокоило посла положение на юге. По его мнению, если бы Османская империя начала войну, следовало бы опасаться наихудших результатов — повторной потери Польши¹⁶.

Убеждая русское правительство удовлетворить требования польской стороны, Долгорукий сообщал, что даже Август советовал ему обещать все шляхте, чтобы не сорвать раду и завершить его реставрацию, «а потом де его царское величество может волю свою исполнить: как войска, так и потребные фортеции до конца войны удержать»¹⁷. Посол предлагал написать указы комендантам городков на Правобережье о выводе русских гарнизонов «толко б поляков на раде удовольствовать». Ценность обладания частью Правобережной Украины как залогом в русско-польских переговорах хорошо сознавалась русским послом, и он уверял Головкина, что со своей стороны не сделает таких распоряжений, пока «вечный мир» не будет зафиксирован в конституции и не будут осуждены «шведские адгеренты».

¹⁵ «И говорили о том с великим шумом, и ни до каких дел приступать не хотели. Долгорукий — Головкину. Там же, л. 15—16.

¹⁶ Такого рода сообщения Долгорукого были вызваны его неуверенностью в позиции шляхты: «Извольте ко мне отписать, есть ли какая надежда от Порты, понеже как в поляках, так и во всех здесь я немного надеюсь, что изволите сие престерегать и неуспынное иметь око, о чем здесь частные противные ведомости распространяются. Там же, л. 19.

¹⁷ Там же, л. 39.

Решения Вальной рады и соглашение Долгорукого с Речью Посполитой в целом совпадали с целями русской внешней политики. На польском престоле был восстановлен русский союзник — Август II, причем по условиям «пакта конвента» его власть на территории Речи Посполитой ограничивалась. Шляхетская республика, наконец, через четверть века, официально признала русские западные границы, установленные «вечным миром 1686 г.», и подтвердила свое участие в антишведском русско-польском союзе. С русской казны было снято обременительное обязательство выплачивать союзнику денежные субсидии за каждый год его участия в Северной войне.

Формальные обязательства Долгорукого вывести войска из городков Правобережья временно успокоили общественное мнение в Польше. Но выполнять эти обещания русское правительство не считало возможным, во-первых, потому, что территория Речи Посполитой представляла самый удобный плацдарм, с которого можно было продолжать войну с противником, и, во-вторых, оно знало позицию польского короля по этим вопросам. Эти условия польско-русского соглашения были выполнены только через два года и по совершенно иным причинам (в связи с давлением Османской империи). Все польские требования к русской стороне позже вошли в пункты польского посольства М. Воловича в Москву в 1710—1711 гг.

Вместе с тем, часть решений рады противоречила русским планам. Бывшие варшавские конфедераты — сторонники Лещинского и Карла XII получили все гражданские права в Польше и Литве. Петр I упрекал Августа за то, что на прежних должностях оставлены многие бывшие противники, в частности С. Потоцкий, который в 1709 г. вел переговоры с Крымом о заключении наступательного союза против России, и М. Вишневецкий, который «ловителствовал на особу царя». снаряжение в Стамбул посольства в соответствии со шляхетскими традициями проходило очень медленно, вместо него был послан только гонец. России не удалось мобилизовать польско-литовские вооруженные силы на Балтийский фронт. Речь Посполитая после Полтавы фактически вышла из Северной войны, хотя некоторые стычки на территории Польши со сторонниками Станислава продолжались до 1714 г.

Ограничения власти гетманов и сокращения численности войск в их подчинении, чего желала русская дипломатия и что в общем, согласовывалось с антимагнатской политикой шляхты, на раде не произошло, так как шляхта в это время видела в гетманах защитников «золотых свобод» против абсолютизма Августа II, и, может быть, русского влияния. Формально рада окончилась укреплением Веттина, но Речь Посполитая, вступив расколотой в Северную войну, только в 1710 г. формально объединилась. Фактически там продолжала существовать антиавгустовская оппозиция, которая позволила шведскому королю и султану Ахмеду III до 1713 г. надеяться на реставрацию Станислава Лещинского.

Не получая дополнительных инструкций от своего правительства (ответ на его запросы пришел только в апреле 1710 г.), Долгорукий решился по своей инициативе пойти навстречу польским требованиям, что способствовало в конце концов успешному завершению переговоров. На заключение компромисса подействовали и угроза отъезда посла с рады и известие о ратификации султаном перемирия 1700 г. с Россией. Оно было помещено Долгоруким в польских газетах и умиротворяюще подействовало на прошведски настроенные умы¹⁸.

¹⁸ И. И. Голиков пишет, что поляки удовлетворялись ответами русского посла, так как русские войска подошли к Варшаве. И. И. Голиков. Деяния Петра Великого. т. 4. М., 1838, стр. 434.

4 (15) апреля окончилась рада, а 7 (18) мая 1710 г. Долгорукий обменялся с депутатами документами — в обмен на «респонс» и письма к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, гетману Скоропадскому, киевскому губернатору Д. М. Голицину с указом о выводе русских войск за пределы польско-литовских границ польские депутаты приняли декларацию о подтверждении «вечного мира» и Нарвского договора 1704 г. конституцией, об осуждении станиславчиков, несмотря на их формальный переход на сторону Августа II, о роспуске частных хоругвей и о посылке посла в Константинополь.

Канцлеры Г. И. Головкин и П. П. Шафиров санкционировали самостоятельные действия русского посла и одобрили результаты польско-русского компромисса на Вальной раде.

Таким образом, несмотря на резкий рост политического и военного престижа России после Полтавы, русская дипломатия в период Северной войны продолжала считаться с позицией польского союзника.

Л. С. КИШКИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ МИКОЛАША АЛЕША

Художник и история — эта проблема так или иначе неизбежно встает при рассмотрении жизни и творчества любого из крупных деятелей изобразительного искусства. Одни из них, не задаваясь специальной целью, вольно или невольно, фиксируют в своих произведениях какие-то исторические явления и факты. Другие делают это сознательно и целенаправленно, главным предметом их внимания являются исторические события, им посвящают они свои произведения. Аlesh принадлежал именно к таким художникам, оказывающим заметное воздействие на становление народного исторического мышления.

Сколь большое место занимает историческая тематика в творчестве Алеша, охватывающем далекое и близкое прошлое, равно как и современную художнику чешскую жизнь, известно¹. Ни до, ни после него в Чехии не было художника, который с такой силой и полнотой представил бы в образах национальную историю своего народа.

Попробуем систематизировать и обобщить отдельные наблюдения, касающиеся исторических произведений Алеша, проследить становление Алеша как исторического художника.

Пожалуй, целесообразнее всего начать разговор об отношении Алеша к истории с истоков его представлений о родной стране и ее прошлом. Не станем повторять факты биографии Алеша, обусловившие возникновение и развитие у него острого интереса к истории родной земли. Об этом уже много сказано². Напомним только, что этот интерес начал складываться в раннем детстве. Немало способствовали тому рассказы близких о предках и родственниках художника. Это целая галерея миротицких Алешей: основатель рода, мясник Франтишек, приехавший в Миротице в 1712 г.; его сын, мясник Петр; сын последнего — пекарь, крестьянин и бургомистр Кашпар — прадед художника. Это погибший во Франции в 1814 г. черный кирасир Франтишек Алеш, которого отец (бургомистр) отдал на военную службу, «желая показать справедливость на себе самом». Это жизненные судьбы отца и матери художника. Образы далеких и близких предков и родных неизбежно связывались в сознании Миколаша Алеша с жизнью и историей родного Миротицкого края, причем весьма конкретной, ярко расцветченной разного рода подробностями. К этому надо добавить еще и влияние сложившейся в роду Алешей «ши-

¹ См. V. V. Stoch. Uvodní studie. В кн. Ceske dejiny v díle Mikoláše Alše. Praha, 1952; Z d. Nejedlý. Mikoláš Aleš. Praha, 1954; F. Dvořák. Mikoláš Aleš a doba husitská. В кн. Doba husitská v díle Mikoláše Alše. Praha, 1958.

² См. E. m. Svoboda. Jak Mikoláš Aléš žil a tvořil. Praha, 1920; M. Míček o. Malíř svého lidu. Praha, 1959.

мадкой» традиции хроникальных записей о всевозможных событиях, а также сознательное стремление отца художника привить сыну патриотическую любовь к Чехии, ее прошлому и настоящему.

Приведем два примера. Отец художника принимал активное участие в любительских театральных постановках. Однажды перед спектаклем он прочитал патриотическое стихотворение чешского поэта Болеслава Яблонского (1813—1881) «Три эпохи чешской земли», в котором говорилось в прошлом величии Чехии, ее упадке и порабощении и последовавшем затем возрождении. Вспомним, что именно так — «Три эпохи чешской земли» — назывался один из первых задуманных Алешем графических циклов, и станет ясно, как много ценных исторических представлений дала ему его семья. Другой пример. В 1883 г. в специальной книжке, озаглавленной «Ключ к прошлому семьи Алешей», художник начинает делать записи и зарисовки, касающиеся его предков. Позже, в 1891 г., он создал специальный альбом «Памятная книга семьи Алешей», куда подобно предкам заносил все известные ему сведения о своем роде, сопровождая их выразительными рисунками. Титульный лист этой книги украшают профессиональные цеховые знаки предков — мясников, пекарей, мельников (последний в память о прадеде по материнской линии). Алеш, гордившийся своим трудовым происхождением, создал целую серию воображаемых портретов своих прадедов. В основу его записей легли рассказы отца, матери, дяди Томаша Фанфуле, а также брата отца, дяди Винцента Алеша (1826—1899), военного, свидетеля событий 1848 г. в Праге, плакавшего, когда от снаряда загорелись староместские мельницы. Внимание художника привлек его подробный дневник. Сведения, почерпнутые из рассказов родных, Алеш дополнял выписками из архивных источников. Так, например, его интересовал живший в XVI в. в Кветне художник Даниел Алеш (Alexius), расписывавший Святовацлавскую часовню. Исследование Алешем своей родословной могло бы стать предметом особого рассмотрения. Нам же важно сейчас подчеркнуть, что оно значительно расширяло исторические представления художника, причем помогало не только понимать историю, но и видеть ее. Вот как описывает Алеш своего прадеда по рассказам родных: «Кашпар, крупный плотный мужчина, носил треугольную шляпу или шапку из выдры, длинное пальто со множеством пуговиц, короткие штаны с серебряными застежками, украшенными гранатами, и чулки»³. Но ведь это исторически достоверный образ — так выглядела одежда не только Кашпара, но и многих других чехов второй половины XVIII в., относящихся к тому же сословию. Как и для Пушкина, изучение родословной для Алеша не было ни странностью, ни забавой; а вызывалось внутренней потребностью понять себя и свой народ, всмотреться в историческую перспективу его развития.

Посмотрев в 1868 г. в Писеке пьесу «Ян Гус», очевидно Тыла, шестнадцатилетний Алеш написал одному из своих товарищей восторженный отзыв о Яне Гусе, процитировав его слова о том, что правду сказать нельзя⁴. Это одно из первых высказываний Алеша, говорящее о демократизме и патриотизме его взглядов, которым он был верен всю жизнь. Несколько позже, в 1872 г., в письме Алеша к Вилему Кайлу появляется афористическая фраза «Родине и народу!»⁵. Так сформулировал молодой художник свое творческое кредо. Впоследствии его живо интересовала не просто история, а именно история жизни народа, не романтическая загадочность

³ Цит. по кн. «Vlast a národ». Praha, 1940, s. 9—10 (Вступительный текст Э. Свободы).

⁴ См. кн. «Vlast a národ», s. 14.

⁵ Цит. по кн. M. M i č k o. Ibid., s. 110.

минувших дней, а подлинные события прошлого, происходившие на родине, и их поучительный смысл для ее настоящего.

Другим мощным импульсом, обусловившим интерес Алеша к отечественной истории, были книги по истории, которых он перечитал множество. Будущий художник часто посещал Императорскую библиотеку в Праге. Он хорошо знал основные труды чешских историков, начиная от Франтишека Мартина Пельцля, впервые по-чешски изложившего древнюю национальную историю («Новая чешская хроника», 1791—1796), до крупнейшего чешского историка XIX в. Франтишека Палацкогo, автора

Рис. 1. «Божьи войны». Рисунок пером, 1885

пятитомной «Истории чешского народа...» (1831—1867), доведенной до 1526 г. Для своего времени этот труд имел огромное значение. Гуситская эпоха рассматривалась в нем как важнейший и героический период чешской истории. Алеш видел в гуситском движении самую яркую и славную страницу истории чешского народа и — в силу демократичности и революционности своих воззрений — остро осознавал его социальный смысл. Из «Истории» Палацкогo и других исторических книг Алеш черпал не только сюжеты для своих произведений. Вместе с ними он впитывал и характерный для чешских историков эпический пафос освящения событий прошлого, что, трансформируясь в его творчестве, придавало произведениям художника особые черты.

Исторические описания (Шафарика, Палацкогo, Воцела и др.) не раз вдохновляли Алеша на создание зрительных образов. К творческой изобразительной интерпретации историй побуждали его и иллюстрированные книги исторического содержания, в частности «Чешско-моравская хроника» (1862) К. В. Запа, сопровождаемая иллюстрациями Петра Мейкснера. Последние помогали молодому Алешу прокладывать путь к своему, оригинальному раскрытию исторических явлений. Примеры приподнято-романтического, эмоционального изображения истории давала Алешу художественная литература, прежде всего Коллар; а также Зелено-

горская и Краледворская рукописи. От книжных легендарно-исторических инспираций художник шел к живым современным представлениям. Вживаясь в историческое прошлое, Аlesh, однако, никогда не отрывался от настоящего, постоянно имел его в виду. В его понимании произведение всегда соединяло в себе эмоционально-художественные и идейно-эстетические начала. Он всегда думал о том позитивном результате, к которому придет зритель при соприкосновении с его творчеством.

Однако знания истории и знакомства с художественной литературой о ней оказалось мало для ее раскрытия посредством искусства, и Аlesh скоро это понял. Кроме исторических книг, надо было изучить сами исторические реалии и сохранившиеся произведения национальной исторической живописи, графики и скульптуры. Прежде чем выступить со своими крупнейшими (живописными и графическими) историческими произведениями Аlesh проделал титаническую работу, на некоторых сторонах которой следует остановиться.

Обращаясь к легендарному прошлому Чехии и истокам славянской культуры, стремясь найти в ней неповторимые, своеобразные черты, Аlesh проявил особый интерес к языческой эпохе, к ее мифологии. По разным источникам им была воссоздана целая галерея славянских богов, которым в глубокой древности поклонялись предки чехов: Триглава (бога мудрости, жизни и солнца), Радгошта (бога войны и победы), Живы (богини жизни), Богуты (бога брака и семьи), Яровита (бога молодости и мужества), Святовита (бога света), Сватибора (бога зверей), Мораны (богини смерти), славянского Зевса-Перуна и других. Все это было связано с замыслами создания многочисленных графических циклов, которые объективно должны были стать образной, в значительной мере романтической интерпретацией известных положений Шафарика об исконности поселения славянских племен в Центральной Европе. В одной из программных записей Алеша, относящихся к 1874—1878 гг., читаем: «I, *Эпоха язычества*. 1. В облаках над старыми липами Перун и молнии, сзади Аркона, Ретра, Чех, Лех и Рус приносят жертву. Всюду священные места, скалы, дубы, открытый величественный пейзаж»⁶. Историко-патриотический смысл задуманного изображения не требует разъяснений. Молодой Аlesh шел тем же путем в искусстве, что и его соотечественники в других областях духовной жизни. И речь здесь не о достоверности легенды о Чехе, Лехе и Русе, а о ярком проявлении национального самосознания, под влиянием которого происходило развитие чешской исторической науки и художественного творчества.

Еще больше внимания уделялось молодым художником собственно национальной истории. Им была досконально изучена чешская геральдика от древних времен до битвы у Белой горы, т. е. 1620 года, когда Чехия подверглась наплыву иноземного дворянства. Первыми гербами, привлечшими внимание Алеша и срисованными им, были гербы Писецкого и Звиковского замков. За годы пребывания в Академии им было собрано и воспроизведено в большинстве случаев в красках 429 чешских гербов. Для этого художнику пришлось осмотреть множество замков, настенных росписей, надгробий, вышивок, именной посуды, средневековых рукописей и книг. За каждым гербом стояла живая история, которая интересовала Алеша прежде всего. Об этом убедительно свидетельствует своеобразное воспроизведение гербов художником. Так, например, герб Жижки у Алеша обрамлен венком победителя и дополнен изображением гуситской чаши, булавы и молнии в тучах. Символика более чем прозрачна, не менее очевидно и сочувственное отношение Алеша к Жижке. Гербы яв-

⁶ Цит. по кн. «Vlast a národ», s. 20.

лялись для него материальным свидетельством и доказательством самостоятельности и независимости Чехии в прошлом, они напоминали о жизни ее древних городов, селений, краев, о важных государственных событиях, отваге и мужестве народа в борьбе с врагами родины. Алеш был большим знатоком чешской геральдики. В 1882 г., когда художнику Войтеху Гинаису была поручена роспись занавеса в национальном театре, включавшая в себя фриз с 13 гербами чешских земель, то он обратился за помощью не к историкам, а к Алешу.

Большой интерес проявлял Алеш и к местам исторических событий. Уже в 70-х годах задумывает он пейзажный цикл, куда должны были войти изображения Праги, окрестностей Писека, Хрудима, Жатца, Мельника, реки Йезера и др. Из словесной программы этого цикла впоследствии во многом вырос знаменитый цикл «Родина». Несколько позже, в начале 80-х лет, Алеш делает наброски к циклу «Чешские горы», куда должны были войти Ржип, Хлум, Жижков, Белая гора, Бланик и др. Конкретный чешский пейзаж отражен уже в самых ранних произведениях Алеша, например в связанном с его работой над циклом «Три эпохи чешской земли» рисунке «Белогорские мученики» (1872), относящемся к тому же циклу (новый вариант) листе «Слава Чехии» (1875). Значительное место занимает пейзаж и в циклах «Чувства», «Родина», и в живописи Алеша. Тонкое знание чешского пейзажа обусловило историческую достоверность и эмоциональное наполнение многих произведений Алеша, в частности составивших впоследствии «Шпаличек», народно-песенные образы которого отличаются большой глубиной и емкостью. Особый интерес и смысл представляло для Алеша тщательное изучение архитектурного пейзажа Праги. Она была для него материальным олицетворением прошлого, наглядной каменной летописью исторических событий, свидетельством созидательных усилий народа и во многом его судьбы. В результате возник графический цикл «Прага» (1882) и проект росписи Староместской ратуши (1904—1906).

Историческая живопись и графика невозможны без досконального знания исторических реалий. Поэтому Алеш скрупулезно относился к изображению древнего оружия, посуды, утвари и т. д. Особое значение придавал художник костюмам, которые он специально изучал уже в 70-е годы в университетской библиотеке по рисункам в старых рукописных и печатных книгах, а также в музеях. Этот интерес не ослабевал всю жизнь: Алеш приобретает двухтомный труд Ч. Зибрта и Э. Винтера «История одежды в чешских землях» (1892—1898), поручает дочери Марине скопировать рисунки с полученной от Ирасека Кутногорской библии, собирает вырезки с изображениями одежды. Уже в академические годы он становится большим знатоком истории чешского костюма, в связи с чем у него не раз консультировались писатели Шмиловский, Ирасек и др. В одном из писем к Алешу Ирасек, говоря о персонажах своего романа «Скалаки», заметил: «Узнаешь старого солдата — ты его одел... Помнишь, как ты мне военных из прошлого столетия рисовал, как рассказывал о своих дядях?»⁷

Почерпнутые из разных источников исторические сведения художник использовал в своем воспроизведении истории чешского народа, его судеб, видных деятелей, рядовых воинов и тружеников.

Мы подошли к самому главному в исторических произведениях Алеша — к образам людей, и одновременно к вопросу о моделировании исторических типов и принципах изображения исторических деятелей. Как выглядели княгиня Людмила, князь Вацлав, Карл IV, Гус, Жижка,

⁷ «Aleš a Jirásek». Praha, 1947, s. 44.

Иржи Подебрадский и другие известные истории чешские деятели, а тем более их безымянные современники, в сущности, никто не знал и не знает. Только немногие специалисты, да и то лишь отчасти, знают о том, какими в ту или иную эпоху были костюмы, обувь, головные уборы, прически, украшения, жилища, бытовая утварь. Что же касается лиц, роста, комплекции и других внешних данных исторических деятелей, то о них до потомков дошло совсем мало сведений. Испорченные временем немногие барельефы, фрески, статуи, рисунки в рукописных книгах — вот почти и все, к чему мог обратиться художник XIX в., поставивший перед собой цель реконструкции образов исторических персонажей. Задача осложнялась еще и тем, что одно и то же лицо нередко изображалось древними художниками по-разному. Так, например, Ян Жижка на цветном рисунке в Иенском кодексе изображен с бородой, а в скульптурном портрете в ратуше г. Табора, относящемся к началу XVI в., — без бороды. Порою древние портретные изображения были столь условны, что на них нельзя было опереться (фигура знаменитого пражского епископа Войтеха Славника на бронзовом рельефе, украшающем двери храма в Гнезно, XII в.; изображение Козьмы Пражского на рисунке в Лейпцигской рукописи его хроники, XIII в.). Казалось бы, некоторое ограничивало свободу Алеша в изображении исторических деятелей и исторических типов. Однако простого выбора подходящей натуры, одетой в надлежащий костюм и помещенной в соответствующую обстановку, для создания исторического образа было мало.

Произвольность и свобода действий художника при воссоздании образов людей прошлого иллюзорны. Как ни велика здесь роль фантазии и вымысла, их оказывается недостаточно. И дело здесь не столько в тех «ограничениях», которые связаны с этнографической и исторической достоверностью, сколько в необходимости подлинного исторического провидения, без которого зрители не поверят художнику. Каждый народ имеет традиционные представления о своих исторических деятелях, их внешности, характере, особых приметах. Порою это отражается даже в именах и прозвищах. Эти традиционные образные представления, претерпевая некоторые изменения, живут веками, живут, даже не будучи зафиксированы ни одним художником. Мы знаем несколько портретов Грозного (живописные — Репина и Васнецова, скульптурный — Антокольского, скульптурную реконструкцию Герасимова). Они не очень похожи друг на друга, но все воспринимаются зрителями как достоверные, ибо не нарушают традиции русских народных исторических представлений. Доверие зрителя при восприятии подобных образов сохраняется и тогда, когда художник в чем-то не главным расходится с данными науки.

Особенность Алеша как исторического художника именно в том и состояла, что его огромный талант сочетался с даром не противоречащего народной традиции ретроспективного видения, с пытливостью ученого, страстного гражданина и патриота. Он заставил поверить в свои исторические образы, ибо они соответствовали пусть даже туманным, но все же жившим в сознании чешского народа представлениям о прошлом и были, насколько это возможно, научно обоснованны.

Встав перед задачей реконструкции исторических образов национального прошлого, Алеш избрал, по всей вероятности, единственное эффективное ее решение — использовать все доступные материалы: скудные упоминания летописей, уцелевшие остатки древних росписей, книжные миниатюры, устные предания, научные данные, музейные материалы и т. д. В соединении с исторической интуицией и редким дарованием художника-историка все это и позволило ему создать удивительные по своему совершенству и идейно-эмоциональному наполнению произведения, дающие

представление о разных периодах жизни Чехии. И, конечно же, главным в них было изображение людей, творцов истории. Иконографические интересы Алеша избирательны. Его привлекали прежде всего исторические образы периода государственной самостоятельности Чехии, ее расцвета, славы и могущества — времени, когда закладывались основы чешской национальной культуры.

Не имея возможности охарактеризовать все воссозданные Алешем образы исторических деятелей, остановимся лишь на некоторых из них.

Святой Вацлав — его Алеш рисовал особенно часто. Идя от изображений на древних монетах, печатях и от разного рода других иконографических материалов, в частности используя одну из фресок Звиковского замка (конец XV в.), на которой Вацлав изображен в рост, в доспехах, с мечом и щитом, Алеш создал целую галерею своих Вацлавов (конных, пеших, стоящих и сидящих, бородатых и безбородых, юных и мужественных). Художник наполнил легендарный образ Вацлава глубоким патриотическим содержанием. Благородный защитник чешской земли от захватчиков, борец за жизненные права и интересы страны, завещавший потомкам беречь родную землю и культуру предков, — таким предстает Вацлав у Алеша. Однако это не только условный патриотический символ, отражающий народные чувства и чаяния, но и в какой-то мере обобщенный образ древнечешского воина вообще.

Алеша интересовали и другие Пшемисловичи, например Пшемисл Отокар II (1253—1278), при котором Чехия стала могущественной державой Европы, простиравшей свои границы до Адриатики.

Среди Люксембургов больше других привлекала внимание Алеша личность Карла IV (1346—1378), превратившего Чехию в сильное феодальное государство и оказавшего большое влияние на развитие ее культуры, что особенно импонировало художнику — он изображал Карла IV как строителя знаменитого собора св. Вита, как основателя Пражского университета.

Центральное место в исторической иконографии Алеша, безусловно, принадлежит деятелям гуситской эпохи, прежде всего самому Гусу, а также Жижке и Иржи Подебрадскому.

Уже в начале 70-х годов Алеш начинает работать над образом Гуса, опираясь на сложившуюся в XVI в. традицию его изображения. Особенно правилось Алешу изображение Гуса в Малостранском градуале (1572). Однако связь алешевского изображения Гуса с традиционным осуществлялась в сходстве портрета и реалий. Внутренняя трактовка образа была самостоятельной. Обычно Алеш рисовал Гуса в профиль, в профессорской мантии (иногда сутане) и берете, с библией в руках. Обрамленное небольшой бородой, простое, художавое, с горбинкой на носу лицо алешевского Гуса благородно, решительно и сурово. В отличие от неизвестных художников XV и XVI вв., изображавших Гуса фанатиком и мучеником, Алеш дает образ человека и выдающегося народного мыслителя — духовного вождя нации, который был близок, понятен и доступен шедшим за ним простым чешским людям. Таким, благодаря Алешу, зрительный образ Гуса и живет в сознании чешского народа.

Так же как и при создании образа Гуса, изучив древнюю иконографию Жижки и нарисовав множество его портретов, в своем стремлении сделать их правдивыми Алеш шел от народных представлений о герое гуситских войн. «Лицо Жижки, — писал об алешевских рисунках Эмануэл Свобода, — является лицом крестьянина из Южной Чехии, опаленного страстями и жизненной борьбой, твердого, не отступающего в бою за духовные и материальные ценности народа, не жаждущего славы, власти и богатства, лицо Жижки — это средоточие силы, мужества и решитель-

ности в простом исполнении своего долга»⁸. Интересно отметить, что Алеш использовал в своей работе найденный в 1910 г. в Чаславе предполагаемый череп Жижки, который был выставлен в Национальном музее. Учитывая его форму, Алеш создал один из портретов Жижки.

Неоднократно обращается Алеш к образу гуситского короля Иржи Подебрадского, в котором художник видел мудрого и дальновидного правителя, способствовавшего развитию нации и государства, выступавшего против в дворян-католиков и папской курии, опиравшегося в своей деятельности на чешские города и низшее дворянство. Таким показан он на картине «Встреча Иржи из Подебрад с Матиашем Корвином» (1878) и в ряде других произведений Алеша.

Мы упомянули лишь наиболее характерные и показательные исторические портреты Алеша. Их дополняют многие другие изображения: Само, братьев просветителей Кирилла и Мефодия, моравского князя Сватоплука, Яна Рогача из Дубе и т. д. Но дело не в количественном перечне, нам хотелось выделить главное и определяющее в изображении исторических образов, показать авторское отношение Алеша к ним, увидеть их глазами художника. «Четыре образа из чешской истории, — пишет Эмануэл Свобода, — рисовал Алеш всю жизнь, чтобы представить их народу как образцы достоинства и добродетели: св. Вацлава как источник душевной силы и постоянной надежды нации, магистра Яна Гуса как образец правды и верности в рациональном познании, Яна Жижку как проявление силы, мужества и решительности и Иржи Подебрадского как проявление государственной мудрости»⁹. Эти слова определяют не только прогрессивный смысл исторической избирательности художника, о чем уже говорилось, но и общественно-воспитательное значение его исторических портретных образов.

Крайне важно и показательно, что зрительные представления о прошлом Чехии Алеш вызывал не только посредством образов выдающихся национальных деятелей. Думая об исторических судьбах родины, он никогда не забывал о главном — самом народе, его безвестных представителях, живших, трудившихся и воевавших в разные эпохи. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют рожденные его творческой фантазией, подкрепленной скупыми данными археологии и истории, изображения спутников легендарного Чеха, древних славянских богатырей, обживавших чешскую землю в далеком прошлом, земледельцев и воинов. Не менее интересны среди образов безвестных участников важных исторических событий и многочисленные алешевские гуситские гетманы. Алеш показывает их в разных ситуациях, и в дни славы и в трагических обстоятельствах. Разнообразно выражение лиц гетманов, разнообразны характеры, однако всех их объединяет запечатленная в выражениях лиц су-

Рис. 2. Ян Гус. Рисунок тушью, 1878—1880

⁸ «Vlast a národ», s. 36.

⁹ Ibid., s. 37.

ровая решительность, воля и готовность к борьбе за право и свободу народа. В этом они родственны образу Жижки.

Существенное место в графическом наследии Алеша занимают многочисленные образы людей из народа, хронологически относящиеся к побелогорскому периоду. Это прежде всего разнообразные типы чешских крестьян и горожан XVII—XIX вв., участников сельских восстаний. Особое внимание художника привлекло легендарное восстание ходов, в частности героический образ одного из его руководителей Яна Сладкого (Козины), казненного в 1695 г. после подавления восстания. Алеш воссоздал образы сельских повстанцев: «Крестьянин из Хлумца» и «Тип участника крестьянского восстания» (1883). Довольно часто обращался Алеш к изображению военных (кирасир, драгун, улан, гусар и т. д.), видя в них молодых чешских крестьян, не по своей воле покинувших родные края. Огромную галерею исторических народных образов венчают собою рисунки упомянутого выше «Шпаличека».

Рис. 3. Гуситский гетман. Рисунок углем, 1892

Исторические типы всевозможных представителей чешского народа показаны художником начиная с седой легендарной древности вплоть до XIX в. Осуществить такую поистине титаническую работу одному человеку было нелегко. Однако, поставив перед собой задачу — зрительно воскресить прошлое своего народа и тем самым способствовать пробуждению патриотических чувств и стремлений к свободе, Алеш должен был ее решить. Здесь уместно напомнить, что три столетия чешская художественная культура почти не развивалась. Многие были вытравлены из памяти людей. Свой язык и своя отечественная история — это то, без чего не может существовать ни один народ. Об этом люди знали еще в глубокой древности (по легендарному преданию, именно родному языку и истории предков тайком учила Мариам своего сына, боясь, что он забудет о своем происхождении и станет египетским аристократом.) Об этом знал Алеш — и прекрасно понимал огромное воспитательное значение истории.

Характеризуя исторические воззрения Алеша, чешские исследователи обычно указывают на то, что его внимание особенно привлекали «кирилло-мефодиевская», «сватовацлавская» и «гуситская» традиции. При этом они отмечают, что, в отличие от некоторых других деятелей чешской культуры, художник не противопоставлял эти традиции, не ставил одну выше другой, а, извлекая из каждой те положительные черты, которые видел в них народ, стремился использовать их в интересах освободительной борьбы, на службу которой сознательно ставил свое искусство¹⁰. Все это в основном верно, если, конечно, иметь в виду, что удельный вес каждой

¹⁰ Ibid., s. 37.

из названных традиций в процессе развития чешской общественной идеологии не был одинаков. Однако сказанным представление об исторической концепции Алеша все же не исчерпывается. Острый интерес и положительное отношение к крестьянским восстаниям XVII—XVIII вв., эпохе чешского национального Возрождения и всевозможным проявлениям освободительной борьбы во второй половине XIX в. (революция 1848 года, таборное движение 60-х годов, забастовки и массовые выступления рабочих, общедемократическая борьба за всеобщее избирательное право) не менее показательны для нее. В этом отношении характерны такие рисунки

Рис. 4. «Из времен сельских восстаний». Рисунок пером, 1899

Алеша, как «Из времен сельских восстаний» (1889), «Уж та липа наша» (1891), «Год 1848» (1881), «В добрый час достойному» (1881), «Австрийская германизаторская политика в Северной Чехии» (1908), многие карикатуры для социал-демократического сатирического журнала «Рашпиль» («Таффе и рабочие», «Рисунок без слов», «Социальное движение», «Уже поздно...», 1890) и другие.

Итак, исторические взгляды Алеша, а в соответствии с ними и художественное видение прошлого и настоящего, характеризуются интересом к прогрессивным событиям и явлениям чешской национальной истории. «Алеш понимал послание истории как постоянное поучение народу, как живую традицию в цепи минувших, живущих и будущих поколений», — справедливо отметил Э. Свобода¹¹.

Надо заметить, что поучительные уроки истории художник видел и в тех событиях, которые вошли в народную память как печальные. Таковы, например, поражение гуситов у Липан (1434) и проигранное чехами сражение у Белой горы (1620). Напоминая о них, художник как бы предостерегал своих соотечественников от повторения ошибок и заблуждений, имевших место в прошлом.

¹¹ Ibid., s. 41.

Рис. 5. «Ход на страже». Рисунок пером, 1899

Весьма существенна и вторая черта, свойственная историческим произведениям Алеша. Мы имеем в виду определившую их характер патриотическую и демократическую избирательность художника. При знакомстве с его произведениями невольно приходят на память слова Гоголя: «Бей в прошедшем настоящее и в двойную силу облетится слово твое»¹². Они могли бы стать девизом к творчеству Алеша. Обращение к истории было для художника формой участия в борьбе, его вкладом в освободительное движение чешского народа.

Подобно многим выдающимся деятелям чешской культуры XIX в. (Эрбену, Неруде, Дворжаку, Сладеку и др.) Алеш вышел из народа, подобно им глазами народа смотрел он на прошлое Чехии и с народных позиций

отображал национальную историю в своем творчестве. В этом отношении он как бы завершал ту огромную культурную работу по воссозданию национального исторического прошлого, которую в разных областях духовной жизни осуществляли деятели национального Возрождения. Все то, что было сделано ими в науке, литературе и музыке, Алеш в значительной мере совершил в изобразительном искусстве.

Думается, не будет преувеличения, если мы скажем, что Алеш — один из тех деятелей чешской культуры, которые много сделали для того, чтобы широкие массы его соотечественников узнали и у в и д е л и свою национальную историю в ее целом, научились соединять в единую цепь события прошлого и настоящего, понимать их как непрерывное продолжение жизни народа. Центральное место в исторических произведениях Алеша занимают образы простых людей. До Алеша участие народных масс в борьбе за независимость в Чехии и свободу с такой силой в чешском изобразительном искусстве не раскрывал никто.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, это органическая связь творчества художника со всеми другими областями чешской культурной и общественной жизни. Алеша нельзя себе представить в отрыве от Коллара, Челаковского, Эрбена, Сметаны, Манеса, Ирасека, Арбеса, Чеха и многих других выдающихся представителей чешской демократической культуры. В ряде случаев он опирался на их произведения, получал от них творческие импульсы. Так же как и художественное наследие всех выдающихся деятелей чешского национального Возрождения, искусство Алеша выполняло большую общественно-культурную роль, обогащало народ знанием собственной истории, утверждало в нем веру в лучшее будущее и указывало пути к нему. В этом смысле Алеш подобен своим предшественникам и по типу всей своей деятельности может быть сравним с «будителями». Различие же состояло в том, что творчество Алеша за-

¹² Н. В. Г о г о л ь. Полн. собр. соч., т. XIII. М., 1952, стр. 278.

Рис. 6. «Год 1848». Рисунок пером, 1881

тронуло более широкую сферу культурной и общественной жизни, стало духовной пищей широких народных масс. Демократизм художника в понимании истории был более последовательным, патриотическое раскрытие смысла истории близко и доступно простым чешским людям. Именно поэтому Алеш и стал одним из «властителей дум» своего времени, именно поэтому его творчество столь характерно и показательно для своей эпохи, таит в себе ее живое дыхание, показывает, как велико значение истории в жизни народа.

О. ЛАПТУХИНА

РЕАЛИЗМ И НАТУРАЛИЗМ В РОМАНЕ РЕЙМОНТА «ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ»

90-е годы XIX в. были годами плодотворного развития польской прозы. В это время продолжают творить ранее вошедшие в литературу писатели Б. Прус, Э. Ожешко, Г. Сенкевич, А. Дыгасиньский; решительно заявляют о себе дебютанты С. Жеромский, В. Реймонт, В. Оркан. В творчестве каждого из них с различной степенью полноты отражена современная им действительность: повсеместное распространение социальных и моральных норм буржуазной жизни, обострение капиталистических противоречий, появление новых общественных факторов. Прозу этого десятилетия более всего характеризует стремление вникнуть в суть происходящих в Польше накануне вступления в XX век процессов, определить роль и место в них народа и личности. Ей свойственна трезвость взгляда, детальность рассмотрения и тщательность анализа отрицательных, уродливых явлений действительности, критическая направленность. Ведущая роль в прозе 90-х годов остается за реализмом. Именно в это время выходят в свет многие из лучших реалистических произведений: романы Б. Пруса «Кукла» (1890), «Эмансипированные женщины» (1894); Э. Ожешко «Аргонавты» (1899) и др. Но реалистические произведения классического образца соседствуют часто с произведениями, в которых реализм предстает в новом облике. Сдвиги в реализме происходят за счет овладения им новыми идейными и стилевыми концепциями, а так же в большой степени за счет соприкосновения, взаимопересечения с другими принципами отражения действительности, в первую очередь с натурализмом. Несмотря на то, что утверждение натурализма в Польше началось еще в 80-е годы (оно связано с теоретической и художественной деятельностью группы писателей — А. Сыгетыньского, А. Дыгасиньского, А. Грушецкого, С. Виткевича, объединенных в 1884 г. в журнале «Вендровец»), ряд значительных произведений, воплощающих программные положения натурализма, был создан в 90-е годы: романы А. Дыгасиньского «Горилка» (1891—1894); А. Грушецкого «Тузы» (1893), «Кроты» (1897), «Доменщик» (1898). Но и эти натуралистические произведения нередко объективно приобретают реалистическую значимость. Отдельные стороны натуралистического видения мира и эстетики проникают в творчество основоположников польского реализма. Особенно тесно переплетаются реалистические и натуралистические тенденции в творчестве ведущих представителей поколения «Молодой Польши» — Жеромского, Реймонта, Оркана, Берента и др. Граница между натурализмом и реализмом подчас трудно определима, зыбка, тем важнее реально представить их соотношение в произведениях отдельных писателей, а также в литературе этого

периода в целом. Изучение этого соотношения поможет преодолеть тенденцию к абсолютизации роли натурализма в польской прозе конца XIX — начала XX в. С этой точки зрения немалый интерес представляет анализ творчества Реймонта.

Почти каждое его произведение несет на себе печать натурализма, но роль его на отдельных этапах развития творчества неодинакова. Творческий путь Реймонта до 10-х годов XX в. — это неуклонная, хотя и не всегда легко прослеживаемая эволюция от скрупулезного воспроизведения действительности к мастерству обобщения, реалистической типизации. Непреодолимое желание писателя понять причины того, а не иного способа существования человека и общества, отыскать конкретные пути и силы, способные изменить общественное бытие, подчас сопровождается созданием нереальных конструкций; но путь Реймонта от первых крестьянских рассказов к роману «Мужики» — это безусловно эволюция от натурализма к реализму. Роман «Обетованная земля» (печатался на страницах варшавской газеты «Курьер цодзенны» в 1897—1898 гг., отдельной книгой вышел в 1899 г.) — существенное звено в этой эволюции. Сочетая реалистические и нереалистические аспекты отражения действительности, «Обетованная земля» является типичным для литературы периода «Молодой Польши» произведением.

Польские ученые, обращая внимание на невозможность однозначного определения творческого метода Реймонта в «Обетованной земле», чаще всего ограничивались констатацией имеющихся в произведении тенденций, механизм же их действия не раскрывался. Не столь редки в польском литературоведении и суждения об «Обетованной земле» как о типично натуралистическом произведении (В. Фельдман, Т. Военский, позднее — Ю. Кляйнер, М. Пехаль). Такое определение романа вполне соответствовало идее о преобладании в литературе этого периода натуралистических тенденций. Поэтому исследование ведущего принципа отображения действительности в романе важно не только для определения его подлинного значения, не только для понимания полного идейных и художественных противоречий творческого пути писателя, но одновременно может способствовать решению более общей проблемы — судьбы польского реализма на пороге XX века.

К моменту выхода в свет «Обетованной земли» Реймонт уже был автором сборника рассказов «Встреча», очерка «Путешествие на Ясную Гору» и двух романов «Комедиантка» и «Брожение». Эти произведения позволяют говорить об определенной близости к натурализму. Писатель сам отчетливо сознавал это (см. его дневниковые записи за 1894 г.), на это указывали и первые критики его произведений. Однако Реймонт никогда не был последовательным приверженцем натуралистической доктрины, никогда слепо не следовал ее букве.

В литературе о Реймонте часто отмечается стихийный характер его натурализма, связанный с уникальной способностью писателя к наблюдению, соответствие натурализма его творческому темпераменту, мрачному, подчас трагическому мироощущению.

В одном из первых рассказов писателя «С глазу на глаз» (1894) герой, разочарованный юноша, рассуждает об отсутствии в жизни человека каких бы то ни было ценностей, о том, что единственным ее двигателем является борьба за утоление голода.

В крестьянских рассказах, которые по первоначальному замыслу писателя должны были составить цикл с характерным для натурализма названием «Из крестьянского житья», Реймонт демонстрирует действие этого закона в современной ему польской деревне; наиболее ярким примером является в этом смысле рассказ «Смерть» (1897).

В романе «Обетованная земля» автор показывает, что в городе закон борьбы за существование не только не исчезает, но и крайне обостряется, становясь определяющим в изображаемой картине мира.

Моделью мира в «Обетованной земле» является Лодзь. Здесь, в центре текстильной промышленности Королевства Польского, живут ее герои — три друга: Кароль Боровецкий, Мориц Вельт и Макс Баум. Борьба за приобретение собственной фабрики, в которую втянуты все, с кем им приходится сталкиваться на пути к достижению своей цели, составляет сюжет романа. В нем отражается реймонтовское, натуралистическое, видение мира как арены постоянной и неумолимой войны всех против всех. В Лодзи царит закон «поедания слабых сильными». Красноречиво говорит о нем один из персонажей романа: «Плотичку съедает пескарь, пескаря — окунь, окуня съедает щука, а щуку?.. щуку съедает человек. А человека съедают другие люди, банкротства, болезни, огорчения и в конце концов смерть»¹. Всеобщая вражда в Лодзи обостряется за счет столкновений представителей разных этнических групп. Резко противопоставляя друг другу польских, еврейских и немецких предпринимателей, абсолютизируя национальные различия, Реймонт склоняется к идеализации поляков, евреи же представляются ему воплощением всех злых сил. Однако наряду с внутренней — сословной, этнической и этической — разобщенностью имущих писатель подмечает их своеобразное единство по отношению к тем, кто исключен из числа сильных мира сего, к безликим, безымянным рабочим.

Такова натуралистическая концепция классового разделения общества и отношения между буржуазией и пролетариатом в романе.

Рабочие на страницах романа — это, чаще всего, пассивные существа, воля которых подавлена оупляющим трудом. По утрам они выползают из подвалов, в которые просачивается уличная грязь, «словно тихие черные рои», и спешат на фабрики, где «являются только дополнением машин». Кажется, это о них сказано: «А вот рабочие, они оцепенели, спеша шесть раз удар железных дней недели»². Призраки, лишённые инициативы, рабочие приобретают более реальные очертания, когда оказываются на первом плане поля зрения художника. В таких случаях они уже не сугубо натуралистически представленные «слабые», в них зарождается и возрастает возмущение, назревает бунт. Протест рабочих в «Обетованной земле» сводится к протесту против унижения человеческого достоинства — мстит фабриканту Кесслеру за надругательство над честью дочери рабочий Малиновский, но их борьба не является символом борьбы угнетенного и угнетаемого. Вот символическая сцена схватки врагов: «Оба вскочили, обхватили друг друга руками и рухнули со страшным криком на поршни между мелькавшими с быстротой молнии спицами колеса, которые подхватили их, втянули, подбросили к потолку и разорвали их в клочья в одно мгновение. Еще последний крик звучал среди дрожавших стен, а их уже не было, одни клочья разодранных тел вращались вместе с чудовищем-колесом, отскакивали к стенам, сползали с окровавленных поршней и мелькали зацепившись на колесе, которое беспрерывно несло в бешеном движении, окровавленное, чудовищное в своей величине, с безумным ревом скованной силы» (II, 343—344). В ее натуралистической жестокости сосредоточена квинтэссенция основной мысли романа, всей реймонтовской философии: машина, промышленность и, шире, город, цивилизация губельны для человека.

¹ В. Р е й м о н т. Земля обетованная. Собр. соч., т. 7. М., изд. Саблина, 1911, кн. I, стр. 403. Далее цитируется по этому изданию, страницы указываются в тексте.

² Э. В е р х а р н: Соборы (цикл «Города-спруты»). Полн.: собр. поэм, т. 5. М., 1925, стр. 71.

Антиурбанистическая идея, появившись в самых первых произведениях писателя, — уже в рукописи рассказа «Встреча» (1893) один из героев произносит филиппику против современной цивилизации³, — проходит через все его творчество; ее отголоски слышны в «Путешествии на Ясную Гору» (герой испытывает радость от того, что хотя бы ненадолго вырвался из Варшавы), особенно сильно чувствуется в произведениях 10—20-х годов — в притче «Кладбище» (1906), рассказе «Буря» (1907), романах «Мечтатель» (1910), «Вампир» (1911), повести «Принцесса» (1924). Многочисленные антиурбанистические высказывания содержатся в дневнике и в письмах писателя.

Антиурбанистическая позиция вообще чрезвычайно характерна для натуралистической литературы. Значительное место она занимает, например, в творчестве Э. Золя, особенно ярко проявившись в романах «Париж» и «Чрево Парижа». Но городской, индустриальный быт — это лишь одна из сторон действительности, которую охватывает натуралистическое отрицание. В цикл романов «Ругон-Маккары» входит, например, «Земля», рисующая отношения в деревне, как и в городе, в мрачном свете. Натуралистически жестока деревня в произведениях А. Дыгасиньского, в крестьянских рассказах самого Реймонта.

Наблюдая, как и другие натуралисты, жизнь буржуазного города, замечая, что зло внедрено в каждую ее клетку, в каждый нерв, Реймонт оказывается неспособным понять первопричину зла. Иногда писатель приближается к ней: в уста одного из наиболее бунтарски настроенных героев он вкладывает слова: «Зло не в том, что люди работают, а в том, что не все работают» (I, 402). Но эта, чуждая Реймонту, идея не получает в романе развития.

В понимании Реймонта зло наделено иррациональной силой, а следовательно, ничто не способно его обуздать. Отрицать его можно только ненавистью, неизбежно испытывая перед ним страх.

Всю свою ненависть к злу Реймонт переносит на город, фабрики, машины — все атрибуты урбанистическо-технической цивилизации. Его обаяющее ужасом воображение анимизирует их, представляет их inferнальными чудовищами. Страшные, «похожие на крокодилов» (I, 438) машины, фабрики, поглощающие «рабочих словно чрево, которое медленно дышит пламенем» (I, 9), превращают рабочего в призрак. Омертвляюще они действуют и на фабрикантов: в автомат обращается лодзинский король Бухольд, четко работающей машиной становится директор, а позднее владелец фабрики Боровецкий, ненавидящий ее «глубокой ненавистью раба» (II, 392).

Страх перед машиной становится лейтмотивом и других антиурбанистических произведений Реймонта — рассказа «Однажды» (1900), притчи «Кладбище». Анимизация машины, как правило, сопровождает произведения писателей, для которых остается неясной сущность капиталистической индустриализации. Она присутствует и в романах Грушецкого, и в близких натурализму произведениях Берента («Специалист») и Немоевского («Polonia Irredenta»).

Весь городской, промышленный мир Реймонт представляет как «громоздкий в о д о р о т, в котором кружились люди, фабрики, товары и страсти, миллионы и нужда, разврат и вечный голод» (II, 387), как «х а о с грязи, сброда, дикости, воровства, поражений, жертв, метаний и

³ См. Nota bibliograficzna do: W. S. Reymont. Pisma, t. V. Warszawa, 1950; s. 453.

падений»⁴, как «мистическую экономическую силу»⁵ (разрядка моя. — О. Л.).

Интуитивное предчувствие писателем гибели дисгармоничного мира, антиурбанистическая позиция и неприятие им современной цивилизации свидетельствуют о близости реймонтовского натуралистического миро-восприятия к экспрессионистическому. То, что экспрессионизм как направление и осознанный творческий метод сформировался значительно позже, не исключает возможности проявления некоторых его элементов уже в конце XIX в.⁶ Натурализм всегда оставляет возможность развития как реалистических, так и нереалистических тенденций. В этом убеждает и дальнейшее развитие творчества Реймонта, особенно те произведения, которые написаны после революции 1905 года, усугубившей разлад художника с действительностью, вызвавшей резкое «поправение» его политических взглядов. Если в «Обетованной земле» чувство страха перед будущим и связанный с ним катастрофизм вторичны по отношению к неприятию настоящего, то в более поздних произведениях страх материализуется, превращается в феномен — экспрессионистические тенденции в них становятся еще более ощутимыми («Кладбище», «Вампир»).

Но, сделав шаг в «Обетованной земле» по направлению к экспрессионизму, Реймонт идет в дальнейшем в полярно-противоположную сторону. Не удовлетворяясь ни натуралистическим отражением во имя отрицания, ни экспрессионистическим воинствующим отрицанием, он делает попытку создания позитивной конструкции.

Городу — «кладбищу душ» писатель противопоставляет идиллическую деревню — оазис подлинной, «удивительно простой, необычайно спокойной и какой-то высшей жизни» (II, 6) в современном мире. Такое сочетание антиурбанистической позиции с проповедью возвращения к истинной жизни на лоне природы встречается в литературе довольно часто (произведения Честертона, циклы стихотворений Верхарна). Не избегают этого и натуралисты, понимающие, что отрицание не может быть безграничным, но вместе с тем не видящие реального способа совершенствования мира: вспомним хотя бы мотив противопоставления городского смрада и вольного воздуха в романе Э. Золя «Париж».

В творчестве Реймонта два полюса: гармоничная, естественная жизнь крестьянина и лишенная истинной сущности жизнь человека в промышленном, капиталистическом мире — играют особенно большую роль. Идея могучей целительной силы земли, присутствующая в одном из первых рассказов «С глазу на глаз», воплощена и в более позднем романе «Вампир», один из персонажей которого призывает людей разрушить города, оставить труд, вернуться в поля для последнего очищения. Но в первую очередь эта идея связана с самым значительным произведением Реймонта — романом «Мужики» (1904—1909).

В «Обетованной земле» таким «спасенным из плена городов» уголком является поместье Боровецкого Куров. Резкий переход из дрожащей от

⁴ W. S. Reymont. List do Hoesicka z 10 II 1897. Цит. по: В. К о с ó w n а. Reymont. Warszawa, 1971, s. 78.

⁵ W. S. Reymont. List do Lorentowicza z 25 X 1896. Цит. по: М. W a r n i e Ń s k а. Medium piszące. Łódź, 1970, s. 188.

⁶ Оговорить это чрезвычайно существенно, так как «Обетованная земля», смыкаясь с экспрессионизмом в общей концепции мира и в некоторых особенностях стиля (о чем речь пойдет дальше), не удовлетворяет, однако, многим основополагающим принципам экспрессионистического метода. Представленная в романе действительность не деформирована в свойственной экспрессионизму степени, в нем нет нарушения пространственно-временных и причинно-следственных связей, отсутствуют и многие черты, характерные для экспрессионистической поэтики (гротеск, карикатура и т. п.).

грохота машин Лодзи, с ее преступлениями и дымным небом, в напоенный тишиной Куров рисуется Реймонтом как переход из ада в рай.

Отрицая аморальную, по его мнению, попытку человека овладеть природой, Реймонт осознает, что приостановить этот процесс невозможно. Поэтому, вступая в противоречие с собственным отрицанием, он пытается найти и внутри цивилизованного мира ту точку отсчета, на основе которой можно создать его аксиологию. Такой точкой отсчета в иерархии ценностей становится мораль, с позиций которой Реймонт и производит оценку действительности.

Этот достаточно узкий взгляд Реймонта ограничивается еще более тем, что основой морального поведения он считает умеренность. С этим связана одна из важнейших идей «Обетованной земли», воплощенная в первую очередь в образе польского промышленника Кароля Боровецкого, иллюзорная идея «честного» капиталиста. Здесь очевидно натуралистическое противоречие между силой отрицания и слабостью утверждения, которое присутствует, например, у Золя, создавшего образ «честно наживающего деньги» владельца фабрики Грандидье («Париж»). Впрочем, эта идея встречается и у противника натурализма — Г. Сенкевича: достаточно вспомнить «честную» фирму Вигель и Поланецкий из «Семьи Поланецких».

Суть идеи «честного» капиталиста лаконично изложена в словах отца Боровецкого, напутствующего начинающего фабриканта Вильчека: «Становись хоть миллионером, только не обижай людей» (II, 349). Тех же, кто переступает границу умеренности, которую, кстати, писатель представляет себе довольно нечетко, настигает возмездие. Так Реймонт трактует и гибель Кесслера, и смерть Бухольца, и страдания Боровецкого.

Порой кажется, что Реймонт чувствует шаткость, неустойчивость такого решения: он вводит в роман персонажей, понимающих несовместимость благородства и чести с законами, по которым живут фабриканты, но тут же отступает, предпочитая уповать на возможность морального существования в данном обществе. Сочетание натуралистического отрицания и утопии накладывает отпечаток и на систему образов романа. Персонажей Реймонт группирует в соответствии с их отношением к цивилизации.

Первая группа — представители цивилизации и города — в основном еврейские и немецкие фабриканты. Их образы решены Реймонтом последовательно натуралистически. Настоящие *Lodsermenschi*, детерминированные городской, промышленной средой, в Лодзи они процветают. Атмосфера вечной вражды, по Реймонту, отвечает их внутренней сущности, каждый из них находится во власти *faculté maitresse* — страсти к обогащению. Действуя согласно убеждению, что «способ, каким добыт рубль, не уменьшает его стоимости» (I, 171), они даже не прикрываются речами о добропорядочности.

Оценка этих героев однозначна: писатель выделяет во внутреннем или внешнем облике каждого из них одну, подчеркивающую их животную сущность, черту. На основе этой доминанты Реймонт строит многочисленные анималистические сравнения: банкир Гросглюк похож на «откормленную свинью» (I, 341); Бухольц — на ястреба, перед которым «рабочие рассыпались словно птицы» (I, 241); на вечере у «напудренной коровы» (II, 154) Ройзы Эндельман собралась вся Лодзь и ее лучшие невесты — «золотые телки» (I, 361). Так Лодзь в романе становится настоящим человеческим зверинцем.

Но писателя нельзя упрекнуть в том, что он намеренно выискивает и подчеркивает в человеке звериные инстинкты. Далек он и от свойственной натурализму трактовки человека только как биологического существа, от физиологизма и натуралистического соматизма.

У Реймонта иная задача, иная цель — и это цель писателя-реалиста: разоблачить условия, в которых происходит превращение человека в зверя, показать опасность такого превращения. Его причиной он считает условия существования и полностью отказывается от мотивировки характеров и действий героев дурной наследственностью.

Выходит за рамки строго натуралистического видения мира в романе попытка художника противопоставить человеку-зверю позитивного героя.

Положительные персонажи — те, кто принимает участие в погоне за миллионами не по доброй воле, а по принуждению или по случайному стечению обстоятельств. Случайно оказывается в Лодзи отец Боровецкого — воплощение «мумифицированного шляхетства времен демократии» (I, 272), высокопоставленная невеста Кароля — Анка, попытавшийся, но не сумевший преодолеть противные ему законы, доктор Высоцкий. Не находят своего места в ней и попавший сюда по настоянию отца благородный Травиньский, и живой архаизм старик Баум, балансирующий на грани разорения.

Все представители этой небольшой, по сравнению с множеством истинных «лодзинцев», группы идеализированы писателем. Идеальные персонажи на фоне разложения общества, без достаточных психологических мотивировок, они выглядят ходульно, нежизненно. Словно сошедшие со сцены средневекового моралите, женские образы представляются абстрактными воплощениями Добра (Анка), Красоты (Травиньская), Любви (Люцы), Навивости (Мада), Непосредственности (Кама).

Значительно сложнее и интереснее натуралистически изображенных лодзинских хищников и идеализированных положительных персонажей в целом реалистически решенный образ главного героя романа Кароля Боровецкого.

Проявление одинакового интереса писателя как к среде, так и к судьбе отдельной личности, конкретный, социологический взгляд на личность, психологическая мотивировка ее действий — все это является еще одним аргументом в пользу того, что «Обетованная земля» не последовательно натуралистическое произведение.

Образ Боровецкого является идейным и формальным центром произведения. Образ этот неоднозначен. С одной стороны, Боровецкий — талантливый инженер и энергичный предприниматель — достаточно типичное лицо в среде имущих лодзинцев. Он — «высший человек», успешно шествующий по жизни, расстающийся с атактистическими представлениями о добре и зле, когда они препятствуют ему в достижении цели, именно тот «великий человек, который ради своего дела отбрасывает прочь от себя сострадание и умеет сокрушить свое уступчивое сердце, требует от себя и решается принести в жертву многое и многих для того, чтобы иметь успех самому»⁷.

Но отображая подчинение лучшего, что было заложено в Боровецком, уродливым законам среды, Реймонт не абсолютизирует, как свойственно натурализму, ее роль (вспомним, как мучительно пытается вырваться из нее героиня дилогии «Комедиантка» и «Брожение» Янка Орловская и как безжалостно среда возвращает ее к себе). В «Обетованной земле» детерминированность средой не является фатальной и не исключает личной ответственности. Боровецкий действует так, как удобнее действовать в его среде, и поступки его не результат подчинения ее неумолимым требованиям, а результат его приспособления к ней. Неоднократно выбирая в пользу среды, он ни на мгновение не перестает сознавать низость такого выбора.

⁷ Ф. Ницше. Ценность европейской культуры. Цит. по: Б. Рогачев. Ницше. Схематизированная интерпретация его философии. Париж, 1909, стр. 258.

Он находится в состоянии внутреннего разлада, поскольку делает то, что сам же осуждает.

Некоторая устойчивость добрых задатков Боровецкого в сочетании с его трезвым взглядом на среду лишает его характерной для героев натуралистической литературы пассивности. Но потенциально имеющаяся в нем активность не становится общественной активностью, ибо высшей в системе ценностей Боровецкого является личная выгода. В этом смысле образ Боровецкого — верное отражение типичного для конца XIX в. явления буржуазного индивидуализма⁸. Боровецкий, в отличие, например, от Вокуюльского, чужд общественным проблемам, прометеизму героев Жеромского — он, своего рода, антитеза прометеизма, но далек он и от персонажей тенденциозной литературы — польских конкистадоров капитализма: не желающего мыслить Поланецкого или героя романа В. Косякевича «Хлопок» — благополучного Руминьского.

И все-таки есть в образе Боровецкого нечто, что позволяет сравнивать его с последними: это поправки, которые вносит писатель в образ настоящего «лодзинца» — Боровецкий, во-первых, капиталист — п о л ь с к и й, во-вторых — с претензией на честность. «Он не мог бы поджечь свою фабрику, высоко застрахованную, подорвать чье-либо доверие, эксплуатировать рабочих» (II, 224). Это и подобные высказывания свидетельствуют об общественной недальновидности Реймонта. Но такая, «идеалистическая» оценка героя сочетается с реалистическим его изображением. Создав «исторического» человека, писатель судит о нем внеисторически.

Однако Реймонта как бунтующего натуралиста не может удовлетворить только констатация зла, он не хочет признавать его имманентности в мире, поэтому он, превращаясь из обвинителя в морализатора, ищет и находит еще одно средство улучшения состояния общества — филантропию. Эта, связанная с образом Боровецкого, утопия находит свое выражение в последней части романа. Боровецкий, оказавшись на самой верхней ступени иерархической лестницы, вынужден признаться себе в бесплодности своего существования, в том, что восхождение наверх оказалось для него равносильным падению вниз. Он страдает от сознания бесцельности своей жизни. Страдание очищает его, приобщает (возвращает?) к добру, приводит к выводу, что личное счастье невозможно вне связи со счастьем других людей. Случайная встреча с Анкой, основавшей приюты для сирот, укрепляет его в этой мысли: он решает организовать приюты для детей рабочих его фабрики. Потенциально присутствующая в Боровецком активность впервые находит свой выход в филантропии. Это минималистское решение героя органически вытекает из всего развития его образа, социально и психологически оправдано.

Но Реймонт понимает, что добро в виде благотворительности непропорционально огромным размерам обнаженного им в романе зла⁹. Не исчерпав в идее филантропии весь запас своего радикализма, писатель предпринимает еще одну попытку «обратить» роман к будущему, заключая его словами Боровецкого: «Я проиграл свое личное счастье... Надо создать его для других...» (II, 402). Эти слова «печального, но сильного и готового к борьбе» человека воспринимаются риторически — за ними не чувствуется реальности. Возможно, оттого, что сам Реймонт никогда не разделял идеи о возможности коренного переустройства общества.

⁸ В этом аспекте и следует рассматривать наше сравнение Боровецкого с ницшеанским «высшим человеком».

⁹ Подобное сочетание катастрофических масштабов ужасов и наивного морализирования характерно и для собственно экспрессионистических произведений.

Морализаторский «эпилог» несколько смазывает критическое звучание романа. Возможно, незавершенный финал больше соответствовал бы движущейся, развивающейся действительности, которая предстает перед читателем в романе.

Одна из основных реалистических ценностей романа — отражение мира в динамике. Писатель видит значительные социальные процессы, в результате которых происходит капитализация польского общества: смену старых экономических форм новыми; замену ручного производства машинным (Реймонт с сожалением показывает агонию устаревшей фабрики ручного производства Баума); рост промышленного капитала в Лодзи, его связь с русским капиталом, конкуренцию среди местных тузов (Мендельсон — Бухольц и др.), различные способы обогащения в Лодзи. Реймонт показывает упадок, разорение и деклассирование шляхты. Он видит и расслоение крестьянства, массовой уход деревенской бедноты в города, и роль заинтересованной в притоке дешевой рабочей силы буржуазии в этом процессе, и появление новых типов собственников.

Одним штрихом отмечает Реймонт и рабочее движение: в беседе с Вельтом Гросглюк говорит: «Вчера у Кесслера забастовала вся прядильня. Почему? Потому что мастера и рабочие сказали, что пока не будут платить, как у Травиньского, они не встанут за работу!» (II, 77).

Так, чрезвычайно скупо отражена в романе одна из сторон рабочего движения. Полнота, с какой писатель отражает другие общественные явления, делает возможным предположение о неслучайности такой цезуры в романе. Реймонт не мог не знать того, что еще в 1882 г. Лодзь потрясли крупнейшие забастовки — время действия романа 1885 г. В том же 1882 г. в Лодзи была создана партия «Пролетариат», широкое распространение получили рабочие кружки. Ко времени написания романа в Лодзи уже десять лет действовала организация «Союз польских рабочих», а в 1892 г. была проведена всеобщая забастовка лодзинского промышленного района. Все эти свидетельства активности лодзинского пролетариата не воспринимались Реймонтом как проявления ведущей тенденции эпохи. Будущее не ассоциируется у Реймонта с пролетариатом, что нарушает действие в провидении реалистического принципа историзма.

Этот принцип выдерживается в изображении духовных процессов, сопровождающих изменения в социальной структуре. В буржуазном мире происходит переоценка всех ценностей. Здесь стало архаизмом высокое представление о любви. Крах — участь большого чувства Мели Грюнспан к Высоцкому или Анки к Боровецкому. Любовь не освящается, а оскверняется браком, превратившимся в торговую сделку, механизм которой безжалостно обнажает Реймонт.

Показателем уровня духовной жизни является в «Обетованной земле» не только любовь. Писатель подметил и такие характерные для конца XIX в. процессы, как разобщение, отчуждение. Буржуазный образ жизни разобщает людей, взаимодействие между ними становится чисто внешним. Их деловые интересы пересекаются, но это не сближает, а отделяет их друг от друга: «Ничто не объединяло собравшихся, ничего общего у них не было» (I, 338), — пишет Реймонт о тех, кто прибыл на пышный парад в доме Эндельмана.

В Лодзи рвутся связи и между самыми близкими людьми. Поверхностно отношение Боровецкого к отцу: визиты к нему он называет отбыванием барщины. Предсказанное Бодлером «полное одичание человеческого сердца» в буржуазном обществе проявляется и в отношении Боровецкого к невесте. В Лодзи Анку охватывает чувство одиночества; одинока в «пустынных темных комнатах, похожих на большие роскошные гробницы» (II, 193), Меля Грюнспан. Чувство неприкаянности настигает перед

смертью и всемогущего миллионера Бухольца. Символическое звучание приобретает сцена его смерти — смерти беспомощного одинокого человека среди машин, на груде тюков, окруженного рабочими, которые не сочувствуют ему — он им страшен и в минуту кончины. Подобное чувство охватывает в конце романа и преуспевающего Боровецкого, всегда окруженного людьми, делами, заботами, но, тем не менее, все чаще испытывающего «одиночество и ужасающую пустоту вокруг, — пустоту, которую не могли заполнить ни миллионы, ни чрезмерный труд» (II, 390).

Невозможность взаимопонимания между людьми доводит их нередко до такой степени одиночества, что они утрачивают всякую связь с окружающим миром, оказываясь в полной изоляции, деградируют, превращаются в мумий. Наиболее ярко эта тенденция выражена в образах супругов Бухольца и Баума.

Каждый из персонажей романа представляет одну из социальных или духовных тенденций времени, благодаря чему роман становится не только детальным анализом среды промышленников, но и синтетической картиной польского общества конца XIX в.

Интересно отметить, что среди неосуществленных творческих замыслов Реймонта остался роман «За хлебом» (его план датирован 1902 г.). Писатель, вероятно, чувствуя необходимость более детального изучения среды рабочих, имея к тому же образцы в виде «монографий» Золя «Жерминаль», «Западня», романов А. Грушецкого, намеревался отобразить историю пролетаризовавшейся в Лодзи крестьянской семьи, ее разложение, гибель и мечту героев вернуться в деревню.

Сочетание реалистических и натуралистических тенденций в сфере идей «Обетованной земли» обуславливает и их взаимосвязь в сфере поэтики. Она проявилась и в композиции романа, которая в действительности будучи «замкнутой» — действие завершается развязкой — производит впечатление «разомкнутой». Кажется, что писатель мог бы бесконечно нагромождать образы, сцены, описания. Это впечатление усиливается и за счет отсутствия экспозиции, воплощения натуралистического отражения «куска жизни». Такой композиционный принцип лежит в основе и некоторых ранних, близких натурализму, рассказов Реймонта.

Еще одна нить, которая связывает роман с натурализмом, — избыток описаний. Но описания в «Обетованной земле» не являются сухими, основанными на принципе регистрации. Можно смело утверждать, что между описаниями, которые переполняют реймонтовскую «Комедиантку», и описаниями в «Обетованной земле» лежит огромная пропасть. Здесь описания не суверенны, а целесообразны, подчинены основной мысли писателя, к которой он хочет привести и читателя, — мысли о противостоительности способа существования, навязанного человеку цивилизацией. Поэтому это прежде всего описания ненавистных автору городских улиц, домов, фабрик. Содержащаяся в них субъективная оценка, замена объективного повествования субъективным, эмоциональным отделяет их от натурализма и приближает к реализму.

Наше утверждение противоречит в некоторой степени точке зрения современного Реймонту критика Я. Стена, который пишет: «В творчестве Реймонта почти совершенно отсутствуют лирические элементы. Он хочет быть посторонним тому, что его окружает, и является таковым. Мы хорошо знаем, что и как он видит, но не знаем, что чувствует. Он является гениальным зрителем, который любит смотреть, но не любит волноваться. В этом немного равнодушия к жизни и немного эгоизма»¹⁰. Наряду со Стеном многие другие литературоведы пишут о стиле «Обетованной земли» как

¹⁰ J. S t e n. Dusze współczesne. Lwów, 1902, s. 23.

о типично натуралистическом — например, крупнейший исследователь творчества Реймонта Ю. Кшижановский¹¹, Л. Будрецкий¹². Действительно, в описаниях Реймонта присутствуют грязь и смрад промышленного города, их колорит близок тому, каким видит город Золя: «Париж тонет в угрюмой, зябкой мгле», над ним «свинцовое небо», на фоне которого «черные гребни зданий» («Париж»). Впрочем, такой колорит отличает все антиурбанистические произведения вне их связи с натурализмом. Так, например у Верхарна читаем: «И дыма липкого руно весь ветер сажей загрязнило ...» («Равнина»), примерно такая же по цвету картина у Бодлера: «В сырой белесой мгле дома, сливаясь, тонут...» («Парижский расцвет»).

Сам Реймонт никогда не декларировал объективности. Он писал в дневнике: «Безотносительный объективизм — это тот же фарс, что субъективизм, и в литературе невозможен. <...> Глупо утверждать, что кто-то пишет только наблюдая, я, по крайней мере, должен чувствовать ... прежде, чем начну описывать»¹³.

Конкретизированные за счет натуралистической детализации реалий описания в романе тем не менее несут огромный эмоциональный заряд и свидетельствуют о степени идейного и эстетического неприятия Реймонтом города. Отношение писателя улавливается в каждом слове, в подборе экспрессивно-оценочных (часто гиперболических) эпитетов и сравнений. Позиция повествователя, в состоянии пароксизма воспринимающего наблюдаемое, позволяет говорить о существовании еще одной точки соприкосновения «Обетованной земли» с экспрессионизмом. Заключение в описаниях страстное отрицание делает их одновременно реалистически значимыми.

Описания в романе не являются монополией повествователя. Очень часто мы видим Лодзь глазами участников представляемого мира, но различие взглядов не становится в «Обетованной земле» различием позиций. Все персонажи, за исключением загнивающего Лодзью фанатика цивилизации Гальперна, видят ее одинаково. Как описания, так и высказывания героев становятся лишь вариациями точки зрения повествователя. Она подчиняет себе каждый персонаж, почти поглощает его. Рождения полифонического романа не происходит. Каждое последующее высказывание или описание не несет с собой нового качества, а является лишь рефренообразным повторением того, что было «задано» в первой сцене, в первом описании, в первой главе. Но количественное накопление качественно однородного материала во много раз усиливает степень заложенного в самом начале романа отрицания. Таким образом, повторение в «Обетованной земле» становится не только эстетическим, но и идейным фактором.

Повторяемость как основной принцип романа появляется в результате настойчивости, с которой Реймонт проводит мысль об ужасающих размерах зла, порожденного цивилизацией, и ее гибельности для человека. Эта, исходная, идея произведения становится одновременно и его конечной идеей. Такое открытое настойчивое выражение идеи, подчинение ей каждого героя фабулы, эпизода романа и вытекающее из нее подчинение голосов персонажей голосу повествователя заставляют еще раз говорить об определенной близости «Обетованной земли» экспрессионизму.

Следует сказать и о том, что описания в произведении художественны, метафоричны, отличаются орнаментикой, нередко ритмизованы. В них

¹¹ J. K r z y ż a n o w s k i. W. S. Reymont. Twórca i dzieło. Lwów, 1937, s. 5.

¹² L. B u d r e c k i. W. S. Reymont. Warszawa, 1953.

¹³ Цит. по: В. К о с ó в н а. W. S. Reymont. Warszawa, 1971, s. 55.

обращает на себя внимание литературный блеск, от которого натуралисты, как правило, отказывались. Бедные экспрессивные возможности натурализма не могли удовлетворить писателя, желающего передать читателю свое эмоциональное состояние, и он не раз, поддаваясь влияниям эпохи, прибегает к неоромантически-приподнятому тону повествования.

Нельзя согласиться и с той, довольно распространенной точкой зрения (например, Кшижановского), что «Обетованная земля» — это только роман наблюдений. Следуя в своих наблюдениях за идеей, писатель тем самым синтезирует их. Но идея, которая лежит в основе синтеза, не позволяет автору представить в произведении адекватный действительному мир. Не будучи реалистической, картина мира в романе не является и последовательно натуралистической — реальность и миф сосуществуют в этом мире. Мир реальности реконструирован из действительности писателем с глубоко реалистическим чувством присущих ей проблем — это капиталистический город конца XIX в. с его коллизиями и типами.

Но выделить его из целого можно только умозрительно, он не существует отдельно от идеи автора, а потому в целом искажен. Писатель реалистически точно отображает в нем отдельные стороны, но не видит их места на общем фоне. Мир мифа сконструирован бунтующим натуралистом, не желающим смириться с тем, что он наблюдает в действительности, в противовес тому, что известно ему из эмпирического опыта. Конструкции писателя, как позитивные (утопии возвращения в деревню или к ручному производству как способы восстановления гармонии в мире, идея морального совершенствования человека как основы исправления мира, идея филантропии как средства ликвидации социальной несправедливости), так и негативные (антиурбанистическая, тотально отрицающая цивилизацию) внеопытны.

Попытки создания положительного образа общества, человека, сами по себе выходящие за границы натурализма, в данном случае не оказываются и шагом по направлению к реализму, ибо идеал Реймонта нереален. Но, как и каждое произведение, «Обетованная земля» выражает не только то, что сказано ее автором, а и то, что высказано ею объективно. Реймонт критикует действительность не с классовых позиций, не с позиций передовой идейности, даже не с позиций радикально настроенного художника, но широта и сила его критики делают роман социально-значимым. Тот факт, что натуралистическое по своей основе произведение по значению встает в один ряд с реалистическими произведениями, что в одном произведении оказывается возможным органическое сочетание натуралистических, экспрессионистических и реалистических элементов, свидетельствует о подвижности граней между методами. Об этом же говорит развитие творчества Реймонта 90-х годов — постепенное разложение натуралистической системы в связи со все более широким проникновением в нее реалистических элементов. Эта подвижность и является одной из причин формирования нового, преобразованного, впитавшего в себя черты других методов, внутренне динамичного реализма.

«Обетованная земля» Реймонта — шаг в направлении к новому реализму, шаг на пути к созданию реалистической эпопеи «Мужики».

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

А. И. МАРЧЕНКО

КУЙБЫШЕВСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗДЕНЕКА НЕЕДЛЫ

Шестилетняя многогранная деятельность выдающегося чехословацкого общественного деятеля и ученого, патриота и интернационалиста Зденека Неедлы в Советском Союзе (1939—1945 гг.) уже нашла освещение в литературе¹. В ней упоминается также и о пребывании Зд. Неедлы зимой 1941—1942 гг. в Куйбышеве, но этот период недостаточно изучен. Данный материал является попыткой восполнить в какой-то мере этот пробел.

20 октября 1941 г. Зденек Неедлы с супругой прибыл в Куйбышев, где в трудных условиях эвакуации вел активную общественную деятельность, занимался научной работой.

Уже в день 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции областная газета поместила его статью «Москва — мать всех славян».

4 декабря 1941 г. «Волжская коммуна» напечатала статью Зд. Неедлы «Гейдрих — палач чешского народа», которая не значится в списке опубликованных работ Зд. Неедлы, изданном в Праге в 1959 г.² Не значится в этом издании и статья Зд. Неедлы «Все человечество — с нами», которая была написана в Москве и напечатана в областной газете³.

В библиографии произведений Зд. Неедлы также не указана написанная в Куйбышеве статья «Ясная Поляна — святыня всего культурного мира»⁴, написанная под впечатлением сообщения о злодеяниях гитлеровцев, надругавшихся над могилой Льва Толстого. В связи с тем, что эта статья Зд. Неедлы не печаталась в его сочинениях и почти неизвестна широкому кругу читателей, позволим себе привести выдержки из нее. Зд. Неедлы писал: «Мы, чехи, знаем произведения Льва Толстого почти наизусть... Ясная Поляна, местожителство великого писателя, тоже стала всемирно-известной. Ясную Поляну в Европе чтут как святыню, где возникли величайшие произведения мировой литературы. Многие приезжали из заграницы, чтобы увидеть это памятное место. Я сам,

¹ «Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый». Отв. редактор С. И. Прасолов. «Наука», 1964; К. В. Островитянов. З. Р. Неедлы — выдающийся ученый и общественный деятель Чехословакии. Сокр. текст доклада на торжественном собрании, посвященном 80-летию З. Р. Неедлы. «Вестник Академии наук СССР», 1958, № 3; В. Д. К о р о л ю к. Памяти Зденека Неедлы. «Вопросы истории», 1968, № 4; «Ze života a díla Z. Nejedlého». Praha, 1953; «Na paměť Zdeňka Nejedlého». Praha, 1966, и др.

² S. J o n a š o v á - H a j k o v á. Bibliografie díla Zdeňka Nejedlého. Praha, 1959, 398 s.

³ «Московский большевик», 1941, 31 августа.

⁴ «Волжская коммуна», 1941, 19 декабря.

когда был первый раз в России 40 лет назад, стремился побывать в Ясной Поляне. И это было большим счастьем, когда я смог по приглашению Льва Николаевича побывать у него и провести с ним целый день. Этот день остался одним из самых памятных в моей жизни.

Те, кто не бывал в Ясной Поляне лично, знали ее по описаниям и снимкам. Можно с уверенностью утверждать, что весь культурный мир знал и Ясную Поляну, и яснополянский парк, и даже деревья в парке, столь любимые Львом Николаевичем.

Поэтому неудивительно, что весь мир с затаенным дыханием ожидал, что будет с Ясной Поляной, когда стало известно, что в нее вторглись немецкие фашисты. <...> Они были в Ясной Поляне только шесть недель, но что они там наделали! Они разрушили этот памятник великому писателю, усадьбу, дом, сад, они осквернили все, что могли. <...> Надругательством над Ясной Поляной оскорблены самые основы цивилизации».

В Куйбышеве Зд. Неедлы, еще до войны выпустивший двухтомный труд «Ленин», написал и впервые опубликовал свою статью «Ленин в Праге»⁵. «Ленин стал как бы одним из основателей современной чешской культуры», — пишет в своей статье Зд. Неедлы.

Эти четыре статьи Неедлы, написанные им в Куйбышеве, были опубликованы в местной газете.

В Куйбышеве Зд. Неедлы выступает с лекциями о борьбе народов Чехословакии и других славянских стран против фашизма, посещает куйбышевские госпитали, выступает по радио. Он явился одним из инициаторов создания в Куйбышеве группы научных работников Академии наук СССР. В середине декабря 1941 г. состоялось первое организационное собрание ученых, эвакуированных в Куйбышев, на котором Зд. Неедлы принял участие в обсуждении доклада «Идеология национал-социализма»⁶.

На очередном собрании группы научных работников АН СССР в Куйбышеве, состоявшемся 30 декабря 1941 г., член Ученого совета Института истории АН СССР, профессор Пражского и Московского университетов Зденек Неедлы выступил с докладом «История Словакии». Его подпись значится среди тех, кто от имени группы научных работников г. Куйбышева подписал обращение «Научным работникам Англии и США»⁷.

Зд. Неедлы принимал активное участие в жизни чехословацкой эмиграции в Куйбышеве, обсуждал вопросы национально-освободительного движения в Чехословакии во время своих многочисленных бесед со Зд. Фирлингером, Л. Свободой, Й. Кроснаржем и другими. В конце ноября 1941 г. он участвовал в обсуждении вопроса о кандидате в состав Государственного совета чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне. В телеграмме Зд. Фирлингеру Э. Бенеш указывал, что от чехословацкой эмиграции в СССР он зарезервировал место в Госсовете для Зд. Неедлы. Но Зд. Фирлингер после обсуждения этого вопроса с руководящими деятелями КПЧ и Зд. Неедлы предложил кандидатуру Богуслава Врбенского, с которым был хорошо знаком по работе в «Союзе друзей СССР».

Неедлы интересовался вопросами формирования на территории СССР чехословацких национальных воинских частей. Именно в его московской квартире 10 сентября 1941 г. состоялась встреча Зд. Фирлингера с Кл.

⁵ «Волжская коммуна», 1942, 21 января. Статья позже помещалась в зарубежных изданиях: «Mladé Československo», 10 října 1942; «Ľudové zvesti», 14 novembra 1942, и др.

⁶ «Волжская коммуна», 1941, 19 декабря.

⁷ Там же, 1942, 3 января.

Готвальдом, Я. Швермой и В. Копецким, во время которой рассматривался и этот вопрос. А в Куйбышеве Неедлы часто встречался с Людвигом Свободой, который вскоре стал командиром формирующейся в Бузулуке чехословацкой части. 15 ноября 1941 г. Зд. Неедлы участвовал вместе с Л. Свободой и Зд. Фирлингером во встрече трех первых добровольцев⁸. Зд. Фирлингер в своих воспоминаниях указывает, что Зд. Неедлы имел возможность посетить Бузулук, который расположен неподалеку от Куйбышева, и лично познакомиться с формирующейся чехословацкой воинской частью⁹. В 1943—1944 гг. Зденек Неедлы неоднократно посещал формировавшиеся в Новохоперске, Подмоскowie и на Правобережной Украине чехословацкие воинские части, выступал перед воинами, беседовал с ними.

Находясь в Куйбышеве, Неедлы был активным участником культурной жизни. Он явился одним из инициаторов проведения в Куйбышеве концерта славянской музыки. Первый такой концерт, в программе которого были произведения Мусоргского, Чайковского, Дворжака, Сметаны и других композиторов, состоялся 1 ноября 1941 г., т. е. через десять дней после приезда Зд. Неедлы в Куйбышев¹⁰. Симфонический оркестр Куйбышевской государственной филармонии с того времени постоянно исполнял произведения чешских композиторов.

Великолепный знаток музыки, Зденек Неедлы не мог стоять в стороне от музыкальной жизни Куйбышева. Он не пропускал ни одного интересного концерта (Л. Оборина, Э. Гилельса, Д. Ойстраха), встречался с виднейшими представителями советского искусства М. И. Литвиненко-Вольгемут, И. С. Паторжинским и др., часто бывал на спектаклях Большого театра, который находился тогда в Куйбышеве.

10 декабря 1941 г. в помещении Куйбышевского радиокомитета состоялась первая «музыкальная среда», к организации которой Зд. Неедлы имел самое непосредственное отношение. Собравшиеся прослушали три части рождавшейся Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича в фортепьянном исполнении автора. Зденек Неедлы принял участие в состоявшемся обмене мнениями и горячо приветствовал ныне легендарную Седьмую симфонию¹¹.

В эвакуации в Куйбышеве зимой 1941 г. находились известные советские писатели Всеволод Иванов, Константин Финн, Илья Эренбург, Виктор Гусев, Валентин Катаев, Евгений Габрилович, Петр Павленко, Сергей Вашенцев, Степан Щипачев, Семен Кирсанов, Николай Адуев, С. Н. Сергеев-Ценский, со многими из которых Зд. Неедлы поддерживал контакты.

Зденек Неедлы принял активное участие в организации выставки картин, написанных художниками Ленинграда, Москвы, Киева, Куйбышева и других городов на темы Великой Отечественной войны. 23 февраля 1942 г. он выступил с речью на открытии этой выставки в помещении Куйбышевского драматического театра имени А. М. Горького¹².

Еще далеко не все известно о пребывании в Куйбышеве Зд. Неедлы. Но то, что уже известно и собрано, свидетельствует о том, что, находясь в эвакуации, выдающийся чехословацкий ученый и общественный деятель вел огромную работу по укреплению и развитию дружбы между народами СССР и Чехословакии.

⁸ «Obrana lidu», 1967, с. 5.

⁹ «Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый», стр. 128.

¹⁰ «Волжская коммуна», 1941, 2 ноября.

¹¹ Там же, 1941, 16 декабря.

¹² Там же, 1942, 25 февраля.

Ю. К. БЕГУНОВ

ДРЕВНИЙ ГЕРБ БОЛГАРИИ И «ХРОНИКА КОНСТАНЦСКОГО СОБОРА» УЛЬРИХА РИХЕНТАЛЯ

Впервые изображение герба Болгарии появилось в рукописном немецком гербовнике Конрада Грюненберга *Allgemeines Wappenbuch* в 1483 г.¹ Х. Дерменджиев дает подробное описание этого древнего герба болгарских царей — три бегущих золотых льва на коричневом фоне в испанском щите, с золотой короной над щитом и надписью на немецком языке «Der Kājser von Bulgarien». «Это единственный известный до настоящего времени болгарский герб, в котором вместо одного в щите изображены три льва», — пишет болгарский историк². Сопоставляя ряд исторических фактов, Х. Дерменджиев высказывает гипотезу, что прототип герба другого типа — с одним львом в щите (из Дубровницкого законника, 1746 г.) следует искать в конце XIV — начале XV в. и что он связан с именем последнего болгарского царя из рода тырновских Шишмановичей — Фружина³. «Из всего этого следует, — осторожно заключает Х. Дерменджиев, — что отнесение этого герба к Болгарии вообще не должно быть безусловным, так как герб мог принадлежать и Видинскому царству. Это вопрос, который еще необходимо всесторонне изучить прежде, чем будет дан окончательный ответ»⁴.

Что же касается символического значения герба из рукописи Конрада Грюненберга, то Х. Дерменджиев вслед за мюнхенскими специалистами из Государственной библиотеки Баварии полагает, что три льва символизируют три провинции, или три области древней Болгарии — Дунайскую, Горную и Дольную. Может быть, это и так. Однако возможно и другое толкование, которое не противоречит первому, а дополняет его: три льва символизируют утроенную мощь (силу, могущество) Второго Болгарского царства, безотносительно к количеству входивших в него провинций; трехкратность, вообще характерная для средневековья, была и в гербах. Вероятно, этот герб был не очень древнего происхождения, так как вся европейская система геральдических знаков, родовых и государственных, начала складываться лишь в XII в., после крестовых походов. Для выяснения происхождения болгарского герба обратимся к одному из основных источников гербовника Конрада Грюненберга — рукописной «Хронике Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя. Кстати сказать, эта «Хроника» была в 1483 г. напечатана в Аугсбурге Анто-

¹ Хр. Дерменджиев. Българският герб през средновековието и Възраждането. «Исторически преглед». кн. 4, 1972, стр. 59.

² Хр. Дерменджиев. Там же.

³ Там же, стр. 72—73.

⁴ Там же, стр. 72.

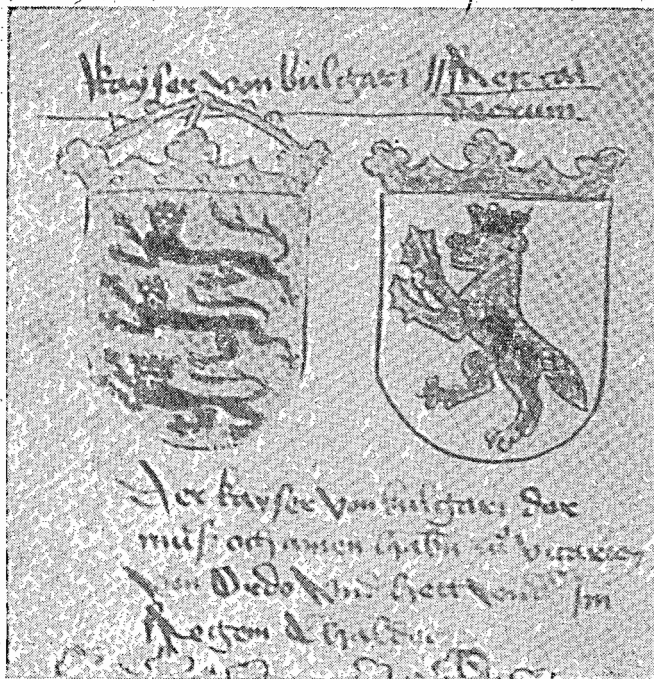

Рис. 1

ном Зоргом⁵. Однако болгарского герба в ней нет⁶. Его изображение встречается только в рукописных экземплярах «Хроники». Перечислим важнейшие из них:

I редакция:

A — Олендорфский кодекс из библиотеки графа Густава цу Кенигсегг, 1438—1450 гг.

P — Кодекс из Университетской библиотеки в Праге, 1464 г.

II редакция:

K — Кодекс из Росгартенского музея в Констанце, 1460-е годы

W — Кодекс из Венской придворной библиотеки, 1465—1470 гг.

Pt — Кодекс из бывшей Библиотеки императорского Русского археологического общества в Петербурге, около 1470 г.

В научной литературе сообщались сведения о девяти списках XV в. этой «Хроники», в том числе о Эттингейм-монстерском (в Карлсруэ), Штуттгартском, Винтертурском и Вольфенбюттельском. Текст «Хроники» по спискам A и K издавался фототипически в 1869—1872 и 1881, 1964 гг. в ограниченном числе экземпляров (до 40). Научное критическое изда-

⁵ U. Richental. Konzil zu Konstanz. Augsburg, 1483. (Имеется в Отделе редких книг ГПБ (Ленинград) под шифром 9.2.4.7.)

⁶ Это произошло, может быть, потому, что в основе первопечатного издания была рукопись 1467 г. Гебхарта Дахера, фрагменты которой сохранили до нас далеко не первоначальный текст «Хроники» (см. рукопись G на схеме в ст. R. Kautzsch. Die Handschriften von Ulrich Richental's Chronik des Konstanzer Konzils. «Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins», N. F. Bd. IX, N. 1. Karlsruhe, 1894, S. 448).

ние по списку А с разпочтениями по списку К было выполнено М. Р. Буком в 1882 г., «Хроника» переиздавалась в 1936, 1962 и 1964 гг.⁷

Констанцкий бюргер и письмоводитель собора Ульрих Рихенталь написал свою «Хронику» на латинском языке между 1420 и 1430 гг., пользуясь документальными материалами, а также собственными воспоминаниями и заметками: Между 1425 и 1430 гг. художниками Швабской школы были созданы миниатюры на оставленных книгописцем чистых местах манускрипта. Им удалось запечатлеть важнейших участников и гостей собора, отобразить главнейшие события, а также многие гербы знатных делегатов и городов. На стр. 477 факсимильного издания Олендорфского кодекса приведен интересующий нас болгарский герб с надписью «Käyser von Bulgarien»⁸ (см. рис. 1, слева). Любопытно, что рядом с ним изображен другой тип древнего болгарского герба — один лев, стоящий на задних лапах в угрожающей позе, в щите, с короною над ним и надписью «Rex Chaldeorum» (см. рис. 1, справа). Под обоими щитами надпись:

«Der Käyser von Bulgarien
der mus och ainen haben zu
vicarien von Ordo und hett
under im regem Chaldeorum»⁹

«Царь Болгарии, который
должен иметь также одного
представителя от Орды, имеет
под собою царство халдеев».

Эта надпись таит в себе немало загадок. Прежде всего, кто этот представитель от Орды? И какая Орда имеется в виду — Золотая, Великая или Османское государство? Неясно, какие народы подразумеваются под «халдеями». Пока мы не в состоянии разгадать эти загадки.

Здесь немало фантазии: халдеям приписан тот же самый герб так называемого Дубровницкого типа, по Х. Дерменджиеву, который в XIV в. имели болгарские цари¹⁰.

Впрочем, допустимо, что оба герба болгарского происхождения восходят ко времени Констанцкого собора. В «Хронике» есть два рассказа о том, как 19 февраля 1418 г. на XVI Вселенский собор прибыли одновременно две большие делегации православного Востока — одна от Западной Руси, возглавляемая киевским митрополитом болгаринном Григорием Цамблаком, а другая от Византии и балканских стран¹¹.

Мог ли с одной из них прибыть в Констанц последний из Шишмановичей, носивший титул болгарского царя? Ведь именно его герб фигурировал

⁷ R. Kautzsch. Ibid., S. 443—496; O. Lorentz. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Bd. I. 3. Auflage. Berlin, 1886, S. 95—96; K. Jacob. Quellenkunde der deutschen Geschichte im Mittelalter (bis zur Mitte des 15 Jahrhunderts). Bd. 3. Das Spätmittelalter (bis 1500). Hrsgb. von F. Weden. 1952. И. Ригель не согласен с Р. Кауццем: он считает так называемую «вторую» по Кауццу редакцию «первой». Читением Росгартенского кодекса он отдает предпочтение (I. Riegel. Die Teilnehmerlisten des Konstanzer Konzils. Ein Beitrag zur mittelalterlichen Statistik. Inaugural — Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde einer Höheren Philosophischen Fakultät der Albert — Ludwigs — Universität zu Freiburg vorgelegt. Freiburg — Br., 1916, S. 43 и сл.).

⁸ U. Riehtal. Concilium zu Constanz 1414—1418. Lichtdruck von L. Baeckmann in Karlsruhe. Grossherzogstum Baden. Auflage von Hermann Sevin, 1881, S. 447.

⁹ U. Riehtal. Chronik des Constanzer Konzils 1414—1418. Hrsgb. von Michael Richard Buck. Tübingen, 1882, S. 204.

¹⁰ На страницах «Хроники» Болгария упоминается как земля, лежащая где-то в Азии, восточнее Дамаска, по западнее Индии (см. U. Riehtal. Chronik des Constanzer Konzils 1414 bis 1418, S. 203). Условность географических познаний констанцкого письмоводителя, граничащая с фантазией, весьма характерна для его «Хроники» (подробнее см. I. Riegel. Ibid., S. 46—59).

¹¹ U. Riehtal. Chronik des Constanzer Konzils 1414 bis 1418, S. 133, 136—137, 206.

среди гербов гостей собора! Это не был, очевидно, Александр Шишманович, так как он принял ислам и стал градоначальником Самсуна, а потом погиб близ Смирны в 1418 г. Это навряд ли был Константин Срацимирович, сын и соправитель царя Срацимира Видинского, который после 1398 г. бежал в Венгрию, а позже в Сербию, где и умер в 1422 г. Скорее всего, это был второй сын Ивана-Шишмана — Фружин, который много раз пытался освободить свою страну от османов. Непрестанно боровшийся за восстановление Болгарского государства в границах до 1393 г., он был причастен к восстаниям болгар против османов в 1404, 1412, 1416 гг. Около 1425 г. Фружин считался господином не только Придунайской Болгарии, но и Загорья¹².

Известно, что долгое время Фружин находился на службе у венгерского короля Сигизмунда Люксембурга¹³. А Сигизмунд, коронованный в 1414 г. в Аахене германской короной, стал главным протектором созванного им же в Констанце XVI Вселенского собора. Вместе с папой Сигизмунд председательствовал на сессионных заседаниях собора. Фружин мог прибыть на собор в свите германского императора, а в феврале 1418 г., несомненно, встретился в Констанце с киевским митрополитом, своим соотечественником.

Фружин был, очевидно, не прочь испытать и дипломатические средства, которые при удаче могли бы привести к организации антитурецкой коалиции и крестового похода христианских государей Европы против турок. Григорий Цамблак 25 февраля 1418 г. предложил римскому папе Мартину V созвать новый собор о вере, на котором обе стороны могли бы обсудить достоинства и недостатки католичества и только после этого, может быть, прийти к соглашению. Это предложение папа не принял. Может быть, им были выдвинуты встречные предложения, которые оказались неприемлемыми для православной церкви. Во всяком случае, на заключительных XLIII—XLV сессиях собора в марте-апреле 1418 г. вопрос об унии церквей не был включен в повестку дня: католической церкви, стоявшей на пороге реформации, было пока не до унии. Дипломатические демарши остались без ответа: могущественные государи Европы, недооценивавшие турецкую опасность, не желали из-за греков и балканских народов ввязываться в войну с еще пока далекими от них восточными завоевателями¹⁴.

В заключение хотелось бы заметить, что вопрос об отношении восточных славян, а также народов Балкан и Византии к Констанцскому собору исследован еще недостаточно, а текст «Хроники» Рихенталя как исторического источника почти не использовался современными историками Восточной и Юго-Восточной Европы. Между тем, особый интерес представляло бы изучение деятельности болгар и русских на Констанцском соборе 1418 г. и особенно киевского митрополита Григория Цамблака. Немало ценных рисунков, запечатлевших киевского митрополита и членов его делегации — смоленского князя Федора Георгиевича, южнорусских князей

¹² E. N u r m u z a k i. Documente privitoare la istoria Românilor, t. VIII, p. IX, p. 4. Ср. П. Петров. Восстание на Константин и Фружин. «Известия на Института за история», кн. 9. София, 1960, стр. 187—211; Д. Ангелов. Борбата на български народ против османска власт през първата половина на XV в. и походите на Владислав Варненчик Варна, 1444 г. В кн. «Сборник от изследвания и документи в чест на 525-годишнина от битката край гр. Варна». София, 1969, стр. 39.

¹³ П. Ников. Турското завладяване на България и съдбата на последните Шишмановци. «Известия на Историческото дружество в София», кн. VII—VIII. София, 1928, стр. 90—91, 97. В награду за службу Фружин получил в 1425 г. от императора Сигизмунда имение Лица в Темешском округе; умер он в 1460 г. в г. Кронштадте, Трансильвания.

¹⁴ О политике Мануила II в 1418 г. см. J. W. B a r k e r. Manuel II Paleologus (1391—1425). A study in late Byzantine statesmanship. New Brunswick, 1969, p. 320—325.

Федора и Павла, оставили нам швабские миниатюристы¹⁵. Они также сохранили до наших дней гербы Болгарии, русских князей и городов, Григория Цамблака. О них должна идти речь особо. Подробно изучить и издать все эти рисунки было бы важно. Это позволило бы воссоздать облик видного балканского и восточно-славянского писателя Григория Цамблака, ученика патриарха Евфимия. Надо сказать, что современная наука располагает сравнительно немногими портретными изображениями в болгарской книжке миниатюре: известны изображения Ивана-Шипмана в лондонском Евангелии и Константина-Асена на стенописях Боянской церкви. Любые новые данные по этому вопросу заслуживают внимания. И «Хроника» Рихенталя в этом отношении была бы весьма полезной. К сожалению, научное критическое издание текста этой «Хроники» с учетом всех ее списков в настоящее время отсутствует.

¹⁵ Изображение Григория Цамблака см. в следующих списках «Хроники»: в Пражском — листы IV, 151в — 153а, в Олендорфском — IV, 274—277, в Карлеруэском — листы 1, 61а, в Констанцском — IV, 120в — 120а, в Венском — IV, 147в — 149а, в первопечатном издании 1483 г. — V, 69в—71в.

М. В. НИКУЛИНА

ПИСЬМА М. С. ДРИНОВА В. В. МАКУШЕВУ (1870—1875 гг.)

Изучение эпистолярного наследия выдающегося ученого, историка и филолога Марина Степановича Дринова представляет большой интерес для славяноведения и исторической науки. Многообразие научных и общественных связей Дринова нашло отражение в его обширной переписке со славянскими учеными разных стран (переписка ученого насчитывает более 300 корреспондентов и охватывает период с 1860 по 1905 г.¹). Одним из таких корреспондентов Дринова был Викентий Васильевич Макушев (1837—1883 гг.), профессор Варшавского университета, доктор славянской филологии и известный для своего времени исследователь истории южных и западных славян. В 1860 г. он окончил Петербургский университет, где занимался под руководством И. И. Срезневского. В 1862 г. был послан секретарем консульства в Дубровнике. Вернувшись в Петербург (1865), он защитил магистерскую диссертацию (1867) и был командирован за границу, где пробыл до марта 1871 г. За это время он посетил Вену, Загреб, Италию, работал в архивах Венеции, Милана, Флоренции, Болоньи и др. городов, и собрал большой материал по древнейшей истории южных славян.

С В. В. Макушевым М. С. Дринов познакомился в Неаполе, во время своего 10-месячного пребывания в Италии и работы в итальянских архивах (1869—1870 гг.) Ученых сблизили общий интерес к изучению прошлого Болгарии. Об этом периоде совместной работы Дринов с большой теплотой говорит в своей статье о Макушеве², отмечая значение его работ для болгарского народа и всей болгаристики. Архив В. В. Макушева (хранится в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. Ленина, ф. 156) содержит большой фактический материал по истории южных и западных славян.

Архив поступил в Рукописный отдел библиотеки из собрания фондов Варшавского университета. Материалы, содержащиеся в нем, относятся к 1850—1883 годам. Это различные научные работы Макушева — статьи, исследования, лекции, читанные им в Варшавском университете, материалы по истории славянских литератур, списки документов из итальянских архивов по истории славян (главным образом истории Дубровника), хозяйственные документы и др. — всего около 4000 листов.

Пристального внимания заслуживает обширная переписка В. В. Макушева. Среди его корреспондентов были русские и иностранные ученые, публицисты, литераторы, общественные деятели. Макушев переписывался с О. М. Бодянским, Ю. А. Кулаковским, П. А. Лавровским, Н. А. Поповым, А. А. Котляревским, А. А. Куником и др. историками и филологами. Можно назвать также герцеговинского воеводу Луку Вукаловича, хорватского общественного деятеля и ученого-слависта Ф. Рачкого и др.

В архиве находится несколько писем М. С. Дринова, относящиеся к начальному периоду его научной деятельности. Это письма из Москвы (1871—1872 гг.), касающиеся работы Дринова над магистерской диссертацией «Заселение Балканского полуострова славянами», из Харькова (1875 г.), письма, написанные им во время заграничной командировки, по южнославянским землям (из Праги, Вены, 1875 г.), и другие.

Все эти письма являются автографами. Публикуются впервые 6 писем, текст которых дается в современной орфографии. Восстановленные слова или части слов, утраченные или пропущенные в документе, заключены в прямые скобки.

¹ См. Б. Петкова, В. Тилева, З. Нонева. Архивът на Марин Дринов. Изследвания в чест на М. С. Дринов. София, 1961, стр. 181—203.

² М. С. Дринов. Спомен за В. В. Макушева и за неговите трудове по българската история. Съчинения на М. С. Дринова, т. 3, София, 1915, стр. 463—476.

№ 1

Amabilissimo Signor Dottore! ³

Поздравляю Вас с докторством ⁴, которое не сомневаюсь Вы уже завоевали себе с честью. Благодарю за пересылку портфеля и извиняюсь за новые хлопоты, которые я Вам наделал. Я получил из Харькова уведомление, что там готовы принять меня с нового года ⁵, если я к тому времени защищу диссертацию. Но это, как я Вам говорил уже, невозможно: я остановился на происхождении болгар, но и над этой темой мне нужно еще много и долго работать, так что диссертация моя будет готова никак не раньше весны ⁶. Вы, вероятно, не спешите возвратиться в Варшаву и поживете некоторое время в Питере, что бы Вам завернуть и к нам в Москву? Всего 20 часов езды, а увидите и узнаете многое.

Благодарю за посылку из Варшавы, у меня теперь два экземпляра Вашей диссертации, из коих один отправлю Дружеству ⁷. Недели две тому назад я Вам послал в Варшаву первые две книжки журнала ⁸ нашего Дружества, через несколько дней получу 3-ю и 4-ю; куда прикажете переслать их Вам? Не найдете ли возможным прислать мне оттиски статьи о молиских славянах? ⁹ Я ее не видал еще.

Душевно Вам преданный М. Дринов

Октября 3. [1871 г.] ¹⁰

Через три дня мы переселяемся на новую квартиру: На Пречистенке, дом Аладыной.

Благодарю вас от души, многоуважаемый Викентий Васильевич, за присланную вами диссертацию; поздравляю вас с новою ученою степенью. Надеюсь, что на обратном пути вы навестите Москву и ваших друзей — в таком случае милости просим остановиться у меня.

К [н.] Е. Голицына ¹¹

³ Любезнейший сеньор доктор (итал.).

⁴ В 1871 г. В. В. Макушев защитил докторскую диссертацию («Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века». Варшава, 1871 г.) и стал профессором славянской филологии в Варшавском университете (1871—1883 гг.).

⁵ С 1869 г. и до избрания М. С. Дринова кафедра славянской филологии Харьковского университета оставалась вакантной. Переговоры историко-филологического факультета с Дриновым были начаты весной 1871 г. Дринов был принят штатным стипендиатом университета и оставлен в Москве на 6 месяцев для завершения диссертации. См. И. С. Ильчук. Деятельность М. С. Дринова в Харьковском университете (Кр. сообщ. Ин-та славяноведения), т. 21, 1957, стр. 23.

⁶ М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. Магистер. дисс. М., 1873 г.

⁷ Имеется в виду Болгарское книжное дружество (Българското книжно дружество, БКД), основанное при участии Дринова в Браиле в 1869 г. Дринов был первым председателем этого Дружества.

⁸ «Периодическое списание» — орган Болгарского книжного дружества. Выходил в 1870—1876 гг. в Браиле; 1—2-я кн. журнала вышла в 1870 г., 3-я — в 1871 г.

⁹ В. В. Макушев. О славянах Молиского графства в южной Италии. «Записки имп. АН», СПб., 1870 г.

¹⁰ Письмо датируется предположительно, на основании упоминания Дриновым о своем приглашении в Харьковский университет.

¹¹ В течение нескольких лет после окончания университета М. С. Дринов был учителем детей кн. Е. А. Голицыной.

№ 2

Любезнейший Викентий Васильевич!

Очень и очень жалею, что не удалось Вам завернуть в Москву. Я был вполне уверен, что приедете, все поджидал Вас и готовил Вам всякого рода наслаждения, чтобы Вы остались довольным этой поездкой.

В последнее время мне немного нездоровилось, и я боялся выходить из дому, так как на дворе стояли порядочные холода. Вследствие этого я и до сих пор не мог быть в редакции Р [усского] В[естника]. Отправлюсь завтра непременно, и если выдадут мне Ваши статьи, отправлю их Вам сейчас же вместе с находящимися у меня Вашими книгами. Последние вышли завтра во всяком случае. Вместе с ними посылаю Вам и одну болгарскую книжку, которую получил на днях из Вены, и которая, полагаю, будет Вас интересовать. Это — географическое, статист[ическое] и историческое описание одной болг[арской] области (каазы). Посылаю ее в двух экземплярах, из коих один поднесите Петру Алексеевичу¹². Изданий Дружества и до сих пор не получаю, что приводит меня в отчаяние.

Диссертация моя медленно подвигается вперед, несмотря на то, что я посвящаю ей все свое время. Нужно Вам признаться, что я пишу совершенно новое исследование о происхожд[ении] болг[арского] народа¹³, так как показывать в свете с Погледом¹⁴ очень совестно.

Княгиня и Николай Сергеевич¹⁵ кланяются.

Пишите, не забывайте нас. Будете ли читать публичные лекции и о чем?

Душевно Вам преданный М. Дринов.

Пречистенка, д. Аладьиной, 1872, января 18.

№ 3

Добрейший Викентий Васильевич!

Не знаю, кто из нас более виноват в прекращении нашей корреспонденции, знаю только, что я весьма жалею об этом. Много раз собирался писать к вам, да все почему-то откладывал до сей минуты. Уже скоро три года, как я не получал от Вас письма и почерпаю сведения о вас и ваших занятиях из газет, да из Варшавских Универс[итетских] известий. Знаю, что в это время раза два, если не более, вы побывали за границей, что постоянное жительство имеете все еще в Варшаве, где здорово работаете и, вероятно, хорошо себя чувствуете. Я же в это время успел сделаться магистром слав[янских] наречий, а затем и доцентом в Харьковск[ом] университете, каковым состою уже полтора года. Уже хлопочу теперь и о заграничной командировке, с будущего мая, на один год, большую часть этого времени предполагаю употребить на разъезды по Балканск[ому] полуострову для собирания материалов для истории языка и его современ-

¹² Вероятно, Петр Алексеевич Лавровский (1827—1886), ректор Варшавского университета.

¹³ См. споску. 6.

¹⁴ М. Д р и н о в. Поглед врѣх происхождението на българският народ и началото на българската история. Вiena, 1869 г. О значении этой работы Дринова и др. см. в статье С. А. Никитина «М. С. Дринов как историк». Кр. сообщ. Ин-та славяноведения, т. 21, 1957, стр. 6—9.

¹⁵ Кн. Е. А. и Н. С. Голицыны.

ного состояния. Во время этих разъездов буду действовать, по мере сил, и хлопотать об окончательном¹⁶ устройстве и поднятии Кн[ижовного] Дружества, которое и до сих пор не устроено еще, как следует, и действует поэтому очень вяло. До сих пор оно издало только десять книжек; не знаю посылают ли их вам. А чтобы развязать себе руки и быть в состоянии посвятить себя исключительно этим делам, в настоящее время строчу докторскую диссертацию, которую надеюсь кончить к маю, не знаю, успею ли. Вот вам вкратце мое нынешнее положение и виды на ближайшее будущее. Что вы поделываете, как поживаете, какие замыслы составляете? С большим интересом просматриваю издаваемые вами памятники в Варш[авских] Ун[иверситетских] известиях. Вы, без сомнения, будете иметь отдельные оттиски, пожалуйста, при раздаче их и меня не забывайте. Я вам послал свою магистерскую диссертацию, не знаю, получили ли ее.

На праздники ездил в Москву, откуда возвратился две недели тому назад. Там я гостил у княгини, с которою не раз вспоминали о Вас. Она, бедная, все хворает и после смерти Ник[олая] Сергеевича очень переменялась.

Профессор Лебедев¹⁷ (здесьшний) собирался издавать в Харькове церковно-исторический журнал, в коем он охотно соглашался поместить, с Вашего согласия, конечно, одну из находящихся у меня ваших статей, но ему не разрешили. Что прикажете делать с этими статьями, которые около трех лет уже хранятся у меня? Куда и как их выслать? Кланяются вам профессор Аристов и его супруга, я часто бываю у них и охотно выслушиваю их рассказы о вашем житье-бытье в Варшаве.

Остаюсь в полной надежде, что вы откликнетесь на сие послание. Дружески жму вашу руку.

Душевно вам преданный М. Дринов.

Харьков 1875, янв[аря] 26.

№ 4

Добрейший Викентий Васильевич!

Пишу Вам из Праги¹⁸, где живу уже другой месяц. Еще, кажется, в марте я Вам писал из Харькова, но ответа не получил, слышал потом, что Вы тогда были опасно больны и очень беспокоился. Теперь только, по приезде в Прагу я узнал, что поправились совершенно и часть лета провели здесь в той же самой комнате, в которой я теперь обитаю. В Прагу приехал прямо с Балканского полуострова, откуда привез довольно много новостей, которыми надеюсь вскоре поделиться с Вами устно: предстоит поездка в Москву, куда отправлюсь через Варшаву. Обращаюсь теперь к Вам с просьбою, касающеюся этой поездки. Дело вот в чем: написал я докторскую диссертацию, которую перед отъездом за границу сдал Бодянскому. Он уже напечатал ее и на днях вышустит в свет в 3-й кн. «Чтений»¹⁹. Те-

¹⁶ В подлиннике слово зачеркнуто автором.

¹⁷ Амфиан Степанович Лебедев (1832—1910), профессор истории церкви в Харьковском университете.

¹⁸ С августа 1875 г. и до февраля 1876 г. Дринов находился в научной командировке по южнославянским землям. За это время он посетил Браилу, Панагюриште, Вену, Прагу и др. В Праге Дринов встретился с К. Иречком, с которым был знаком по переписке с 1871 г.

¹⁹ Чтения в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском ун-те. Редактор О. М. Бодянский. М., 1845—1848; 1858—1917.

перь мне нужно отправиться в Москву, приготовить отдельные оттиски и уже представить мое произведение на суд ученых. Хочется, да и крайне необходимо поскорее обделать все это, не знаю только, могу ли я, командированный за границу с пособием от Министерства, без разрешения последнего возвратиться в Россию на один, два месяца ²⁰. Испрашивать этого разрешения так бы не хотелось, так как это взяло бы много времени. Думаю просто взять, да отправиться в Петербург, объяснить там свои нужды и заяться удовлетворением их. Но не достану ли за это какой-нибудь нахлобучки?

Разрешите мне, пожалуйста, это недоумение, надеюсь что Вам сии порядки хорошо известны. Если окажется, что без разрешения нельзя ехать, то научите к кому и как должен обратиться за ним, тут не у кого узнать и об этой простой формальности, с которою я совсем не знаком. Надеюсь, что не откажете в исполнении моей просьбы, чем премного обяжете душевно Вам преданного и жаждущего поскорее с Вами свидеться.

М. Дринова.

Прага 1875 декабря. Мой адрес: Prag. Hotel Zum Erzherzog Stefan.

Кланяется Вам пан Патера ²¹.

№ 5

Любезнейший Викентий Васильевич!

* От всей души благодарю Вас за Ваше любезное письмо, разъяснившее мне недоумение, которое очень мучило меня. Крайне неприятно, что без разрешения Министерства нельзя возвратиться преждевременно в Россию, неприятно потому, что у меня в Департаменте знакомых нет: некому, значит, там похлопотать об ускорении разрешения, которое, вероятно, придется ждать очень долго. Впрочем, время терпит: вчера я получил от Бодянского письмо, в котором он уведомляет, что выпуск 3-й книги «Чтений», в которой будет помещена моя статья, почему-то замедлился: книга выйдет не раньше половины января. Бодянский по этому случаю советует приехать в Москву около 20-го января, раньше этого времени мне нечего там делать. Статья моя, диссертация тоже, носит следующее заглавие: «Южные славяне и Византия в X веке». Она уже отпечатана, но я ее не видал еще, не знаю, в каком виде появится в свет. Очень жалею, что пришлось печатать ее таким образом: если бы она печаталась в моем присутствии, то во время печатания я бы мог прибавить еще кое-что, кое-где переделать. Из Ваших книг («Историч[еские] памятн[ики] южн[ых] сл[авян]» ²² и «Памятн[ики] и бытопис[атели] Дубровника» ²³) я тоже почерпнул кое-что, хотя и не все, что бы следовало, так как книг этих у меня нет и я пользовался ими, так сказать, украдкою. Ваши две статьи (рукописные), находя-

²⁰ Министерство просвещения разрешило Дринову вернуться в Москву на один месяц.

²¹ Адольф Осипович Патера (1836—1912), чешский историк и палеограф. С 1861 г. работал в библиотеке при Чешском музее в Праге.

²² В. В. Макушев. Исторические памятники южных славян и соседних им народов, извлеченные из итальянских архивов и библиотек, ч. 1, кн. 1, Варшава, 1874.

²³ В. В. Макушев. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867. За эту работу Макушев был удостоен Уваровской премии.

щиеся у меня еще с 1871 г., я захватил с собою и при свидании передам. А свидимся, значит, позже, чем предполагал в последнем письме, т. е. около 20-го января.

Г[осподину] Патере передал Ваше поручение, он собирается вам писать, а пока посылает поклон. Новый год (православный) я буду встречать в Праге, очень будет приятно, если вы, во время праздников, как-нибудь соберетесь и напишете подробнее о Вашем житье-бытье и занятиях.

Душевно Вам преданный М. Дринов.

Прага 1875, декабря 17/29.

№ 6

Любезнейший Викентий Васильевич!

Из Болоньи мы проехали прямо в Прагу; в Вене останавливались только на одну ночь. В Праге я пробыл всего шесть дней: по утрам работал в библиотеке музея, по вечерам копался в библиотеке пана Патеры, а там еще с кое-какими знакомыми нужно было видеться, никак не мог уделить минуты, чтобы написать Вам. С 1-го текущего месяца проживаю в Вене, где нашел много земляков, с которыми вожусь с утра и до глубокой полночи. Через час еду в Пест, откуда немедленно спущусь по Дунаю в Белград, а оттуда в Браилу. Там надеюсь буду иметь более свободного времени и напишу Вам больше. За письма Giovanni Chiaramanni, которые я получил в Праге, приношу искреннейшую благодарность. Долгом считаю довести до сведения Вашего, что в болгарских газетах уже расписали Ваши находки по болг[арской] истории, величают Вас и благодарят.

Пора ехать на гару²⁴; прощайте!

Ваш М. Дринов.

Адрес мой: Wien, Fleischmarkt № 8 Herrn N. Kovatschoff für Drinoff.

Ковачов будет пересылать мне письма и посылки всякого рода в Браилу, пока я буду там. [1870]

²⁴ Гару — станция, вокзал (болг.).

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Я. С. МЕЛЬНИЧУК

ИВАН ФРАНКО О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1848—1849 ГОДОВ В СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Оценка революционных событий 1848—1849 гг. в славянских землях, данная выдающимся украинским революционером-демократом Иваном Яковлевичем Франко, почти не изучена в советской историографии. Она затрагивалась исследователями в работах, посвященных историческим взглядам И. Франко¹. Статьи И. Франко о зарубежной литературе, его общественно-политические труды, а также материалы архива писателя дают возможность более детально рассмотреть его отношение к революционным событиям 1848 г. Особенно ценными являются сведения из его неопубликованной статьи об И. Озаркевиче, известном по событиям 1848 г. в Коломые². Она была написана в 1886 г. и осталась незаконченной; сохранилось два варианта черновика. Вступительная ее часть содержит интересную общую характеристику событий 1848—1849 гг. в славянских странах.

Перечисленные и другие материалы свидетельствуют о том, что Иван Франко постоянно интересовался славянским вопросом; уделял значительное внимание истории славянских стран. Изучая украинскую литературу, историю и культуру, он придавал большое значение их связям с культурой соседних народов и прежде всего славянских. Он неоднократно напоминал знаменательный призыв Т. Г. Шевченко:

«Щоб усі слов'яни стали
Добрими братами,
І силами соція правди...»³

И. Франко с гневом осуждал оба «панславизма» — русский и австрийский, призывая славянские народы к дружбе, братству и сотрудничеству на равноправной, демократической основе. Он писал: «Мы горячо желаем взаимной любви и единства славян, ибо видим угрозу со стороны общего всем врага, — и сожалеем по поводу безумной гегемонии, а то и насилия брата над братом, народа над народом... До тех пор пока такое положение на Славянщине будет продолжаться, — до того времени, что совершенно очевидно, этим будут пользоваться посторонние силы, славянскими руками будут таскать каштаны из огня...»⁴.

С прогрессивных революционно-демократических позиций подходил И. Франко к оценке истории славянских народов и, в частности, к событиям революции 1848—

¹ «И. Я. Франко як історик». Київ, 1956; Л. А. Коваленко. И. Я. Франко — историк-славист. «Український історичний журнал», 1966, № 8; «Зв'язки Івана Франка з чехами та словаками». Братіслава, 1957; V. Hostická. Spolupráce Čechů a haličských Ukrajinců v letech 1848—1849. Praha, 1965, s. 3, 8, 11, 40.

² Рукописный отдел Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (далее — Рукописный отдел), ф. 3, ед. хр. 609, 610.

³ Т. Шевченко. Кобзар. Київ, 1954, стор. 177.

⁴ И. Франко. Публицистика. Київ, 1953, стор. 80.

1849 гг. Прежде всего следует отметить, что свои выводы он обосновывает значительным фактическим материалом. Им была проведена большая работа по сбору источников, публикации исторических документов, воспоминаний участников событий, писем известных общественных деятелей, народных песен и преданий.

И. Франко учитывает сложность отношений между славянскими народами и их соседями. Он стремится также проникнуть в суть классовых противоречий внутри каждого народа. Он ясно показывает, как господствующие классы Австрийской империи пользуются национальной рознью для укрепления своего положения: «Известная вещь, что реакционная политическая система Меттерниха имела целью оградить целую Австрию китайской стеной от ненавистного, революционным духом подточенного Запада, имела целью заткнуть все щели и дыры, сквозь которые могла бы проникнуть к нам самая живая, истинно прогрессивная мысль. 1848 год встряхнул этой искусственной постройкой мудрого политика, сделал пробину в стене, и волна свежего революционного духа ударила по Австрии»⁵.

Говоря о славянском вопросе во время революции 1848—1849 гг., он подчеркивает, что решение этого вопроса было одной из главных ее задач в Австрийском государстве. «Славянский вопрос, который до сих пор казался мудрым политикам игрушкой нескольких доктринеров или искусственным созданием каких-то таинственных панславистских агитаторов сразу вспыхнул могучим пожаром во всех концах Австрийской монархии»⁶.

В упомянутой уже неопубликованной статье Франко рассказывается о национальном движении славянских народов, о Славянском съезде в Праге. Хотя в статье и не рассматриваются внутренние противоречия на съезде, однако делается попытка объяснить, почему его руководство заняло австрославистскую позицию.

Среди событий 1848 г. в славянских странах И. Франко больше всего уделял внимания именно Славянскому съезду. О нем он неоднократно упоминает в связи с изучением деятельности известных чешских писателей и общественных деятелей Я. Коллара, К. Гавличка-Боровского, Я. Врхлицкого, Ф. Палацкого, Ф. Ригера. Интересно отметить, что, как указывает Франко, о К. Гавличке-Боровском он узнал впервые, работая над материалами о событиях 1848 г.⁷

Рассмотрение деятельности Славянского съезда Франко тесно связывает с изучением идеи славянского единства, которую выдвинул и отстаивал Ян Коллар⁸.

Франко не одобрял австрославистской политической линии руководителей съезда, которые провозгласили «знаменитый тезис, что славяне должны держаться Австрии, а если бы ее не было, то славяне должны были бы ее создать...»⁹.

Он констатирует ограниченность и несостоятельность политики буржуазно-помещичьих кругов славянских народов¹⁰, ошибочность политики деятелей, которые направляли работу съезда¹¹.

Среди деятелей чешского освободительного движения Франко особо выделяет Карела Гавличка-Боровского, который, по его мнению, «занял такое же место в Праге, как Кошут в Пеште или Гай в Загребе»¹². Отмечая его активные действия по созыву съезда, большую подготовительную работу и, в частности, его путешествие в Галичину и Загреб по этому делу, Франко пишет: «Гавличек принадлежал к организаторам съезда и резко выступал против реакционных и полицейских посягательств правительства»¹³. Франко указывает также на его неудачную парламентскую деятельность.

⁵ И. Франко. Твори в двадцяти томах, т. 16. Київ, стор. 27.

⁶ Рукописный отдел, ф. 3, ед. хр. 609, л. 1.

⁷ «З історії чехословацько-українських зв'язків». Братіслава, 1959, стор. 81.

⁸ И. Франко. Твори, т. 18, стор. 261.

⁹ Там же, стор. 248.

¹⁰ Там же, стор. 249.

¹¹ Там же, стор. 261.

¹² Там же, стор. 268.

¹³ Там же, стор. 269.

С достаточным вниманием и осторожностью подходит он к оценке деятельности Ф. Палацкого и Ф. Ригера, указывая на то, что хотя они имели «широкие и ясные умы...», но также не сумели предупредить о наступающей политической реакции»¹⁴.

Много внимания уделял он участию украинцев и украинскому вопросу на Славянском съезде. Этому посвящена специальная статья. Она была написана в связи с результатами выборов в провинциальный сейм Галичины в 1883 г., когда здесь очень обострились украинско-польские отношения. Выступая против реакционных сил, которые решали украинский вопрос в так называемом «духе соглашения», Франко писал: «Соглашение может быть достигнуто только между равноправными... [на основе] признания полного равноправия обоих народов в вопросах школьного дела, в учреждениях и парламенте, да и то признания не на бумаге, а при обеспечении его на деле»¹⁵. Аргументируя необходимость демократического решения украинского вопроса, Франко обращается к его рассмотрению на Славянском съезде. Он отмечает, что в то время, когда во Львове имели место украинско-польские ссоры, «в Праге на нейтральной основе в условиях всеобщего энтузиазма и того высокого духовного настроя, который вызывала у всех только что приобретенная свобода и первая вспышка широкого славянского братства, велись бурные, но подлинно дружеские и пропикнутые искренним славянским и демократическим духом переговоры об устранении всяческих межнациональных раздоров»¹⁶.

В подтверждение высказанных мыслей Франко публикует два очень интересных документа: проект «Соглашения между украинцами и поляками» и письмо делегата Славянского съезда Г. Гишилевича Русской раде в Яворове. В первом документе говорится о полном равноправии украинского и польского языков в Галичине. Вопрос о разделе ее на две провинции должен быть решен провинциальным сеймом. Франко тщательно комментирует оба документа, делая акцент на важности соглашения, достигнутого между украинскими и польскими делегатами Славянского съезда.

Детально останавливаясь во многих работах на истории украинско-польских отношений, Иван Франко последовательно отстаивает идею полного равноправия обоих народов, указывает на настоятельную необходимость установления добрососедских отношений между ними. «Единственную гарантию лучшего будущего обоих народов мы видим только в их федеральной связи между собой и с другими соседями, основанной на полнейшем равноправии»¹⁷. Обращаясь к событиям 1848 г., он неоднократно выделял призывы писателя Антона Могильницкого к сотрудничеству между прогрессивными украинскими и польскими кругами в Галичине¹⁸. Различные же попытки реставрации «исторической Польши» с включением в нее земель, не входящих в этнографические границы польского народа, он считал самым тяжким бедствием для польского народа¹⁹.

О неослабном внимании Ивана Франко к событиям 1848 г. в славянских странах свидетельствует и то, что он сделал перевод на украинский язык нескольких стихотворений К. Галичка-Боровского, написанных в это время²⁰. Об этих событиях он с воодушевлением говорит на Первом съезде славянских студентов в Праге в 1894 г.²¹, в статье о чешско-украинских отношениях, опубликованной в чешском журнале «Славянское обозрение» в 1901 г.²². О работе над этой тематикой идет речь и в письмах Ивана Франко к чешским деятелям²³.

¹⁴ «Народ», 1894, № 19, стр. 296.

¹⁵ «Діло», 1883, № 61.

¹⁶ Там же.

¹⁷ І. Франко. Публіцистика, стор. 59.

¹⁸ «Зоря», 1885, № 22, стор. 263; «Житє і слово», т. 6, кн. 2. Львів, 1897, стор. 119.

¹⁹ І. Франко. Публіцистика, стор. 75.

²⁰ «Зв'язки Івана Франка з чехами та словаками», стор. 143—145.

²¹ Там же, стор. 401.

²² Там же, стор. 473—474.

²³ Там же, стор. 515.

События 1848—1849 гг. Франко рассматривает как переломный момент в национально-освободительном движении славянских народов в XIX в. Хотя в полемике с польскими и украинскими буржуазно-помещичьими деятелями он делал иногда слишком категорические выводы относительно польского освободительного движения 30—40-х годов XIX в., однако они относились прежде всего к отрицательным чертам этого движения, к попыткам вести борьбу за восстановление так называемой «исторической Польши» в границах до 1772 г. То же следует сказать и об оценке им деятелей венгерской революции 1848—1849 гг., которые не учитывали требований украинского населения Закарпатья.

В целом же выдающийся революционер-демократ, патриот и интернационалист сумел глубоко и объективно проанализировать важную эпоху в истории славянских народов, при этом он проводил четкое различие между либерально-буржуазным и демократическим течениями в их освободительном движении XIX в. Этим он сделал большой вклад в прогрессивную украинскую славистическую историографию конца XIX — начала XX в.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВЕСЕЛИН ХАДЖИНИКОЛОВ. Георги Димитров и съветската общественост. 1934—1945. София, 1972

ВЕСЕЛИН ХАДЖИНИКОЛОВ. Георгий Димитров и советская общественность. 1934—1945

К 90-летию со дня рождения Георгия Димитрова известный болгарский историк, проф. Веселин Хаджиниколов опубликовал большую монографию о пребывании в Советском Союзе великого сына болгарского народа, которая является своеобразным итогом многолетней плодотворной работы автора по этой проблеме¹. В течение почти 12 лет (1934—1945 гг.) Г. Димитров жил и работал в нашей стране, которую он считал второй родиной, вместе с советскими людьми он делил их радости и трудности, тревоги и победы. Со страниц книги перед читателем встает яркий образ пламенного патриота и последовательного интернационалиста, который на протяжении всей своей жизни был большим другом Советского Союза.

Свое исследование ученый начинает с историографического обзора и оценки источников. Работа выполнена на основании огромного количества самых разнообразных советских и болгарских источ-

ников. Большое значение для раскрытия темы имеют многочисленные документы и материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального партийного архива при ЦК БКП, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, фондов музея Г. Димитрова. Тщательно изучена советская центральная, республиканская и местная печать. Заслугой автора является выявление ряда статей, выступлений, телеграмм Г. Димитрова, которые впервые вводятся в научный оборот. Все это позволило осветить многие, до сих пор мало изученные аспекты биографии Г. Димитрова и тем самым расширить наше представление о его жизни в СССР и многогранных связях с советской общественностью.

Диапазон исследования весьма широк, хронологически он охватывает период от прибытия Г. Димитрова в Советский Союз в феврале 1934 г. и до его возвращения на родину в ноябре 1945 г. Монография разделена на три главы в соответствии с основными этапами жизни Димитрова в СССР.

Первая глава — «Победитель в Лейпциге и советская общественность», как и последующие, открывается разделом, в котором ученый дает аргументированную характеристику внутриполитического и международного положения Советского Союза в соответствующий период. В ней показано широкое движение советского народа в защиту Георгия Димитрова в период Лейпцигского процесса. Благодаря мощным выступлениям трудящихся всего мира и заслужившему Советского правительства, Г. Димитров и его товарищи были вырваны из рук фашистских палачей и 27 февраля 1934 г. прибыли в Москву. Их приезд вылился во всенародный праздник. В книге рассказывается о митингах и собраниях трудящихся, о тысячах писем и телеграмм, в которых советские люди вы-

¹ В. Хаджиниколов. Георги Димитров и ленинградските свързници. «Военно-исторически сборник», 1965, кн. 3; е го же. Посрещане и приемане на Г. Димитров в Съветския Съюз след екстерниратето му от Германия. «Известия на Института за история», т. 16—17, 1966; е го же. Георги Димитров — депутат на Върховния Съвет на СССР. «Известия на Института по история на БКП», 1966, т. 15; е го же. Революционите процеси в България и втората родина на Георги Димитров. В сб. «Летопис на дружбата», т. 1. София, 1968; е го же. Чествуване на шестдесетата годишнина на Георги Димитров в Съветския Съюз през 1942. В сб. «Прегледи на архивни фондове и документи», София, 1970; е го же. Георгий Димитров и роль Советского Союза в мировом революционном развитии. В сб. «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения», М., 1972.

ражали свое восхищение мужественным поведением героя Лейпцига. По инициативе трудящихся многим предприятиям, колхозам, совхозам, лучшим бригадам было присвоено имя Г. Димитрова. Он избирается депутатом городских Советов Москвы, Ленинграда, Свердловска, Ташкента, Макеевки, Каменска, ряда районных и сельских Советов.

Автор книги проделал кропотливую работу, чтобы восстановить год за годом, а часто буквально по дням жизнь Г. Димитрова в Советском Союзе. Он рассказывает о первых встречах его с советскими людьми во время отдыха в Архангельском, кратковременного посещения Севастополя и Ялты, пребывания в Закавказье, о сердечности, внимании и заботе, которыми он был окружен. Читая книгу В. Хаджиниколова, наглядно ощущаешь пульс жизни Советской страны. Г. Димитров интересовался трудовыми буднями народа, восхищался подвигами челюскинцев, успехами советской науки и техники. Он переписывался с рабочими, колхозниками, инженерами, учеными, писателями, студентами, школьниками; разъяснял советским людям, какое огромное значение имеет их вклад в экономическое и военное могущество Страны Советов для развертывания коммунистического и рабочего движения, для борьбы против наступления фашизма и войны, для дела мира, демократии и социализма. «Ваша победа, победа трудящихся Советского Союза на фронте социалистического строительства...», — писал Г. Димитров экипажу танкера «Коминтерн», — радуют и вдохновляют трудящихся за рубежом на еще более решительную борьбу против наступления капитала, против фашизма и войны, за победу социализма во всем мире». «Герои науки и техники страны социализма», — отмечал он, — по мужеству и самоотверженности не уступают героям классовой борьбы против буржуазии и фашизма в капиталистическом мире» (стр. 91).

Во второй главе «Генеральный секретарь Коминтерна и советские люди» автор, анализируя деятельность Г. Димитрова в качестве руководителя всемирной коммунистической организации, отмечает, что, несмотря на огромную занятость, он не прерывал связи с широкими кругами советской общественности. Много внимания Димитров уделял работе таких массовых организаций, как МОПР и Осоавиахим. Активно сотрудничал он в советской печати. С большим интересом мы знакомимся с деятельностью Георгия Димитрова как депутата Верховного Совета СССР, избранного жителями города Костромы в 1937 г. Как отмечает автор, сам факт избрания Димитрова в высший орган государственной власти Советской страны был одним из ярких примеров последовательного интернационализма советских людей, всегда служивших примером для других народов (стр. 271).

В книге В. Хаджиниколова не только широко освещаются различные контакты Г. Димитрова с советскими людьми, но и ставится ряд теоретических вопросов. Весьма интересными представляются разделы, в которых анализируется роль Советского Союза в объективном ходе мирового революционного процесса, принцип сочетания патриотизма и пролетарского интернационализма. Георгий Димитров любил Советский Союз безмерной пламенной любовью коммуниста-интернационалиста. Он всегда рассматривал отношение к первой стране социализма, как важнейший критерий пролетарского интернационализма. Г. Димитров говорил, что пробным камнем искренности и честности каждого деятеля рабочего движения, каждой рабочей партии и организации трудящихся, каждого демократа является их отношение к великой стране социализма, к Советскому Союзу.

Накануне второй мировой войны Г. Димитров настойчиво разъяснял трудящимся, что внешняя политика Советского Союза направлена к подлинной защите всеобщего мира, отвечает коренным интересам всех народов.

В третьей главе — «С советским пародом в годы войны» приведены яркие факты, характеризующие роль Г. Димитрова в мобилизации всех антифашистских сил в борьбе против гитлеровской агрессии в Европе. С первого дня Великой Отечественной войны он отдаёт все свои силы делу защиты советского отечества, еще более чем когда-либо чувствуя свою неразрывную связь с героическим народом (стр. 324). С большим интересом читатель знакомится с деятельностью Г. Димитрова в Отделе международной информации ЦК ВКП(б).

Для советских людей Георгий Димитров остается великим поборником нерушимой советско-болгарской дружбы. «Нет и не может быть здравомыслящего болгарина, любящего свою родину», — писал Г. Димитров в газете „Правда“ в декабре 1943 г., — который не был бы убежден в том, что для национальной независимости и процветания Болгарии искренняя дружба с Советским Союзом не менее необходима, чем солнце и воздух всякому живому существу».

Живя в Советском Союзе, Г. Димитров никогда, как отмечает В. Хаджиниколов, не переставал думать о судьбах своей родины и работать во имя счастья ее трудового народа (стр. 342). Он твердо знал; что своего освобождения и подлинного расцвета Болгария сможет добиться только на пути социалистической революции, в дружбе и союзе со Страной Советов.

Некоторые недочеты-повторы, отдельные неточности не влияют на высокую оценку, которой заслуживает фундаментальное исследование В. Хаджиниколова.

Д. В. Мельцер

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972, ротап rint, 253 стр.

Комплексный метод изучения истории средневековой деревни и города, удачно примененный Л. А. Котельниковой для Северной и Средней Италии и завоевавший признание в советской историографии, открывает широкие перспективы в исследовании многих проблем, связанных со спецификой разложения феодального строя и зарождением капиталистических отношений в различных районах Европы. Средневековая Далмация с ее активной городской жизнью и своеобразием аграрных отношений представляет большие возможности для использования комплексного метода изучения города и деревни. Но до сих пор большинство исследовавших советских славистов по истории феодализма в Далмации носили фрагментарный характер, разрабатывались узкие локальные темы. Виолне понятен интерес, который вызывает новая работа М. М. Фрейденберга, где поставлена задача дать сводную характеристику деревни Северной и Средней Далмации и изучить взаимовлияние деревни и города в период развитого феодализма.

Книга М. М. Фрейденберга представляет собой специальный курс лекций, прочитанный на историческом факультете Калининского университета, в основу которого, по словам автора, положена одна из глав подготовляемой им монографии по той же проблематике. Мы не берем судить, насколько рецензируемая книга отвечает строгим требованиям, предъявляемым к подобным изданиям, но нельзя не отметить, что в нем нередко сочетаются чисто монографические приемы анализа источников с обзорным изложением материала, насыщенным отдельными фактами и понятиями, нуждающимися в дополнительном разъяснении (например, эмфитевиз, медзадрия, капиталистическая и полукapиталистическая аренда и др.). К курсу приложены три дополняющие друг друга карты. К сожалению, они недостаточно четко ориентированы и в них не отмечены некоторые часто упоминающиеся в лекциях области и населенные пункты. Каждый раздел снабжен обширным научным аппаратом, в конце книги даны обстоятельное резюме на английском языке (стр. 212—218), библиография (стр. 219—226) и приложения (тексты Вранского законника — на итальянском языке и в русском переводе, Новиградского сборника — на русском языке, стр. 229—252). Курс лекций, таким образом, носит не только ознакомительный, но и исследовательский характер.

В центре внимания автора, как подчеркнуто во вводной части, находится история деревни. Однако общая постановка задачи в дальнейшем значительно конкретизирована и раздроблена на ряд больших и ма-

леньких вопросов (стр. 33—34). Самые существенные из этих вопросов сводятся к рассмотрению сельского производства в указанный период, социальных связей внутри класса непосредственных производителей, форм поземельных отношений, меняющихся под воздействием города, и положения свободного крестьянства в Далмации, устоявшего под натиском города и вотчины. Остальные темы — организация самоуправления внутри общины, быт и психология крестьян, сохранявших архаический уклад жизни, как и беглые обзоры положения городского патрициата, организации морской торговли, политических событий X—XV вв. в Далмации — интересные сами по себе, на наш взгляд, не связаны логически, нарушают строгую направленность исследования (деревня — город) и придают ему излишнюю дробность. Книга состоит из шести разделов: I. О предмете этого курса. Источники. Литература; II. Сельское производство; III. Общинные связи; IV. Крестьянская зависимость; V. Крестьянская свобода; VI. Городская жизнь и Заключение. Досадно, что ни один из разделов, объединяющих несколько лекций, не заканчивается четко сформулированными выводами, необходимыми в подобном курсе.

Для осуществления намеченной задачи автор привлек обширный круг различных исторических источников и проявил хорошее знание советской и современной югославской литературы по избранной теме.

Фонды опубликованных источников по истории Далмации в основном сложились уже давно, но общая развернутая характеристика этих фондов еще не была предпринята в нашей историографии. Обзор источников, предложенный автором, частично восполняет этот пробел. Отметим сразу, что коммунальным статутам и особенно их дополнениям — реформациям — источникам первостепенной важности по объему заключенной в них информации, явно не повезло: беглое перечисление «деревенских тем» в статутах не исчерпывает всего значения этих документов для изучения городской округи; использование же их в самой работе носит эпизодический характер. Более подробному анализу были подвергнуты нотариальные акты. Строумное и тщательное исследование было применено к сборникам обычного права. Скучность источников побудила автора привлечь для изучения Северной и Средней Далмации не только местные документы — Новиградский сборник и Полицкий статут, — но и судебники из районов северо-восточной Истрии и Хорватского Приморья, т. е. Каставский, Моценицкий, Веприпацкий, Винодольский статуты. Заслуживает М. М. Фрейденберга является то,

что он отыскал, вернее вповь открыл и присоединил сюда один забытый историком документ: Вранский законник. Смелое сближение разрозненных локально и по времени источников здесь вполне оправдано: вопреки историографической традиции автор рассматривает все эти судебники обычного права как единое целое и, располагая их в определенной последовательности по принципу нарастания в деревне элементов вотчинного подчинения, получает единый «эволюционный ряд» свидетельств, отразивших процесс формирования феодальных отношений и, в частности, генезис вотчины. К сожалению, этот необычный историко-ведческий эксперимент остался почти не связанным с дальнейшими теоретическими построениями. В параграфе «Феодальная вотчина» (стр. 130—148) все выводы базируются на свидетельствах главным образом Роговского и Сунетарского картуляриев и других документов, которые подчас лишь упомянуты в историко-ведческом очерке.

Обзор литературы по истории далматинской деревни цеведик (стр. 26—34), и, как нам думается, больше соответствует стремлению познакомить читателей с отдельными значительными работами, чем выяснить настоящие проблемы в целом. Не учтены работы по истории классовой борьбы в далматинских городах, изучение которой намечено в советской историографии¹ и др. Включенные в обзор исторические исследования охарактеризованы лаконично и ярко, отмечен вклад каждого из них в изучение Далмации. Однако суждения автора о работах В. Г. Бабаева, А. Е. Москаленко, В. В. Захарова, югославского историка Н. Чолака, на наш взгляд, недостаточно глубоки.

Думается, что историографический раздел отвечает характеру работы: автор не столько суммирует выводы исследователей, сколько дает свое представление о далматинской деревне и городе XIII—XV вв.

Главные положения концепции М. М. Фрейденберга можно свести к следующему. Производственную основу далматинской деревни составляли виноградарство, хлебопашество, скотоводство, садоводство, огородничество. Большой удельный вес ремесла, промыслов, а также органи-

ческая связь с местным сельским рынком отличали пригородную деревню, ставшую зоной высокой концентрации товарных связей. Повседневная розничная торговля деревни шла, минуя приморский городкоммуну (стр. 53). Далматинская деревня, хотя и не везде, сохраняла многие архаические черты в виде самых различных общинных организаций, весьма своеобразно сочетающихся друг с другом. Коммуны и городской рынок оказывали разрушительное влияние на общинный строй деревни (стр. 73). Основными формами поземельной зависимости крестьян были колонат и кметство — две разновидности феодального держания.

Областью наибольшего распространения вотчины в XI—XII вв. явилась территория между Надиским и Вранским озерами и морем (район Равних Котаров). Одним из типов вотчины Далматинской Хорватии X—XII вв. было небольшое поместье, ведущее активное доменальное хозяйство и тесно связанное с трудом рабов (стр. 139, 143). В XIII—XIV вв. барская запашка в вотчинах сокращается, так как труд поземельно зависимых крестьян-кметов, обязанных сравнительно небольшой барщиной, не восполнил труда рабов (стр. 143). С XIII в. главным противником расширения церковных вотчин выступает городской патрициат, по разбросанные земельные владения самого патрициата не складывались в компактную вотчину. Образцом светской вотчины XV в. могут служить поместья феодалариев в Равних Котарах (стр. 147).

Сохранявшиеся в Далмации черты крестьянской свободы проявлялись по-разному: в виде существования в некоторых местах дофеодальных общинных отношений, в виде своеобразной свободы колоннов от чрезмерной эксплуатации (стр. 161—162) и от юрисдикции собственника земли. В среде свободных общинников, например, в Полице, сохранялись специфические взаимосвязи кровнородственных коллективов и традиционное представление о мире, о правовых и нравственных категориях.

В эпоху расцвета коммунальной жизни в XIII—XIV вв. основой существования северодалматинских городов оставалась посредническая торговля. Городское ремесло характеризовалось отсутствием некоторых важных видов ремесел (ткачества, гончарного дела), неразвитостью разделения труда и слабостью корпоративных организаций. Патрициат, единственная полноправная городская прослойка, имел весьма ограниченные возможности для осуществления производственной и внепроизводственной эксплуатации населения внутри города. Ведущая форма эксплуатации в северодалматинском городе была обращена вовне и связана с посреднической торговлей, основанной на неэквивалентном обмене. Это обстоятельство явилось серьезным, хотя и не един-

¹ А. Е. Москаленко. Из истории классовой борьбы в далматинских городах во второй половине XIV — начале XV в. Труды Воронежского ун-та, т. 42, вып. 3, 1955; е г о ж е. Данные хроник Фомы Сплитского о классовой борьбе в Сплите в конце XII — первой половине XIII в. «Славянский сборник», I, вып. исторический. Воронеж, 1958; Е. П. Наумов. Народное восстание в г. Которе и Которской области (1380 г.) (К истории классовой борьбы в Далмации в XIV в.). Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. XXX, М., 1966.

ственным фактором смягчения социальных противоречий в городе (стр. 201).

Краткое изложение основных положений концепции автора не может отразить всего содержания работы, многообразия затронутых вопросов и оригинальности предложенных решений. В работе, например, предприняты попытки определить степень близости далматинского колоната к полукapиталистической аренде, роль деревни и города в местном обмене, причины живучести кровнородственных связей, «ведущий способ эксплуатации» в городе и т. д. Нельзя не приветствовать подобное стремление к всестороннему освещению истории Далмации, но вместе с тем, совершенно очевидно, что такому обильно конкретно-историческим и теоретическим проблем тесновато в рамках двухсот страниц.

В работе хорошо показаны природные условия Далмации, виды сельскохозяйственного производства, развитие ремесла и промыслов в далматинской деревне. Однако утверждение, что роль города, как центра местного обмена, невелика (стр. 191) и что розничная торговля продуктами почти не затрагивала приморский город (стр. 54), вызывает сомнение, поскольку сам город не покрывал своих потребностей в сырье и продуктах сельского хозяйства и вряд ли во всех случаях предпочитал дальнюю торговлю местной. Тщательно, по крупицам собранные сведения о феодальной вотчине X—XI вв. еще недостаточны для вывода о том, что высокий удельный вес господского хозяйства, главным образом хлебопашества, в ранней вотчине был тесно связан с трудом рабов (стр. 143), — приводимые источники свидетельствовали о применении рабского труда только лишь в скотоводстве (стр. 139). В анализе вотчины допущены противоречивые суждения: на стр. 136, касаясь земельных владений, автор подчеркивает, что рассредоточенность их определяет и особый характер вотчины, и способ эксплуатации труда зависимых — т. е. характер феодальной ренты; но на стр. 143 отмечено, что «характер рентных отношений определяет все остальное развитие феодальной деревни; в том числе и структуру вотчины». Поэтому остается непонятным — влияет или не влияет, по мнению автора, рассредоточенная структура землевладения на характер рентных отношений.

Не убедительным, по нашему мнению, является положение об ограниченных возможностях, которыми располагал патрициат в эпоху своего безраздельного господства для осуществления эксплуатации внутри города, что «патрициат не имел доступа к палоговому обложению» (стр. 200). Аргументы, приводимые в подтверждение этого, разбиваются самим же автором, признавшим на стр. 205, что переход власти в северодалматинских городах в руки Венеции в начале XV в.

фактически означал оттеснение патрициата от источников дохода: «патрициат оказался серьезно ущемленным»².

Нельзя согласиться с авторской трактовкой роли городского права как особого регулятора общественных отношений — «такая уравнивавшая всех и стоявшая над всеми сила — равнодействующая коммунальных отношений» (стр. 164).

Вывод М. М. Фрейденберга о существовании «тенденции к смягчению внутригородских антагонизмов, которая находит выражение в отсутствии ярко выраженной эксплуатации в городе» (стр. 201) не подкреплен необходимым количеством доказательств и, на наш взгляд, находится в противоречии с данными, приводимыми в исследованиях других советских историков³.

К лучшим страницам исследования можно отнести анализ различных видов колонатных договоров о псаждении виноградника (*adpastinandum*) с последующим разделом земли (стр. 104) или с последующим оформлением наследственного держания, которое определяется автором как далматинская разновидность эфитевзиса (стр. 109). Впрочем, относительно разновидностей эфитевзиса в Далмации могут быть и другие точки зрения.

Чтобы яснее представить позицию автора в вопросе о колонате, сгруппируем его главные выводы: 1. Колонат как одна из ведущих форм поземельных отношений в Далмации в своих основных чертах остается неизменным с момента возникновения в XII до середины XX в. (стр. 98). Он не имеет ничего общего с колонатом античности и раннего средневековья (стр. 100). 2. Колонат как держание лично свободного крестьянина (стр. 100) возник в зоне влияния городского рынка и денежных отношений (стр. 116), он принципиально отличен и территориально отделен от кметства (стр. 129). 3. Широта и устойчивость прав колона на возделываемую землю допускает истолкование далматинского колоната как формы феодального держания (стр. 109). 4. Договоры колоно-

² Интересно сравнить: С. М. Стам считает, что в Тулузе XI—XIII вв. «главным объектом эксплуатации со стороны складывающегося патрицианского слоя все больше становилась растущая с развитием города масса городского мелкого торговоремесленного люда и среднего бюргерства, которой патрициат противостоил как главный (в условиях города) обладатель земельной собственности и домов, а также как обладатель денежного богатства, частично — как соучастник феодальной эксплуатации торговли и ремесла». С. М. Стам. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI—XIII веков). Изд-во Саратовского ун-та, 1969, стр. 350.

³ А. Е. Москаленко. Там же; Е. П. Наумов. Там же.

свидетельствуют о юридическом равенстве сторон (т. е. колона и собственника земли — стр. 110, 164), подчеркивают правовую самостоятельность колона (стр. 163—164). 5. Колонат выступал как внутригородское, межбюргерское держание — мелкие городские землевладельцы сдавали свои участки в колонатное держание таким же малосостоятельным горожанам. 6. Колонат и кметство достаточно близки друг к другу, отличия между ними не настолько велики, чтобы считать их различными укладами. Это — две формы зависимости в рамках одного уклада, каждая из которых достаточно специфична (стр. 207).

Одним из значительных результатов исследования М. М. Фрейденберга, на наш взгляд, является вывод о колонате, как специфической форме поземельных отношений, отличной от кметства и расположенной на ближайших подступах к городу — в радиусе 10—12 км.

Но, сравнивая приведенные положения (например, 2-е и 6-е, 3-4 и 4-е), нельзя не отметить их некоторую противоречивость: о каком юридическом равенстве контрагентов в договоре может идти речь, если сдавалась в держание земля патрициев или других крупных земельных собственников? Имел ли колон гарантии, обеспечивающие его владельческие права и нерушимость договора? Ответ на этот вопрос может дать тщательный анализ не только договоров о держании, но и городских статутлов о их реформациями⁴. Если колонат был основной формой внутригородского держания, то непонятно, почему простой горожанин мог предпочесть подвижной краткосрочной аренде колонат, т. е. сдачу своих земель в долгосрочное держание лицу, приобретающему на эту землю устойчивые права?

Возникает мысль, что под терминном «колонат» автор объединяет два социально неоднородных явления — долгосрочное держание на землях, сохранявших в этот период черты феодальной собственности (владения патрициата, церкви), и пригородную аренду на землях мелких и средних горожан. В советской историографии последнего времени все прочнее утверждается мысль, что земельную собственность средних и мелких горожан нельзя считать феодальной: город значительно изменил характер землевладения в своей округе⁵. Естественно предположить, что

и система феодальных держаний на землях простых горожан трансформировалась в различные виды аренды.

К сожалению, М. М. Фрейденберг очень мало говорит о пригородной краткосрочной аренде (стр. 102—103). Объяснение причин возникновения краткосрочной аренды, данное в работе, по нашему мнению, касается лишь частных случаев — последняя, как полагает автор, «могла существовать только за счет другой поземельной практики», т. е. колоната, которому она, как правило, сопутствовала (стр. 103). Таким образом, автор отказывает этому виду аренды в самостоятельном значении и, ограничивая себя материалом источников XIII в., не ставит вопроса о потенциальных возможностях зарождения новых отношений в рамках краткосрочной аренды.

В работе, однако, приводится интересный пример появления в Задаре краткосрочной аренды с высоким чиншем (1/2 урожая) и наличием денежного аванса со стороны землевладельца, т. е. аренды, по условиям приближающейся к ипольцие (стр. 103).

Отдельные выводы М. М. Фрейденберга о характерных особенностях далматинского колоната нуждаются в дополнительном обосновании. Действительно ли далматинский колонат, возникший в XI—XII вв., совсем не имеет ничего общего с античным, т. е. не испытал влияния даже столь живучей римской правовой традиции в сфере поземельных отношений? Вероятно, скудость источников не позволяет в настоящее время прийти к окончательному выводу. Какие черты далматинского колоната следует считать основными? И оставались ли они неизменными на протяжении периода с XII до середины XX в.?

Категоричность утверждений автора о полной личной свободе колона, о широте его прав на земельное держание смягчается рядом примеров, приводимых в этой же работе (стр. 115, ссылка 79, стр. 114, ссылки 74, 75).

Итак, в рецензируемой работе содержится суммарная характеристика средневековой северодалматинской деревни. Возможно, форма специального курса лекций затруднила для автора применение развернутых доказательств по ряду проблем. К тому же книга недостаточно тщательно отредактирована, в ней часто автор противоречит сам себе. Поэтому она производит противоречивое впечатление. С одной стороны, в ней изложена первая в советской историографии концепция далматинского варианта развития деревни и ее взаимосвязи с городом и затронута специфика городской жизни средневековой Далмации. С другой стороны, многие положения этой концепции требуют дополнительных доказательств.

Н. П. Мананчикова

⁴ Л. А. Котельникова подвергла убедительной критике поддерживаемую современной итальянской историографией теорию «равных партнеров» в договорах об ипольцие в Тосканской области (Л. А. Котельникова. Итальянское крестьянство и город X—XIV вв. М., 1967, стр. 247 и сл.).

⁵ С. М. Станам. Там же, стр. 377—378, 385. См. также рецензию А. Д. Люблинской на монографию Л. А. Котельниковой.

A. NOWAKOWSKI. *Górne Pobuże w wiekach VIII—XI*. Łódź, 1972

А. НОВАКОВСКИЙ. *Верхнее Побужье в VIII—XI веках*

Вопрос русско-польского пограничья в раннем средневековье и этно-племенной принадлежности местного населения издавна привлекал внимание исследователей. Недавно этой проблеме посвятил свою работу и польский археолог А. Новаковский. Своё исследование он ограничил территорией Верхнего Побужья в VIII—XI вв. Несмотря на некоторую сжатость хронологических и территориальных рамок, актуальность темы несомненна, ибо эта пограничная территория имела особое значение в русско-польских отношениях в течение нескольких веков. Цель исследования А. Новаковского — установить, опираясь на археологические источники, найденные на нынешней пограничной полосе, была ли здесь граница между двумя большими этно-культурными массивами — восточнославянским и западнославянским. Свою задачу он справедливо мотивирует тем, что в прошлом большинство ученых как польских, так и русских занимались определением политических рубежей.

Основное внимание автора работы сконцентрировано на вопросе об этнической и племенной принадлежности раннесредневекового населения, обитавшего на данной территории. Нельзя не отметить методическую последовательность при решении поставленной задачи. Исследование начинается с освещения современного состояния изучения памятников, далее дается обзор письменных и археологических источников, на которых базируется исследование, в основной части рассматриваются этноопределяющие элементы культуры в географическом плане.

Верно отмечено, что этноопределяющими элементами могут служить внутренняя конструкция оборонительных валов, типы жилищ, похоронный обряд, керамика, некоторые типы женских украшений и ряд других предметов. Приняв это во внимание, автор работы называет сначала наиболее характерные элементы древнепольской культуры, а затем — древнерусской. В принципе не вызывая возражений, этот метод, однако, применен здесь не совсем удачно. По нашему мнению, не было необходимости характеризовать все ведущие элементы обеих культур, так как не все эти элементы представлены на территории Побужья, что признает и сам автор (стр. 93). Целесообразнее было бы характеризовать ведущие элементы культуры, представленные на изучаемой территории, и, указывая на их аналогии на землях Руси или Польши, определить, к какой из двух культур — древнерусской или древнепольской они относятся.

Автор, на наш взгляд, не всегда правильно определяет наиболее характерные элементы культуры: кремационные захо-

ронения, например, он связывает только с западными славянами (стр. 77, 98). Неудачно выделение как западнославянского элемента шейных гривец (стр. 74) — последние, не в меньшей мере, были распространены и на Руси.

При картографировании на исследуемой территории элементов культуры, характерных для восточных славян, в частности при рассмотрении внутренней конструкции оборонительных валов, А. Новаковский почему-то не упоминает о том, что типичная для русского оборонного зодчества внутривальная конструкция в виде срубов открыта в Грудке Надбужном, Головно и Сонсядке. Это тем более странно, что в предыдущей главе он специально выделил этот тип оборонной конструкции как критерий для определения эпокультурной принадлежности памятников Верхнего Побужья (стр. 69). Указав, что для Руси характерна также конструкция вала из глины, он на этой территории назвал городище в Устилуге (стр. 100), но пропустил аналогичное городище в Черне, лежащее на противоположном берегу Западного Буга.

После анализа вещевого материала, который обнаружен на поселениях и могильниках изучаемой территории, автор останавливается на таких вопросах: в-первых, являлось ли Верхнее Побужье окраинной территорией каждой из двух больших культур — западнославянской и восточнославянской, во-вторых, не преобладают ли здесь локальные элементы культуры — надбужские и, в-третьих, был ли бассейн Верхнего Буга заселен исключительно западными или же восточными славянами. Эта глава наиболее интересна в научном отношении. Менее подробно автор рассматривает первые два вопроса. На последнем же он сосредотачивает все свое внимание, ибо по сути это и есть цель работы. Итак, была ли территория Верхнего Побужья в этническом плане восточно- или западнославянской?

Прежде всего автор утверждает, что все кремационные погребения принадлежат западнославянской группе племен (стр. 126). Но так ли это? К сожалению, этот вопрос решен очень прямолинейно, а между тем такие погребения в дохристианской Руси были преобладающими, они известны в большом количестве на землях восточных славян. Однако несмотря на это, А. Новаковский считает, что в Верхнем Побужье они принадлежали именно западным славянам. Прокартографировав небольшое количество элементов материальной культуры, что признает и сам автор (стр. 132), он тем не менее утверждает, что северная часть Верхнего Побужья может быть связана с западными славянами, точнее с

польскими (стр. 134). Центральная же и южная части Верхнего Побужья, по мнению автора, в VIII—XI вв. не были заселены исключительно польскими или русскими племенами, а являлись территорией, где проявлялись контакты между ними (стр. 135). Поэтому он считает, что в VIII—XI вв. не удастся определить четкой границы между польским и русским этносом (стр. 136). «Может быть, — замечает автор, — население, обитавшее на этой территории, не было ни польским, ни русским, а просто „местным“ („tutejsze“») (стр. 136). Но что значит «местное» население? Такая интерпретация этнической принадлежности населения Верхнего Побужья и русско-польского рубежа вызывает возражение. Автор этих строк также путем картографирования памятников на этой территории определял этническую принадлежность местного населения, и на основании большинства этноопределяющих элементов пришел к выводу о том, что она была заселена в основном восточными славянами, а граница между древнерусскими и древнепольскими этническими массивами проходила, примерно, по левобережью р. Вепр¹. Но некоторые восточнославянские памятники IX — начала X в. известны и западнее — в Зембожичах, Вроткуве Люблинского повята и др. По мнению известного польского археолога В. Антоневича, они принадлежали какой-то группе восточнославянского племени бужан².

Касаясь племенной принадлежности населения Верхнего Побужья, А. Новаковский пишет, что северную его часть, т. е. земли на север от рр. Гучвы и Луги (Хелмщина) следует связывать с польскими лендзянами (стр. 138). В южной и центральной части Верхнего Побужья он склонен искать бужан (стр. 139), по дальше пишет, что «земли южной и средней части бассейна Верхнего Буга имеют отдельный, локальный характер. Не являются они ни русскими, ни польскими»

¹ М. М. Кучинко. Материальная культура населения междуречья Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв. В сб. «Исследования по истории славянских и балканских народов, эпоха средневековья». М., 1972, стр. 78—91.

² W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1928, s. 243—244.

(стр. 139) (!) Летописец считает их русским племенем. Таковыми их знает и большинство исследователей (П. Н. Третьяков, Б. А. Рыбаков, В. Д. Королюк и др.). Нельзя согласиться и с тем, что дулебы жили на территории Чехии (стр. 139), ведь русский летописец ясно говорит, что «дулебы живяху по Бугу, где ныне вольшяне» и далее: «бужаше, запе седять по Бугу, после же вольшяне» (ПСРЛ, т. II, стлб. 8, 9). Отсюда явствует, что дулебы были предками древнерусских бужан (вольшян). Иными словами, дулебы — бужане — вольшяне — это одно и то же племя на разных этапах его культурно-исторического развития.

Местом расселения лендзян А. Новаковский считает северную часть Верхнего Побужья. Племя лендзян впервые упомянуто в IX в. Географом Баварским под названием лендизи, а в X в. Константин Багрянородный пишет о племени лендзяниной³. Но эти фрагментарные упоминания не дают возможности установить, идет ли речь об одном и том же племени или же о разных. Отсутствуют данные и о том, на какой территории жило это племя. Поэтому нет никаких оснований для отождествления лендзян с летописным термином «ляхи», т. е. поляки. А значит вопрос о лендзянах остается открытым, и говорить о их расселении в Побужье, по нашему мнению, просто невозможно.

В заключение следует отметить, что ценность монографии А. Новаковского заключается в том, что в ней подняты интересные проблемы и сделана попытка поновому их решить. Нужно отметить высокое качество карт, приложенных к книге. Высказанные нами критические замечания только подчеркивают всю сложность охваченных проблем и не умаляют научной ценности рецептируемой работы.

М. Кучинко

³ Обзор письменных источников по проблеме лендзян содержится в следующих работах: T. L e h r - S p i a w i Ń s k i. Łędzice — Łędzianie — Lachowie. В сб. «Opuscula Cas. Tymienski... dedicata». Poznań, 1959, s. 198; H. Ł o w m i a Ń s k i. Początki Polski, t. III. Warszawa, 1967, s. 128—131; В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964, стр. 94—98.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СЛОВАЦКОЙ ЛИРИКИ

Известный словацкий литературовед Станислав Шматлак, автор нескольких книг о словацкой поэзии («Гвездослав. Рождение и развитие его лирики», 1961; «Поэт Лацо Новомеский», 1963; «Приглашение к стихотворению. Встреча с поэзией Милана Руфуса и Мирослава Валека», 1971) и ряда глав академической «Истории словацкой литературы», в своей

повой книге¹, по его собственным словам, «... сделал попытку обобщить результаты своего личного знакомства — исследовательского и просто читательского — с отдельными поэтами и поэтическими тече-

¹ S. Š m a t l á k. 150 rokov slovenskej lyriky. Bratislava, 1971, 330 s. Далее при цитировании указывается стр. в тексте.

ниями словацкой лирики от Возрождения до наших дней»².

Эта книга — не систематическая история словацкой поэзии, хотя материал расположен в ней по хронологическому принципу. Автор не ставит перед собой цели дать исчерпывающую характеристику того или иного поэта или поэтического направления. Он сосредотачивает свое внимание на ключевых проблемах, связанных с историей словацкой лирики и ее современным состоянием, на вопросах нерешенных и спорных, стремясь дать им свое толкование. «150 лет словацкой лирики» — это книга размышлений о путях и судьбах словацкой поэзии, призванному, по убеждению автора, достойно продолжить славные традиции прошлого.

За начальную точку здесь принят 1821 год — год выхода в свет «Стихотворений» Яна Коллара. Но вся книга целиком обращена к современности и — к будущему словацкой поэзии, призванному, по убеждению автора, достойно продолжить славные традиции прошлого.

Развитие словацкой поэзии предстает в книге Шматлака в его причинной взаимосвязи с историческими судьбами словацкого народа, с национально-освободительным движением, с борьбой различных философских, идеологических и эстетических концепций. В заключительной главе Шматлак отмечает, что важнейшим методологическим импульсом было для него положение Луначарского о том, что изучение художественных методов и литературных стилей в отрыве от реальной жизни классового общества и от классовой борьбы может привести лишь к абстрактности и схематизму (стр. 315). В книге Шматлака общественно-исторический фон намечен лишь отдельными скупыми штрихами, по живой ход истории неизменно учитывается автором в его оценке литературных явлений.

Как важнейшую составную часть процесса формирования идеологии словацкого национально-освободительного движения рассматривает Шматлак поэзию эпохи национального Возрождения.

Весьма выразительна в этом плане характеристика штуровского поколения в словацкой поэзии и особенностей словацкого романтизма. Шматлак нашел свежие краски для характеристики и С. Халушки («Поэт, бард и герой»), и А. Сладковича («Поэзия как воплощение красоты»), и Я. Краля («Янко Краля»), и Я. Ботто («Концепция смерти Япошика у Ботто»).

Убедительно раскрыта в книге противоречивость общественных и эстетических воззрений С. Ваянского, причины большого успеха его сборника «Гатры и море» и консервативность его позиции в последующие годы.

² Ibid. Из обращения к читателю на суперобложке.

Обширное лирическое наследие П. Орасага-Гвездослава, о котором исследователь много писал прежде, Шматлак проанализировал в данной работе под углом зрения его актуальности для настоящего времени. Значение этого поэта в истории словацкой литературы Шматлак оценивает очень высоко, не считая, что поэзия Гвездослава является сегодня лишь историко-литературным фактом, как это кажется некоторым другим современным авторам. Шматлак убежден, что «его лирика с присущим ей внутренним драматизмом, с настоянной борьбой за свои идеалы и истины, оказалась художественным организмом необычайной динамичности, что позволяет последующим поколениям поэтов устанавливать с ней плодотворные творческие контакты» (стр. 147).

В анализе так называемой словацкой модерны начала XX в. (Я. Есенский, И. Краско) очень ценно стремление исследователя проследить связь новых поэтических исканий с демократическими идеалами, со всей общественной атмосферой того периода. Здесь стоит особенно выделить яркий творческий портрет молодого Есенского.

Среди поэтов XX в. Шматлак отдает пальму первенства Л. Новомескому, творчество которого он считает высшей точкой развития лирической традиции, идущей от Я. Краля через И. Краско к автору «Воскресенья». Специально рассматривается в книге проблема словацкого варианта сюрреализма — так называемого «надреализма». В последнем разделе — «Время возвращения» — Шматлак развивает мысль о необходимости для современной поэзии освоить — «без „левых“ и „правых“ редуций» — все подлинные национальные поэтические ценности — чтобы двигаться к новым успехам: «Ведь речь идет и о том, чтобы время „возвращений“ к несуженному комплексу современной литературной традиции, возобновив живую циркуляцию творческой энергии между прошлым и будущим — мы превратили бы в отправной пункт движения к новому художественному синтезу» (стр. 313).

Интересная книга Шматлака, ярко воссоздающая драматизм и напряженность судеб словацкой поэзии, побуждает к размышлениям, но и естественно вызывает желание по отдельным пунктам поспорить с автором.

Шматлак высказывает, например, ряд очень точных наблюдений по поводу отношения словацкой поэзии к чешскому поэтизму. В 20-е годы здесь преобладало отталкивание, в 30-е его сменило освоение отдельных художественных открытий чешских поэтов-поэтистов: «Короче говоря, словацкая поэзия не воспринимала и не усваивала поэтизм на уровне его „антропологической доминанты“ (т. е. его «философии» человеческого счастья и т. д.), по на уровне поэтической техники...» (стр. 231). Исследователь отмечает художест-

венную плодотворность этого восприятия, например у Новомеского, и в то же время ясно подчеркивает оригинальность и новаторство крупнейшего революционного поэта Словакии. Однако среди этих наблюдений автора, с которыми можно полностью согласиться, встречается утверждение, которое представляется по меньшей мере спорным. Шматлак пишет о выступлениях давистов против поэтизма: «Способ полемической аргументации и ее смысл выдают тот факт, что ритм развития левой словацкой поэзии по сравнению с чешским литературным контекстом отстал на одну фазу...» (стр. 212. — Разрядка моя. — С. III). Правоммерно ли такое утверждение, сверяющее живой литературный процесс с неким абстрактным «эталоном»? Ведь словацкая поэзия вовсе не была обязана проходить в определенном порядке все те стадии и фазы, которые мы можем отметить в поэзии чешской. У словацкой поэзии — свой путь и свои «фазы», и как раз достоинством книги Шматлака является то, что по отношению к предыдущим периодам в развитии словацкой поэзии он исследовал именно это развитие в его специфике и связи с историей словацкого народа, не вымывая, где и насколько словаки от кого бы то ни было отставали. И самое главное: ведь вскоре после тех полемик, в которых Шматлак увидел это «отставание», появилось «Воскресенье» Новомеского — сборник, который, можно сказать, опережал на одну фазу ритм развития левой чешской поэзии, а в подготовке его свою несомненную роль сыграли и названные полемик.

Надо в полной мере оценить стремление Шматлака к объективному анализу проблемы словацкого надреализма, что выгодно оттеняет его позицию на фоне целого ряда очень пристрастных выступлений по этому вопросу в недавнем прошлом. Но мне кажется, что многое в вопросе о надреализме все еще остается нерешенным. Видя ограниченность и иллюзорность отдельных аспектов словацкого надреализма, Шматлак тем не менее пытается обосновать его закономерность с точки зрения «потребностей развития» словацкой поэзии второй половины 30-х годов. Но сама постановка вопроса о том, было ли не было «необходимым» это течение, существовавшее целое десятилетие и объединявшее многих поэтов, представляется мне умозрительной. Гораздо важнее конкретно оценить его в сопоставлении с общественной атмосферой того времени, как это делает Шматлак по отношению к поэтическим течениям предшествующих эпох. Однако анализ надреализма в отличие от анализа других течений ведется в «лабораторных» условиях, с упором на «внутренние потребности» развития поэтики, в частности стиха. Но разве менее «необходимой», чем задача «развить поэтическую традицию, утвердить свободный стих» и подобные формальные новации, разве ме-

нее «необходимой» для поэзии была в то предгрозовое, предвоенное время, например, задача бить тревогу, звать к борьбе? Конечно, не к чему сравнивать «фазы», но нельзя не задуматься, почему в тот же самый период конца 30-х годов крупнейшие поэты сюрреализма П. Элюар и В. Незвал решительно рвут с этим течением, выступают со своей «критикой поэзии», прорываются к большому гражданскому искусству. Что же касается поэтической традиции, которую-де развивал словацкий надреализм, то она к тому времени была уже порядочно распята, например поэзией Новомеского, как об этом убедительно пишет сам Шматлак.

С другой стороны, преувеличенным кажется мне положение Шматлака о разрыве с прогрессивными традициями и предыдущими течениями в словацкой поэзии 50-х годов. В резкой смене тенденций в поэзии этого времени исследователь не акцентирует объективную «потребность развития», хотя, паверное, потребность в гражданской поэзии — как отклик на гигантского масштаба перелом в исторических судьбах народа — была тогда не менее велика, чем в середине 30-х годов потребность развивать свободный стих. Разумеется, в этом процессе были свои издержки, одни поэты поступали так «по велению сердца», а кто-то, может быть, «рвал со своим прошлым» изображений конъюнктуры, но все же в этом проявлялась и объективная закономерность развития. Не стоит также объединять одним понятием «разрыва преемственности» такие разные факты, как, по моему мнению, вполне позитивный для поэзии разрыв с изжившим себя сюрреализмом и — чрезвычайно болезненное для молодого социалистического искусства произвольное изъятие из прогрессивной литературы революционного творчества Новомеского. Особо стоит вопрос о традициях поэзии Словацкого национального восстания, о значении нового обращения к классическому наследию — к поэзии Я. Краля, П. Орсага-Гвездослава и т. д. Короче говоря: решительно невозможно, по моему мнению, всю сложность обстановки в поэзии 50-х годов свести к «утере преемственности», а в поэзии 60-х — к ее восстановлению. Да сам автор конкретного разбора произведений вносит в это положение неизбежные коррективы.

Можно было бы поспорить со Шматлаком еще по каким-то отдельным вопросам. Но это не недостаток, а достоинство книги: она будит мысль, помогает по-новому увидеть многие важные проблемы. Нет никакого сомнения, что перед нами глубокое и оригинальное исследование, представляющее новую ступень в изучении словацкой поэзии, и что каждый исследователь этой проблематики несомненно учтет его выводы.

С. Шерлаимова

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы одним из главных направлений в славистике ГДР стало всестороннее изучение германо-славянских литературных связей. Важность планомерных исследований в этой области определяется тем обстоятельством; что они позволяют, во-первых, установить степень распространения произведений славянской словесности в германоязычной культурной среде, во-вторых, конкретизировать формы и масштабы безусловно имевшего место, но до сих пор слабо изученного идейно-эстетического влияния литературы ряда славянских народов, особенно соседних; на развитие одной из ведущих европейских литератур — немецкой. Кроме того, изучение любых двусторонних литературных контактов; германо-славянских в том числе, является одним из самых эффективных способов осознания такого сложнейшего феномена, как «мировая литература», ибо литературные связи — один из важных конститутивных компонентов этого явления.

Серьезным вкладом в изучение германо-славянских литературных связей следует считать двухтомное исследование немецкого литературоведа Манфреда Йенихена¹, посвященное распространению и восприятию чешской литературы в немецкой языковой области (включая Австрию) на протяжении всего прошлого столетия. Первый том («Неприязнь и сочувствие») охватывает период с наполеоновских войн до середины 60-х годов XIX в., второй («Путь к признанию») — с 60-х годов до провозглашения в 1918 г. независимого чехословацкого государства.

Первая книга построена целиком на материале чешской поэзии, так как «чешская проза только с 80-х годов XIX в., а драматургия в конце века стали участвовать в процессе проникновения в немецкую литературу» (стр. VII). Уже на первых страницах автор четко формулирует цель работы: «... показать, что в исследуемый период связи между немецкой и вновь формирующейся чешской национальной литературой осуществлялись также и в направлении от чешской к немецкой. Мы далеки от того, чтобы переоценивать эти связи, однако, с другой стороны, они весьма важны как значительный фактор в борьбе за взаимопонимание и актуальны именно сегодня» (стр. 7). Исследование ведется в соответствии с градацией форм литературного взаимодействия, обмена (Austausch), предлагаемой автором. Под-

тверждая ту истину, что высшей формой литературных контактов является, естественно, непосредственное идейно-эстетическое влияние (Beeinflussung), автор подчеркивает, что этим, однако, взаимодействие не исчерпывается, оно включает в себя процесс распространения, передачи (Vermittlung) иноязычного литературного творчества в ту или иную национальную литературу и языковую среду, причем этот процесс, как правило, предшествует появлению высшей формы литературного взаимодействия и обуславливает ее. В свою очередь, и в процессе распространения можно выделить три его формы: 1) сведения (Berichte) о литературе, 2) переводы, 3) оценка, рецензирование (rezensierende Stellungnahme).

Поскольку в рассматриваемый период непосредственное художественное влияние со стороны чешской литературы было крайне незначительным (если не отсутствовало вообще), естественно, что внимание исследователя сосредотачивается именно на процессе распространения и восприятия чешской литературы в немецкой языковой среде. Автор убедительно показывает, что интенсивность этого процесса, его ускорения и замедления находились в прямой зависимости как от внутренних обстоятельств чешского литературного развития, так и от общенационально-политических условий, существовавших в Чехии в тот или иной период ее истории. В связи с этим намечается следующая периодизация рассматриваемого процесса: от наполеоновских войн до середины 30-х годов; до 1848 г.; до середины 60-х годов.

Первая волна интереса к чешской художественной литературе отмечена автором на рубеже 20—30-х годов. В значительной мере она объясняется устойчивым вниманием Й. В. Гете к чешской истории и письменности. Известна, в частности, благосклонная оценка, данная родоначальником новой немецкой литературы переводам чешских народных песен и отрывков из «Дочери Славы» Коллара, появившимся в 1827 г. в пражском журнале «Ежемесячник Богемского краеведческого музея» («Monatsschrift der Gesellschaft des Vaterländischen Museums in Böhmen»).

Бесспорно, что в процессе проникновения любой литературы в иноязычную среду главную роль играют переводы произведений этой литературы. Поэтому М. Йенихен большое внимание уделял детальному разбору переводов с чешского на немецкий двух самых видных переводчиков середины XIX в. — Венцига и Кашпера. При оценке степени художественности и точности перевода М. Йенихен исходит из положения, что перевод — это творческая передача иноязычного словесного произведения, представляющего

¹ M. J ä h n i c h e n. Zwischen Diffamierung und Widerhall. Tschechische Poesie im deutschen Sprachgebiet. 1815—1867. Berlin, 1967; е го же. Der Weg zur Anerkennung. Tschechische Literatur im deutschen Sprachgebiet. 1861—1918. Berlin, 1972.

собой диалектическое структурное единство языковых и внеязыковых элементов, в соответствии с индивидуальными способностями и средствами выражения родного языка переводчика, а также с эстетическими нормами эпохи, ибо «каждая эпоха обладает своим определенным идеалом верности (перевода оригиналу. — Ю. Р.) — современность: функциональная эквивалентность; классицизм: адаптация; романтизм: верность деталям и т. д.» (стр. 272). Последовательный учет этих положений позволяет М. Йенихену сохранять историческую объективность при оценке и — особенно — при сравнении различных переводов.

Йозеф Венциг (1807—1876), известный пражский немецкий писатель и педагог, начал переводить с чешского уже со студенческой скамьи. В 1830 г. он издал в Галле апологию «Славянские народные песни» («Slawische Volkslieder»), куда вошли 42 чешские, 16 словацких, 4 словенские, 41 русская, 5 украинских и 4 болгарские песни. В 1857 г. Венциг выпустил сборник «Сокровища западнославянских сказок» («Westslawischer Märchenschatz», Leipzig), в который включил чешские и моравские сказки, поговорки, песни из собраний К. Я. Эрбена и Ф. Сушила.

Венциг первым стал переводить на немецкий язык поэму Я. Коллара «Дочь Славы». Именно его переводы в «Ежемесячнике» в 1827 г. получили положительную оценку Гете, о чем упоминалось выше. В свой «Букет новой чешской поэзии» («Blüthen Neuböhmischer Poesie», Prag, 1833) он включил около 50 сонетов из колларовской поэмы, а впоследствии перевел еще 30.

Венциг переводил «Дочь Славы», сохраняя сонетную форму и одновременно отказываясь от нее, причем лучших результатов — как это видно из анализа исследователя — он добился в последнем случае. Однако причину этого, как нам кажется, следует скорее искать в индивидуальных качествах переводчика, нежели обосновывать отказ Венцига от сонетной формы «необычайным напряжением воли», натуженностью, с какой форма сонета выдерживалась Колларом, вытекающей отсюда «частой диспропорцией между выскатальной формой и функционально несоответствующим этой форме содержанием», «утомляющей монотонностью длинной череды шестист сонетов» (стр. 208).

Вторым крупным переводчиком того времени был Зигфрид Каппер (1821—1876); участник поэтической группы «Молодая Богемия». В отличие от Венцига, стремившегося к возможно более точной передаче оригинала, Каппер свободно обращался с оригиналом, используя формы современной немецкой поэзии. Наиболее значительным переводом Каппера — и одним из важнейших переводов с чешского языка на

немецкий во всем XIX столетии — был перевод поэмы К. Г. Махи «Май», опубликованный в 1844 г. в пражском альманахе «Либуша», издававшемся П. А. Кламом. В дальнейшем чешская литература потеряла своего талантливого переводчика: в 40-е годы Каппер, изучая медицину в Вене, близко познакомился с Вуком Караджичем и полностью посвятил себя переводам сербо-хорватской поэзии.

Как показывает исследование М. Йенихена, в середине прошлого века переводами чешской литературы на немецкий занимались либо чешские деятели (Шафарик, Свобода, Сабина), либо — чаще всего — немецкие писатели Чехии, хорошо знакомые с чешской литературной жизнью. Участие собственно немецких писателей в процессе проникновения чешской литературы в немецкую языковую среду было в тот период эпизодическим. Потому тем более жаль, что автор не дал развернутого анализа переводов широко известной в свое время немецкой романистки Иды фон Дюрингсфельд (1815—1876), выпустившей в 1851 г. сборник переводов чешской народной поэзии «Богемские розы» («Böhmische Rosen», Breslau).

Второй том рецензируемого исследования охватывает период с 60-х годов прошлого века до окончания первой мировой войны. Автор едва ли не с исчерпывающей полнотой использовал периодическую печать изучаемой эпохи, а также ряд пражских архивов.

Первые десятилетия этого полувекового периода отмечены серьезными трудностями в процессе проникновения чешской литературы в немецкую языковую среду Германии и Австрии. «Путь к признанию» для чешской литературы да и вообще для чешской культуры был гораздо сложнее, нежели для любой другой славянской культуры, находившейся в тот период в контакте с немецкой культурной областью. Причиной тому служили общественно-исторические факторы. Резкий взмах чешского национального движения в 60—70-е годы вызвал столь же резкую шовинистическую волну среди реакционных и даже либеральных кругов немецкой буржуазии и интеллигенции, трактовавших национальные устремления чехов как антилиберальные, регрессивные, что и муссировалось многими органами прессы. М. Йенихен справедливо пишет, что под сомнение ставилось «само историческое право чехов на существование как нации». Среди прочих свидетельств, подтверждающих такое положение ранее не публиковавшегося письма Червинковой-Ригеровой, либреттистки Антонина Дворжака, к О. Малиброк: «Так называемая либеральная пресса, особенно в Вене, грубо клеветает по целой Германии на все чешское, а нас, за то что мы боремся за собственную культуру и равные права, изображает как узурпаторов

немецкого права и имущества, как смертельных врагов всех немцев» (стр. 5).

В 60-е годы активной пропагандой и переводом чешской литературы занимался по существу лишь А. Вагдау (И. В. Ярош), который ориентировался на демократические устремления маевцев и их литературных предшественников.

В конце 70-х годов появляются переводы стихотворений В. Галека и Я. Неруды. Но если творчество Галека было представлено его первым сборником («Вечерние песни» в переводе Г. Дёрфла), то с поэзией Неруды немецкие читатели знакомы по ее зрелым образцам: австрийский поэт Густав Павиковский перевел и издал в 1881 г. в Лейпциге «Космические песни». Хотя перевод не обладал художественной адекватностью оригиналу, его значение состояло в том, что он ориентировал переводчиков на новейшие принципиальные достижения чешской поэзии. Следует отметить, что первое знакомство немецкой культурной среды с творчеством Неруды на немецком языке состоялось значительно раньше, хотя и было эпизодическим. В 1860 г. его комедия «Жених из-за голода» была сыграна немецкой труппой в гор. Градец Кралове, и «Прагер Моргеппост» в рецензии на спектакль отмечала «драматический талант» автора.

В ряде немецких всеобщих историй литературы этих лет² появляются специальные главы, посвященные старой и новой чешской словесности. А в третьем издании «Энциклопедического словаря Майера» делается попытка охарактеризовать современное состояние чешской литературы.

В 80—90-е годы чешскую национальную культуру в немецкой среде представляют в основном поэты Я. Врхлицкий и С. Чех. Особенно широкое распространение получает творчество Врхлицкого, чему немало способствовала близость его поэзии тенденциям развития немецкой и австрийской поэзии тех лет. Хотя к Врхлицкому обращались десятки переводчиков, достичь художественности и идейной глубины оригинала удалось только одному из них — Фридриху Адлеру, который, кстати сказать, был связан личной дружбой с чешским поэтом. Адлер выпустил свой перевод «Стихотворений» Врхлицкого в 1895 г. в Лейпциге. «Важнейшим фактором, обусловившим качество его переводов, были — паряду с типологическими и даже тематическими (географическо-временными) соответствиями в творчестве обоих поэтов — необычайное чувство языка и огромное сознание художественной ответственности у Адлера» (стр. 373).

² A. Stern. Geschichte der neuern Literaturen. Bd. 6, Leipzig, 1884; Bd. 7, 1885; H. N o r m a n n. Perlen der Weltliteratur. Bd. 6, Leipzig, 1883.

Внимательный анализ роли Ф. Адлера в начавшемся в 90-е годы процессе творческого сближения пражских немецких писателей с чешской литературой, благоприятнейшим образом повлиявшего на дальнейшее распространение чешской литературы в немецкой языковой среде, позволил М. Йенихену обоснованно выдвинуть тезис о необходимости связывать этот процесс не только с именем Р. М. Рильке, как это традиционно делается в литературоведении, но и с Ф. Адлером.

В эти же годы достойным немецкого читателя становится постепенно и чешская проза, прежде всего ее малые формы, так как жанр романа в Чехии получает распространение довольно поздно. В популярном лейпцигском издательстве «Реклам» массовым тиражом выходили сборники рассказов и повестей Б. Немцовой, Я. Неруды, С. Чеха, Я. Врхлицкого, К. Светлой, М. А. Шимачека.

Решающим этапом в процессе распространения чешской литературы в Германии и Австрии стал, по мнению исследователя, период с середины 90-х годов и до первой мировой войны, когда в этом процессе появляются качественно новые элементы, элементы идейно-художественного влияния крупнейших чешских мастеров слова на немецких коллег.

Значительный вклад в популяризацию чешской культуры внес редактор и один из издателей крупнейшей венской газеты «Цайт» Германн Бар (1863—1934), опубликовавший десятки статей о новейших явлениях в чешской литературе и искусстве. Особенно часто он писал о чешском театре, жизнь которого ему была хорошо знакома благодаря близким отношениям с замечательным чешским режиссером и драматургом Национального театра Ярославом Квапиллом.

Еще более существенной для пропаганды новейших достижений чешской культуры была деятельность чешского критика Ф. В. Крейчи, который сотрудничал как в венской «Цайт», выходявшей в 1894—1904 гг., так и в других центральных немецких газетах и журналах. В своих эссе, статьях, обзорах он обращал внимание немецкого читателя на принципиально важные явления и тенденции в чешской художественной жизни, знакомил с главными деятелями современной культуры своей страны. Одновременно Крейчи давал этим явлениям и деятелям критическую оценку, в основе которой лежал критерий общественной ангажированности литературы и искусства. При этом чешский критик всегда стремился учесть специфику развития восприимчивой культуры. О пропихательности Крейчи как литературного критика свидетельствует, к примеру, тот факт, что он уже в 1894 г. в газете «Цайт» сообщал читателям о появлении «ярчайшего чешского символиста» — О. Бржезины, хотя тот опубликовал к этому времени лишь несколько сти-

хотворений и еще только готовил свой первый сборник «Таинственные дали».

На рубеже столетий интенсивно переводятся на немецкий язык стихотворения трех крупнейших чешских поэтов — Й. С. Махара, Ю. Зейера и О. Бржезины. Если переводы Махара, к сожалению, несколько запоздали и поэтому не получили достаточного резонанса, то произведения Зейера в эти годы выходят неоднократно: с 1898 по 1907 г. его книги издавались в Праге, Берлине, Дрездене, Вене, Мюнхене; Галле, Бриксене около десяти раз! В 1908 г. в Вене издан в переводе Э. Саудека сборник Бржезины «Руки», с которого начинается «спонтанный прорыв в немецкую культуру» (стр. 376). Именно этот сборник положил начало знакомству с чешской литературой, в частности с чешским символизмом, целого ряда видных немецких писателей, как это подтверждается высказываниями С. Цвейга, Р. Демеля, Ф. Верфеля.

Новое качество в процесс распространения чешской литературы вносили, как показывает исследование, писатели и переводчики, принадлежавшие к германской социал-демократии и пропагандировавшие прежде всего произведения с социально-политическим зарядом. Примером может служить перевод Й. Котерком «Песен раба» С. Чеха (Штутгарт, 1897), которые были созвучны политическому протесту социал-демократов Германии.

Последнее десятилетие века ознаменовано проникновением в немецкую среду — вслед за поэзией и прозой — чешской драматургии. В середине 1892 г. в Вене состоялся, выражаясь современным языком, международный музыкальный и театральный фестиваль, на который были приглашены берлинский Немецкий театр, парижская «Комеди Франсез» и пражский Национальный театр. Открыв гастроль восторженно принятой «Проданной невестой» Б. Сметаны, пражане показали затем три драмы: «Сватовство Пелопы» — первую часть драматической трилогии «Гипподамия» Я. Врхлицкого, «Слуга своего господина» Ф. В. Ержабека и «Ян Вырва» Ф. А. Шуберта, первого директора Национального театра, руководившего

поездкой в Вену. Хотя успех драм был явно скромнее, чем сметановской оперы, гастроль показала, что в Чехии существует самобытная и разнообразная отечественная драматургия, а в целом участие пражского Национального театра в этом международном творческом соревновании было воспринято современниками как «триумфальное вступление чешского искусства в Вену».

Последний раздел второго тома, написанный с некоторой поспешностью, посвящен пражским немецким поэтам как пропагандистам чешской литературы до и во время первой мировой войны. Это были преимущественно литераторы, группировавшиеся вокруг М. Брода. Одни из них (О. Пик, П. Эйсер) занимали буржуазно-демократические позиции, другие (Р. Фукс) — социалистические. Пропаганда лучших достижений чешской словесности, например «Силезских песен» П. Безруча, стала для многих из них «шагом к политической ангажированности» (стр. 368).

Прогрессивные традиции в деле распространения чешской литературы в Германии, служившем взаимопониманию между немецким и чешским народами, были продолжены и развиты затем в межвоенный и послевоенный периоды и связаны с творческой и переводческой деятельностью таких мастеров немецкой культуры, как Б. Брехт, Ф. К. Вейскопф, Э. Э. Киш, Л. Фюрнберг, Ф. В. Нильсен.

Поздравляя М. Йенихена с созданием фундаментального двухтомного труда, глубоко и всесторонне освещающего процесс проникновения чешской литературы в немецкую культурно-языковую среду на протяжении целого столетия, хочется пожелать немецкому литературоведу продолжить свои исследования и показать в будущих работах литературные контакты между Чехией и Германией в 20—30-е годы XX в. и — особенно — плодотворное творческое взаимодействие социалистических литератур Чехословакии и Германской Демократической Республики на современном этапе их развития.

Ю. И. Ритчик

НОВЫЙ ТРУД БОЛГАРСКИХ УЧЕНЫХ О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА

Григорий Цамблак — один из наиболее видных и талантливых болгарских писателей средневековья, чье творчество имеет общевосточное и общеславянское значение. Потому оно и принадлежит одновременно нескольким народам — болгарскому, молдавскому, русскому и сербскому. В настоящее время известно до 40 его сочинений — исторических повестей, легенд, житий, похвальных слов, поучений,

служб и канопов, — из которых приблизительно 15 издавались на страницах славистических журналов и сборников. Полного издания всех сочинений Цамблака с учетом рукописного наследия писателя мы пока не имеем. Необходимость современного научного издания произведений знаменитого ученика и сподвижника последнего Тырновского патриарха Евфимия очевидна. Болгарские ученые многое

делают в этом направлении. Только за последнее время Издательство Болгарской академии наук выпустило в свет книги П. Русева и А. Давидова «Григорий Цамблак в Румъния» (1966), К. Мечева «Григорий Цамблак» (1969). Рецензируемый труд¹ — продолжение целостного изучения и издания произведений этого видного балканского писателя.

Литературное и общественное дело Евфимия Тырновского было по достоинству оценено его учениками и последователями. Так, о нем пишут основатель Бдинской литературной школы Иоасаф Бдинский в «Похвальном слове Филофее», Константин Костенчский — один из ревностных последователей Евфимиевой реформы православия. Но Похвальное слово Евфимию, написанное Григорием с необыкновенной теплотой, остается самым трогательным и проникновенным панегириком великому писателю. Прославляющее Евфимию как общеславянского святого, оно написано в западнорусских землях Великого княжества Литовского в 1415—1418 гг.

Рецензируемая книга включает следующие разделы: Предисловие (стр. 5—6), «Похвальное Слово Григория Цамблака о Евфимии Тырновском» П. Русева (стр. 7—53), «Цамблаково Слово о Евфимии и болгарский литературный язык конца XIV в.» И. Гыльбова (стр. 55—90), «Списки и издания Похвального слова о Евфимии Григория Цамблака» А. Давидова (стр. 91—109), древнеславянский текст «Слова» по Московскому списку XVI в. с разночтениями, а также повоболгарский перевод и комментарий к издаваемому тексту — А. Давидова, Г. Данчева и П. Русева (стр. 111—233), «Словарь-индекс Похвального слова Евфимию Григория Цамблака» А. Давидова (стр. 234—439) и резюме на французском языке ко всей работе (стр. 441—447).

Со времени первого издания «Слова» Л. А. Кавелиным (1871 г.), большинство исследователей обращались к тексту «Слова» как к историческому документу (К. Ф. Радченко, К. Иречек и др.), ибо оно богато подробными свидетельствами из биографии Евфимия, почерпнутыми Григорием из личного знакомства с Евфимием; кроме того, рассказ Григория о взятии Тырнова в 1393 г. османами — это рассказ очевидца, он уникален и достоверен. Художественная сторона произведений мало интересовала историков. Лишь в последнее время В. Велчев представил ана-

лиз «Слова» как памятника литературы². Этим же путем идет и П. Русев. Он стремится раскрыть художественное существо видения Цамблаком образа Евфимия. Анализируя композицию и стиль панегирика, П. Русев тем самым утверждает непреходящий характер мастерства Григория как писателя, чьи творения сохраняют художественную ценность для нас. Воссозданный Цамблаком внушительный и величавый образ последнего тырновского патриарха соответствует, по мнению П. Русева, «родолюбивому, народностному» отношению Цамблака к болгарской действительности конца XIV в. и позволяет судить о последнем как «ренессансной личности», чей творческий метод близок болгарской литературе предвозрожденческой поры.

Верно указывая на идейно-эстетическую задачу и жанровую окраску памятника, П. Русев стремится более показать отличительные особенности произведения, нежели его традиционность, более обращает внимание на отклонения от «клише» и формул, чем на топонку, которая была весьма существенной стороной греко-славянского энциклопедия той поры. Нам кажется, что более широкое использование теории так называемой «литературоведческой риторики» и топологический метод близок и более точно оценить соотношения традиционного и оригинального в памятнике, а может быть, позволило бы «заглянуть» в творческую лабораторию Григория.

Вряд ли было бы правомерным сужать значение произведения, утверждая, что оно «было предназначено для прочтения где-то на юге, в Южной России, или в Молдавии, где в то время находилось довольно много болгарских эмигрантов, не только монахов, но и мирян» (стр. 19). Нет, оно нужно было не только болгарским эмигрантам, а всему православному восточному славянству, ибо, как справедливо полагает П. Русев, «Слово Похвальное» было как-то связано с канонизацией Евфимия и получило широкое распространение во многих древнерусских списках XV—XVII вв.: издателям книги их было известно пять, нам известны еще два³; дальнейшие же разыскания в библиотеках и архивохранилищах со временем, может быть, позволят уточнить и эту цифру.

² В. Велчев. Творчеството на Григорий Цамблак в светлината на южнославянския предренесанс. «Език и литература», год. XVI, 1961, кн. 2, Ср. «История на българската литература», т. I. Старобългарска литература. Под ред. на В. Велчев, Е. Георгиев, П. Динев. София, 1962, стр. 326—346.

³ ГБЛ, собрание Ундольского, № 1421, л. 16—27; ЦИАЛ, ф. 1015, оп. 1, № 3, л. 171—205.

¹ П. Русев, И. Гыльбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евфимий от Григорий Цамблак. Отговорен редактор чл.-кор. на БАН Е. Георгиев. София. Издательство на Българската академия на науките, 1971, 448 стр.

Возможно, здесь уместно поставить так-же вопрос о том, не был ли Григорий очевидцем гибели Велико Тырнова (1393 г.) и сподвижником патриарха во время скитаний последнего по Западной Болгарии?

Произведения Григория Цамблака в известной мере помогают нам в деле восстановления канонов литературного языка и стиля Евфимиевой школы. Поэтому исследование И. Гылыбова, использовавшего для сравнения текст недавно научно изданного в Болгарии Мучения Иоанна Нового, имеет особое значение: ведь нормы среднеболгарского языка были действительны и для общелитературного языка конца XIV — начала XV в. молдавского, русского и сербского народов. Используя только часть лексического материала «Слова», И. Гылыбов раскрывает яркие черты Цамблаковой лексики и устанавливает их связь с лексикой двух самых ранних школ древнеболгарского языка.

Добросовестно и всесторонне А. Давидов анализирует орфографические, фонетические и некоторые лексические особенности пяти списков «Слова», из которых один — Барсовский — он открыл сам, один — нашел Б. Ангелов, а три были известны в науке раньше. Все же распределение им списков на архетипные группы и восстановление двух пропущенных звеньев не подкреплено исследованием истории текста «Слова Похвального». Последняя так и осталась здесь, к сожалению, не проясненной. Потому и схема, приведенная на стр. 108, выглядит хотя и вероятной, но мало аргументированной, оттого и вывод исследователя о том, что Московский список XVI в. сохранил более всего старинных языковых черт школы Евфимия и потому должен быть принят за основной в научном издании, не очень-то фундирован.

Что же касается основных принципов передачи текста Московского списка, то с ними в принципе можно согласиться: текст передан со всеми буквенными знаками оригинала, для удобства цитирования он разделен на 67 стилистических перио-

дов, пунктуация расставлена везде современная, восстанавливаемые буквы заключены в угловые скобки, все цитаты из Священного писания отмечаются в подстрочных примечаниях. Для образцового издания здесь не хватает более упорядоченной системы подачи разночтений: последняя представляется пока запутанной и трудночитаемой, характеристика же индивидуальных особенностей Московского списка не выделена, а почему-то запрятана в середине разночтений.

Несомненное достоинство рецензируемой книги — поэтический перевод «Похвального Слова» Евфимию на новоболгарский язык. До сих пор наука не располагала удовлетворительным переводом «Слова», ибо прежние переводчики (В. Киселков, И. Иванов, Бож. Ангелов и М. Генев, И. Дуйчев и др.), стремясь к буквальности точности, не всегда обращали внимание на поэтичность древнеболгарского текста. Перевод же А. Давидова, Г. Данчева и П. Русева учитывает и необыкновенный лиризм памятника и перепады его стиля от повествовательного к панегирическому, помогая оценить исключительное мастерство митрополита Григория как рассказчика, панегириста и агнографа.

Словарь-индекс охватывает все словесное богатство «Похвального слова» Евфимию, содержит множество иллюстративного материала со ссылками на известные словари А. Х. Востокова, Ф. Миклошича, И. И. Срезневского, Л. Садчик и Р. Айтцетмюллера, Чехословацкой академии наук. Значение словаря-индекса выходит за пределы задач изучения одного только памятника; он будет полезен для всех, кто изучает лексику произведений Евфимиевой школы.

Все разделы рецензируемой книги, как видим, объединены общей задачей: ввести в научный оборот новый материал о Григории Цамблаке. Несмотря на выказанные выше критические замечания, она заслуживает высокой оценки.

Ю. Бегунов, П. Бойчева

«Польские говоры в СССР» Ч. 1. Исследования и материалы. 1967—1969. Минск, 1973, 232 стр.; Ч. 2. Исследования и материалы. 1969—1971. Минск, 1973, 215 стр.

Институт языкознания им. Я. Коласа АН БССР приступил к изданию новой серии под названием «Польские говоры в СССР». В 1973 г. из печати вышли две первые книги, в которых опубликованы статьи полонистов Минска, Москвы, Вильнюса, Риги, Львова и других городов. Обе книги вышли под редакцией известного белорусского слависта проф. В. В. Мартынова.

Как известно, в Советском Союзе имеется значительное польское население. По

переписи населения 1970 г. оно составляет свыше 1 млн человек. На территории Белоруссии и Литвы паходим компактное сельское население, речь которого представляет большой интерес не только для полонистов. Здесь наблюдаются разнообразные формы языковых контактов от простых случаев лексических заимствований до глубоких взаимопропикповений одной языковой системы в другую. Известны польские села, жители которых говорят на диалекте, сформировавшемся в

результате сложной интерференции польского, белорусского и литовского языков. Все это осложняется еще влиянием книжного русского языка. В результате многоязычия (билингвизм здесь явление обычное) возникают очень своеобразные диалектные типы, представляющие сочетание гетерогенных признаков. Их изучение может дать много нового для теории языковых контактов.

До войны польскими диалектами на данной территории интересовались мало. Наиболее ценные исследования принадлежат польскому диалектологу Г. Турской. Больше внимания уделялось вообще наддиалектным особенностям окраинной польской речи и ее влиянию на польский литературный язык (работы К. Нитча, Т. Лера-Сплавинского, С. Грабца и др.). Широкое изучение польских диалектов на территории СССР началось уже после войны. Большую работу в этом направлении ведут белорусские ученые. Важное место изучение польских языковых контактов занимает в планах языковедов Института славяноведения и балканистики АН СССР. Рецензируемые сборники в какой-то степени отражают результаты этих исследований.

Первый том открывается статьей В. Л. Веренича «Польские периферийные говоры на востоке». В. Л. Веренич является руководителем группы по изучению польских говоров в Институте языкознания АН БССР, которая была организована в 1967 г. В экспедиционной работе Института принимают участие полонисты из других республик. В статье определяются общие задачи изучения польских говоров на территории Советского Союза, в ней даются сведения о польских населенных пунктах на этой территории. Тесно связана с этой статьей статья В. Л. Веренича «Состояние и перспективы исследования „польщины кресовой“» — обстоятельный очерк истории изучения польских говоров восточного пограничья с полной библиографией работ (указано 228 книг, статей и рецензий). Детальную историческую, демографическую и статистическую характеристику польских населенных пунктов находим в статье В. Л. Веренича «К историко-социологической характеристике польских переселенческих говоров в Полесье».

Вопросы фонетики и фонологии освещаются в статьях В. С. Черняк и Т. В. Старых (Львов) «Фонетические особенности польского говора Бисковичи Самборского района Львовской области», В. Н. Чекмана (Минск) «Фонетические особенности говоров села Колесники Эйшицкого района Литовской ССР» и «Деревня Озерки — язык и люди. (К проблеме литовско-белорусско-польской языковой интерференции)», Т. М. Судник (Москва) «Предварительные материалы к характеристике фонологических систем

польских говоров Белоруссии и Литвы», А. М. Кузнецовой (Москва) «О характере фонетической реализации ряда свистящих и шипящих согласных в условиях многоязычия на материале двух польских говоров на территории СССР», Н. Е. Анашевой (Москва) «Некоторые особенности польского говора села Майшегала Вильнюсского района Литовской ССР».

Эти статьи представляют большой интерес во многих отношениях. Я бы прежде всего обратил внимание на изучение функциональной стороны звуковой системы. Дело в том, что не так много работ по польской диалектологии, в которых бы освещалась на основе современной теории фонология говоров. В этом отношении большой интерес представляет статья Т. М. Судник, в которой кратко, но очень четко характеризуется типология фонологических систем польских говоров Белоруссии и Литвы. Статья может послужить основой для монографии по типологии фонологических систем польских говоров вообще.

Авторы других статей основное внимание обращают на вопросы интерференции в области звуковых систем. Наши польские говоры дают богатейший материал для изучения этих процессов. В. Н. Чекман изучил современное состояние двух говоров, представляющих результат сложных взаимопроизножений различных языковых систем. Это особенно хорошо показано в статье «Деревня Озерки — язык и люди», в которой автор всесторонне освещает процессы литовско-белорусско-польской языковой интерференции. Аналогичную ситуацию представляет говор села Майшегала, описанный Н. Е. Анашевой. В статье А. М. Кузнецовой рассматривается специальный фонетический вопрос — замена согласных шипящего ряда согласными свистящего ряда в двух польских говорах (так называемое *соканье*). Автор доказывает, что данное явление возникло здесь, возможно, под влиянием литовского субстрата. Это дает еще лишний аргумент тем ученым, которые считают, что, например, польское мазурение возникло на основе балтийского субстрата.

Различные стороны морфологии польских диалектов освещаются в статьях Ю. М. Паршуты (Рига) «Статистическое описание морфологии польской речи жителей деревни Дарвиньки Мадонского района Латвийской ССР» и «Глагол в польской речи жителей деревни Дарвиньки Мадонского района Латвийской ССР», в статьях Л. И. Масленниковой (Москва) «О категории одушевленности-неодушевленности в польском говоре деревни Оряны Литовской ССР» и «Некоторые особенности категории среднего рода в польском говоре деревни Оряны Литовской ССР». Среди этих статей, на мой взгляд, наибольший интерес представляет

вторая статья Л. И. Масленниковой, в которой анализируется состояние категории среднего рода в одном польском говоре. При поверхностном анализе можно прийти к выводу, что данный говор полностью утратил под влиянием литовского языка средний род. К такому выводу в свое время пришла Г. Турская на основе анализа близкого говора. Л. И. Масленникова хорошо показывает, что процесс утраты среднего рода еще далеко не завершен, так что «нельзя говорить о полной утрате категории среднего рода».

Четыре статьи посвящены лексике. Это статьи К. М. Голумиц (Минск) «Наблюдения над лексикой вильнюсских говоров (наименование одежды)», «Названия домашней утвари в польских говорах прибалтийско-белорусской зоны» и статьи Г. П. Пальцева (Минск) «Общие слова чешского происхождения в белорусском и польском литературных языках», «Об одном локальном названии бани». Статьи содержат интересный материал, но его описание уже не отвечает современным требованиям лексикологических исследований. Опубликована здесь статья Р. М. Вайнтрауба (Ташкент) «Семантические изменения в польской лексике под влиянием русского языка» к диалектологии не имеет никакого отношения.

Вопросы антропонимики и топонимики освещаются в статьях Ю. Е. Русакевича (Майшегала) «Некоторые топонимы, микротопонимы и антропонимы юго-восточной части Литовской ССР», и «Материалы по антропонимике села Майшегалы и его окрестностей». П. А. Пешкевич (Магуны) в статье «Материалы по зоонимии села Магуны и окрестностей» дает списки кли-

чек коров, лошадей, собак и кошек, которые были зафиксированы в 16 населенных пунктах Магунского сельсовета Литовской ССР. А. В. Каупуш (Вильнюс) в статье «Из истории наблюдений над польским языком в Литве» кратко характеризует статью Э. Словацкого об особенностях польского языка Литвы и Белоруссии, опубликованную в Вильнюсе в 1826 г. и незаслуженно забытую.

Обе рецензируемые книги завершаются публикацией образцов диалектных текстов (62 текста). Статьи в сборниках публикуются на русском, белорусском и украинском языках.

Рецензируемые сборники хорошо отражают состояние и уровень исследований польских говоров в нашей стране. Лучшие исследования фонетики, фонологии и грамматики стоят на высоком уровне. Следует особое внимание обратить на повышение уровня работ по лексике и семантике. Необходимо начать изучение морфонологии говоров. Первые шаги в этом направлении уже делаются (Н. Е. Анашева).

Надо приступить к организации комплексных коллективных исследований польских говоров Советского Союза по специальным программам. Речь может идти о большом диалектном словаре, о монографических исследованиях языка отдельных населенных пунктов, выполненных по единой программе, о топонимических исследованиях. Возглавить всю эту работу с полным основанием и правом может Институт языкознания им. Я. Коласа АН БССР.

С. Б. Бернштейн

НОВЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ

Библиография печатных изданий эпохи национального Возрождения Болгарии пополнилась недавно новым указателем — «Тракия, Родопы и Среднегорье в возрожденческой литературе», составленным В. Ацева и В. Декало, сотрудниками Пловдивской Народной библиотеки им. И. Вазова¹.

О хронологических рамках включенных в рецензируемый указатель материалов в предисловии составителей сказано, что в нем в систематизированном виде представлено все опубликованное «в возрожденческой литературе о Пловдивском округе» (стр. IV). Думается, что такого определения хронологических рамок для библиографического указателя недоста-

точно. Поскольку речь идет о библиографии печатных изданий эпохи Возрождения, то естественно, что в эти рамки должен укладываться период с 1806 г., т. е. с начала болгарского книгопечатания, когда был издан «Недельник» Софония Врачанского, до конца эпохи Возрождения, каким в болгарской науке и библиографии признается освобождение Болгарии от турецкого ига, т. е. 1878 г. Что касается поздней границы, то ею в указателе, видимо, считается дата подписания Сан-Стефанского мирного договора (об этом можно заключить хотя бы из оглавления, стр. 643), т. е. февраль 1878 г., хотя встречаются отдельные материалы, датируемые и несколько более поздним временем — мартом и апрелем того же года (см., например, №№ 4640, 4641). Однако на непраздный вопрос о том, к какому именно году относятся первые печатные материалы по указанному в заглавии ареалу, можно получить ответ, лишь

¹ «Тракия, Родопите и Средногорието във възрожденската книжнина». Указател на литература. Съставили Вера Й. Ацева и Вяла С. Декало. Пловдив, 1971, VI + 643 стр.

изучив с этой точки зрения весь указатель, ибо заведомо ясно, что первые материалы о Фракии, Родопах и Среднегорье в болгарских изданиях были опубликованы позже выхода в свет упомянутой книги Софрония Врачанского.

Территориальные рамки материалов указателя в общем ограничиваются, как сказано в предисловии, бывшим Пловдивским санджаком, земли которого простирались южнее Старой Планины, от Средней Горы (ее ихтиманской части) и Родоп на западе до Сливенского («Сливенско») и Адрианопольского («Одринско») краев на востоке. Очерченные таким образом границы рассматриваемого ареала несколько расплывчаты (неясно, в частности, является ли южной границей этого ареала современная государственная граница или нет; исключается ли из библиографического обозрения район, именуемый «Сливенско», целиком или частично; какая часть Родоп вошла в указатель, а какая нет), потому что широкому кругу читателей, которым адресован указатель, вряд ли известны границы бывшего Пловдивского санджака. Не прорисовывает эту сторону вопроса и уже цитированное выше место из предисловия о том, что в указателе систематизировано все, что опубликовано в возрожденческой литературе о Пловдивском округе, так как последний неизбежно ассоциируется с современной административной единицей. Тем не менее ясно, что приведенная в указателе богатая литература относится к значительной части территории современной южной Болгарии, на которой, как правильно подчеркивают составители, происходили важные события общественно-политического и культурно-исторического значения. Достаточно напомнить, что здесь вспыхнули Старозагорское и Апрельское восстания. Здесь развернулась упорная борьба за самостоятельность болгарской церкви, быстро росла сеть болгарских школ и других культурно-просветительных учреждений, развивалось книгопечатание. Здесь родились В. Левский, Х. Ботев, Л. Каравелов и другие выдающиеся деятели революционно-освободительного движения. Так что выбор дашной территории для библиографической обработки относящихся к нему материалов представляется не только вполне оправданным, но и удачным, а результатом его явился серьезный опыт создания ареального библиографического указателя широкого назначения.

Все материалы указателя описаны *de visu* на основе просмотра книг, журналов и газет, изданных в эпоху Возрождения и хранящихся ныне в крупнейших библиотеках Болгарии. В указатель включены все встретившиеся в этих изданиях «большие и малые публикации, значительные и менее важные, включая сообщения и объявления, в которых содержатся общественно значимые сведения о

крае» (стр. IV). Из этого следует заключить, что рецензируемый сборник содержит не все материалы по Пловдивскому краю, а ту их часть (естественно, наиболее значительную и важную), в которых содержатся «общественно значимые сведения».

Материал в указателе систематизирован по следующим тематическим разделам: «Природа и природные богатства», «Описание Пловдивского санджака, кааэ, пахийе и сел Пловдивского санджака», «Экономическое положение болгарского народа в условиях турецкого рабства», «Управление Пловдивского санджака», «Медицинское обслуживание болгарского населения», «Культурное состояние болгарского народа в условиях турецкого рабства», «Национально-церковная борьба», «Отражение сербско-турецкой войны 1876 г. в Пловдивской области», «Русско-турецкая освободительная война 1877—1878 г.» (последние два раздела в предисловии, на стр. V, видимо, не названы по недосмотру; ср. оглавление).

Тематическая конкретизация каждого из этих больших разделов определялась, как правило, количеством соответствующих материалов. Поэтому степень внутренней рубрикации тематических групп, построенной по принципу «от более общего к более частному», и «наполнение» этих групп библиографическим материалом в каждом из разделов различны. Так, например, раздел «Природные богатства» (стр. 1—10) делится только на следующие тематические группы (без дальнейшего возможного тематического дробления): «Землетрясения», «Реки», «Метеорологическая и климатическая характеристика» и «Полезные ископаемые». Тематически мало расчленен и раздел «Медицинское обслуживание болгарского населения» (стр. 176—182). Без какого-либо тематического деления дан раздел «Отражение сербско-турецкой войны 1876 г. в Пловдивской области», который включает всего восемь заметок из разных газет (стр. 551—552).

Остальные разделы тематически гораздо более дробны, и многие группы в них содержат значительное число библиографических материалов. Так, в разделе «Управление Пловдивского санджака» тема «Злоупотребления и произвол властей и турецкого населения по отношению к болгарскому народу» (стр. 117—126) раскрывается в 79, а тема «Грабежи и разбойничество» (стр. 157—175) — в 187 статьях и заметках. Тема «Апрельское восстание 1876 г.» в разделе «Национально-освободительная борьба» (стр. 499—522) было посвящено 186, а тема «Последствия и отзвуки восстания» в том же разделе (стр. 523—551) — 222 материала. Уже само количество библиографических материалов по этим, как и по многим другим темам, наглядно говорит о том месте и значении, которые занимали и имели

соответствующие события в истории болгар в XIX в.

Особенно подробно, на наш взгляд, разработан тематически обширный раздел «Состояние культуры болгарского народа в условиях гурецкого рабства», занимающий более трети объема собственно библиографической части указателя (стр. 183—384) и содержащий 1643 названия. Здесь, наряду с другими материалами, собраны публикации, в которых освещается деятельность обществ и съездов учителей, деятельность обществ учащихся, издание учебников и других учебных пособий. Пожалуй, наиболее впечатляющей (и не только в этом разделе, но и во всем указателе) является та часть библиографии, которая посвящена организации учебного дела в городах и селах Пловдивского санджака. При этом сама библиография по теме «Школа», как, впрочем, и по некоторым другим (см., например, темы «Общественно-политическая жизнь болгар. Болгарские церковно-училищные общины», стр. 131—149; «Участие сел в национально-церковной борьбе», стр. 387—441) сгруппирована по каждому из этих городов и сел в отдельности, что очень удобно для извлечения необходимой библиографии по тому или иному населенному пункту или целому району. Большое место в этом разделе занимают материалы, касающиеся организации и культурно-просветительской деятельности клубов-читален и просветительских обществ. В особую тематическую группу выделены материалы о чествовании Кирилла и Мефодия. Значительное число материалов посвящено периодической печати и книгопечатанию, в частности книжно-издательской деятельности Христо Данова и Драгана Мачева. Отдельную тематическую группу составляют материалы о местных писателях и их произведениях. Для изучения первых страниц истории науки в Болгарии полезна библиография первых публикаций по фольклору, языкознанию, литературоведению, истории, археологии, географии, экономике, медицине, земледелию и другим отраслям знаний. Не оставлены без внимания и более частные темы, например, «Ученики и студенты Пловдивского санджака в зарубежных учебных заведениях». Уже приведенный перечень тем показывает, сколько полезной библиографической информации содержится в разделе о состоянии культуры в Пловдивском санджаке в эпоху Возрождения.

Достаточно детально разработаны тематически (с учетом имеющихся публикаций) и такие крупные разделы как «Национально-церковная борьба», «Национально-революционная борьба» и др.

Многие статьи рецензируемого указателя снабжены краткими аннотациями, которые дают необходимую дополнительную информацию о содержании приведенных публикаций. Для читателей удобно и

то, что выходные данные публикаций сменного содержания полностью приводятся в каждом из соответствующих тематических разделов, а не указываются путем отсылок, хотя это, конечно, и увеличило заметно объем самого указателя.

Библиографические материалы собраны старательно и в большинстве случаев они, вероятно, исчерпывают соответствующие тематические группы.

К сожалению, нельзя не отметить, что по некоторым темам все же очевидны досадные пропуски, которые связаны, по-видимому, с принятым составителями принципом включения в указатель только материалов, содержащих о Пловдивском крае «общественно значимые сведения». Сам по себе этот критерий не вызывает возражений, поскольку он позволяет произвести вполне разумное — в пределах поставленной задачи — ограничение в отборе материалов. Однако при этом возникает трудность в объективной оценке конкретных материалов с точки зрения этого критерия и в «отсевании» на ее основе тех или иных материалов. Кажется, эта трудность составителями преодолена не везде достаточно убедительно. Приведем лишь несколько примеров.

Так, неясно, почему в разделе о языкознании, занимающем в указателе весьма скромное место (стр. 372—375), приведена книга «Османска граматика» И. Груева, но не приведены его труды по грамматике болгарского языка, неоднократно переиздававшиеся и сыгравшие значительную роль и в практическом преподавании языка в школе и в нормализации литературного языка. Таковы, например, его «Основа за българска граматика», «Начала за българска граматика» и др. Эти труды И. Груева, как известно, подвергались критике современников, в частности за то, что в них он отразил некоторые особенности местного говора Копривштица. Нет в указателе и книги Г. Бусилина «Български буквар» (М., 1844), интересной в особенности тем, что в ней довольно последовательно проведены многие черты говора Батака, откуда был родом Г. Бусилин. Между тем, и Батак и Копривштица — место рождения И. Груева — входят в охватываемый указателем ареал.

Имеются в указателе и другие пропуски. Нет, например, в нем очень важной для изучения истории просвещения в Болгарии книги В. Априлова «Денница новоболгарского образования» (Одесса, 1841), которая имеет прямое отношение, в частности, к истории создания школ в Копривштице, Сопоте, Панагюриште, Карлове, Казанлык, Калюфере, также входящих в рассматриваемый ареал. Поскольку некоторые другие книги, изданные болгарскими деятелями Возрождения на русском языке, в указателе приведены (см., например, «Памятники народного быта болгар» Л. Каравелова, № 3062), то отсутствие в нем этой книги В. Априлова

объясняется досадным недосмотром или какими-то соображениями, о которых составители не предупредили читателей в своем предисловии.

В связи с этим следует отметить, что вообще принцип отбора изданий не на болгарском языке, к сожалению, не ясен: включаются ли в указатель только издания болгарских авторов и только на болгарском языке или же в него включаются также и издания на других языках как болгар, так и неболгар. Из сказанного видно, что в указателе содержится не все издания болгар на других языках. Точно так же в него включены и не все издания зарубежных авторов, имеющие прямое тематическое отношение к его задачам. Так, в указателе приведены (без автора) «Ethnographie du sandjak de Philippopoli» (без года издания, № 90, 93, 101, 152, 161 и др.), «Ethnographie des vilayets d'Adriople, de Monastir et de Salonique» (1878, № 88), но в нем нет книг европейских путешественников XIX в., оставивших интересные описания природы, хозяйства, быта и др. разных местностей Болгарии, в том числе и бывшего Пловдивского санджака.

Из более частных замечаний укажем, что некоторые материалы приведены не на своем месте или нуждаются в аннотации. Например, включение в тематическую группу «Причины, начало и ход Апрельского восстания» (№ 4156, стр. 505) заметки из «Зорницы» от 14 V 1876 г. о прибытии русского консула Н. Герова с семьей в Пловдив заставляет думать, будто в заметке этой речь идет о прямой причастности русского консула к началу и ходу

Апрельского восстания. Между тем, в указателе выделена специальная тема «Русское консульство. Найден Геров» (стр. 128—129), где эта заметка о Н. Герове не приведена. Имеются и чисто библиографические погрешности. Так, второе издание грамматики болгарского языка, составленной И. Богоровым, называется не «Първичка българска граматика», как это следует из указателя (№ 3081), а «Първичка българска словница». Указанный здесь же отзыв в «Любословии» (1846) относится не ко второму, а к первому изданию этой грамматики, и написан не К. Фотиновым, а В. Априловым в его статье, вышедшей в 1847 г. и отдельной брошюрой под заглавием «Мисли за сегашното българско учение».

К указателю приложены совершенно необходимые для такого рода изданий именной и географический индексы, а также словарь незнакомых слов и список просмотренных источников.

Указатель возрожденческой литературы, составленный В. Ацевой и В. Декало, несмотря на отмеченные и некоторые другие частные недостатки, — библиографический справочник, полезный для ученых разных специальностей, краеведов, для всех, кто интересуется прошлым Болгарии вообще и прошлым ее южной части в особенности. Приходится только с сожалением констатировать, что изданный малым тиражом (всего 800 экз.) этот указатель, по существу, сразу же стал библиографической редкостью.

Г. К. Венедиктов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1973 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Акопов Г. М. Компартии Европы в борьбе за мир и коллективную безопасность. Вопр. истории КПСС, 1973, № 10.

Александров Б. А. Социалистический интернационализм и вопросы защиты мировой системы социализма. В кн. Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. Научно-техническая конференция. 1972. Кратк. сообщ. Л., 1973.

В интересах развития социализма и укрепления мира. (Встреча руководителей

коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Крым, 30—31 июля 1973 г.). «Коммунист», 1973, № 12.

Верещагина В. Г. Поединания национального и интернационального в деятельности коммунистических и рабочих партий. Питання наук. комунізму, Київ, 1973, вип. 23.

Грачев В. Крепнут международные позиции мировой системы социализма. Парт. жизнь, 1973, № 17.

Мошкин С. И. Международная трибуна братских партий. (К 15-летию со дня выхода первого номера журнала «Проблемы мира и социализма»). Вопр. истории КПСС, 1973, № 10.

Орлик И. И. СССР и возникновение международных отношений нового типа. (Международные отношения между СССР и странами народной демократии в 1944—1949 гг.). «История СССР», 1973, № 5.

Поляков Ю. Значение ленинских идей в теоретическом исследовании мировой социалистической системы. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 1. Проблемы международных связей социалистических стран. М., 1973.

Скородумова А. Ленинская программа международных отношений нового типа в действии. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 1. Проблемы международных связей социалистических стран. М., 1973.

2. Экономика. Экономическое сотрудничество

Беньковский В. В. Характер и место аграрной программы ППР в системе революционно-демократических преобразований в народной Польше. Весн. Беларус. ун-та. Сер. гiсторыя, фiласофiя, навуковы камунiзм, эканомiка, права. 1973, № 2.

Богомолов О. Т. Развитие стран СЭВ по пути экономической интеграции. В кн. Актуальные проблемы экономической теории. М., 1973.

Вардомский Л. Б. Транзитные перевозки как объект изучения географии внешних связей (на примере Польши). В кн. Территориальные проблемы развития народного хозяйства СССР и некоторых зарубежных стран. М., 1973.

Васюнина Л. А. Воплощение ленинских идей в экономических отношениях стран социализма. Сб. науч. работ Волгоградского мед. ин-та. 1972, т. 25.

Гаврилов В. Интеграционная политика социалистических государств как решающий фактор согласования их национальных интересов. Эконом. науки, 1973, № 10.

Герасименко Т. Экономические отношения СССР и европейских социалистических стран США: проблемы и перспективы. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 1. Проблемы международных связей социалистических стран. М., 1973.

Головин А. К проблеме эффективного использования экономических связей Югославии с развитыми капиталистическими странами. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 1. Проблемы международных связей социалистических стран. М., 1973.

Горизонтов Б. Социалистическая интеграция транспорта. Вопр. экономики, 1973, № 9.

Дудипский И. Социалистическая интеграция и общеевропейское сотрудничество. Мировая экономика и междунар. отношения, 1973, № 9.

Зевин Л. З., Теперман В. А. Экономические связи стран СЭВ с латиноамериканскими государствами. Латин. Америка, 1973, № 5.

Митрофанова Н. О взаимосвязи внутренних и внешнеторговых цен в европейских социалистических странах. План. хоз-во, 1973, № 9.

Назаркип К. Международному башку экономического сотрудничества — 10 лет. Внешн. торговля, 1973, № 10.

Папков Г. Социалистическая экономическая интеграция и Болгария. Внешн. торговля, 1973, № 9.

Паскалев С. Проблемы развития сельского хозяйства на этапе зрелого социалистического общества в НРБ. Докл. Моск. с.-х. акад., 1973, вып. 194.

Пекшев Ю. А. Социалистическая экономическая интеграция и национальные интересы. В кн. Актуальные проблемы экономической теории. М., 1973.

Петухова С. Некоторые вопросы развития международного туризма в европейских социалистических странах. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 1. Проблемы международных связей социалистических стран. М., 1973.

Поляченко Т. Развитие экономических связей социалистических стран с Англией на современном этапе. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 1. Проблемы международных связей социалистических стран. М., 1973.

Пугачев Б. Социалистическая интеграция: объективные основы и сущность. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 1. Проблемы международных связей социалистических стран. М., 1973.

Сергеева Г. Вклад Белорусской ССР в развитие советско-болгарского экономического и научно-технического сотрудничества (1960—1970 гг.). В кн. Из истории социалистического и коммунистического строительства. Минск, 1973.

Соглашение между СЭВ и Финляндией о сотрудничестве. Междунар. жизнь, 1973, № 9.

Степанов В. И. О развитии торгово-экономических связей двух мировых систем. «Дальний Восток», 1973, № 9.

Хайленд Г. Социалистическая интеграция — составная часть борьбы за осуществление всемирно-исторической миссии рабочего класса. В кн. Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. Научно-техническая конференция. 1972. Кратк. сообщ., Л., 1973.

Цеделин Л. Некоторые проблемы прогнозирования социалистического рынка. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 1. Проблемы международных связей социалистических стран. М., 1973.

Чепурица Е. А. Об объективных критериях выравнивания уровней эконо-

мического развития социалистических наций и стран. Сб. научн. работ Волгоградского мед. ин-та, 1972, т. 25.

Чепуров С. Н., Слабак К. С. Знания и опыт — друзьям. (Экономика польского Поморья и советско-польские экономические связи). В кн. Товарищ Гдаьск, товарищ Дрезден. Л., 1973.

Чуканов О. А. Социалистическая экономическая интеграция и научно-техническая революция. В кн. Актуальные проблемы экономической теории. М., 1973.

Шанипа В. Вопросы ценообразования на внешнеторговые перевозки между странами — членами СЭВ. Эконом. науки, 1973, № 10.

3. Государственное строительство. Прага

Бабюх Э. Идеалы социализма и молодежь. (Идеологическая работа ПОРП с молодежью.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 8.

Богородов Ф. Л. Социальное прогнозирование в исследовании диалектики общих и специфических закономерностей развития социалистических стран. В кн. Актуальные проблемы марксистско-ленинской философии. М., 1973.

Волек И. Заметки о национализме и шовинизме правых сил в ЧССР в 1968—1969 гг. и сегодняшней чехословацкой эмиграции. В кн. Расизм — идеология империализма, враг общественного прогресса. М., 1973.

Ганзел Л. Об идейных истоках ревизионизма и оппортунизма в Чехословакии в 1968 г. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1973, № 5.

Дмитриевич Д. В. Югославское уголовное правосудие. Сов. государство и право, 1973, № 9.

Желковски М. Использование концепции «деидеологизации» в буржуазной пропаганде на молодежь социалисти-

ческих стран. (На примере ПНР). Вопр. эффективности парт. пропаганды и полит. информации, 1973, вып. I.

Зентек Х. Использование «технократических» концепций в буржуазной пропаганде на интеллектуацию. (На примере ПНР). Вопр. эффективности парт. пропаганды и полит. информации, 1973, вып. I.

Кузнецов И. Н. Контроль за конституционностью актов высших органов власти и управления в социалистических странах Европы. Учен. зап. Всесоюз. научн.-исслед. ин-та сов. законодательства, 1973, вып. 29.

Лавкай А. Д. Майнова спільність подружжя за сімейним законодавством Народної Республіки Болгарії. «Проблеми правознавства», Київ, 1973, вип. 25.

Нігальчук М. Л. Про подолання істотних відмінностей між містом і селом в НРБ. Питання наук. комунізму, Київ, 1973, вип. 21.

Петрунников А. Е. Участие комсомола Болгарии в борьбе за технический прогресс промышленности (1960—1965 гг.). В кн. Из истории социалистического и коммунистического строительства. Минск, 1973.

Рабочий класс и его партия в современном социалистическом обществе. (Материалы теоретической конференции «Рабочий класс и его партия». Варшава, 1973). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 9.

Черны Я. Сионизм и идеологическая диверсия в Чехословакии в 60-х годах. В кн. Расизм — идеология империализма, враг общественного прогресса. М., 1973.

Шайхатдинов В. Ш. Возникновение и развитие законодательства о социальном обеспечении кооперированных крестьян в европейских социалистических странах — членах СЭВ. Сб. учен. трудов Свердлов. юрид. ин-та, 1973, вып. 26.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Апгелов Б. Паисий Хилендарский и его «История славяноболгарская». Вопр. истории, 1973, № 8.

Андрушко О. І. Діяльність партійних організацій України по зміцненню братерських зв'язків з трудящими Західної України (1921—1925 рр.). Наук. праці з історії КПРС, Київ, 1973, вип. 63.

Антонюк С. М., Калениченко П. М. Польша периода капитализма в освещении послевоенной украинской советской историографии. В кн. Международный комитет исторических наук. Ассоциация славянских исследований. М., 1973.

Бачпский К. К 50-летию антифашистского восстания в Болгарии в сен-

тябре 1923 г. Вопр. истории КПСС, 1973, № 9.

Бирман М. А. Ленинизм и преобразование Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) в БКП. В кн. В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973.

Григоров Ц. До 50-річчя Вересневого повстання в Болгарії. Перше антифашистське повстання. Укр. іст. журн., 1973, № 9.

Грицкевич В. Польский друг декабристов. (Сибирский период жизни и деятельности А. Янушкевича, участника польского восстания 1831 г.) Сиб. огни, 1973, № 7.

Гришина Р. Сентябрь 1923 года: первое народное антифашистское восстание. «Коммунист», 1973, № 14.

Дьяков В. А. Об участии поляков в изучении и освоении Сибири (XIX век). В кн. Международный комитет исторических наук. Ассоциация славистических исследований. М., 1973.

Иванов Ю. Ф. Гуситское движение в русской историографии. Вопр. истории, 1973, № 9.

Казак В. М. Радяські люди — учасники партизанського руху в Сербії (1942—1944 рр.). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1973, вип. 17.

Качинельсон Д. Б. Произведения А. И. Герцена в рукописных копиях польских повстанцев (1861—1864 гг.). В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

Клеванский А. Х. В. И. Ленин и борьба за создание Коммунистической партии Чехословакии. В кн. В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973.

Клеваченя А. С. Пропаганда идей ленинизма на страницах журнала «Новы шпегленд». (Орган КПП в 1922—1936 гг.) Весн. Беларус. ун-та. Сер. історыя, філасофія, навуковы камунізм, эканоміка, права, 1973, № 2.

Кнобеев В. Д. Освободительная борьба народов Балканского полуострова и формирование программы национального освобождения Болгарии в начале XIX в. В кн. Международный комитет исторических наук. Ассоциация славистических исследований. М., 1973.

Косев Д. Сентябрьское восстание 1923 года в Болгарии. «Новая и новейшая история», 1973, № 5.

Костюшко И. И., Сумарокова М. М. Октябрьская революция и развитие революционной мысли в Польше и Югославии (1917—1923 гг.). В кн. Международный комитет исторических наук. Ассоциация славистических исследований. М., 1973.

Мапусевич А. Я. В. И. Ленин и идейно-политическое развитие КРПП. В кн. В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973.

Мирошниченко І. М. Політико-виховна робота у Першій армії Війська Польського під час Берлінської операції 1945 р. (До 30-річчя народного Війська Польського). Укр. іст. журн., 1973, № 9.

Мітов Й. Версепеве повстання і братні комуністичні партії. Укр. іст. журн., 1973, № 9.

Наумов Е. П. К истории византийской и сербской прони. «Византийский временник», 1973, № 34.

Недорезов А. И. Идея славянской солидарности накануне и в годы

второй мировой войны. В кн. Международный комитет исторических наук. Ассоциация славистических исследований. М., 1973.

Осколков Ю. П. Отношение политических партий в буржуазно-помещичьей Польше к гражданской войне в Испании (1936—1939 гг.). Учен. зап. Омского пед. ин-та, 1972, вып. 72.

Позіна О. С. Сербо-чорногорські відносини і політика Росії напередодні створення Балканського союзу (1909—1912 рр.). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1973, вип. 17.

Сиполс В., Папкращова М. Подготовка мюнхенского диктата. Продолжение. (Начало см. «Международная жизнь», № 3, 5, 6 за 1973 г.). Междунар. жизнь, 1973, № 9.

Славин Г. М.; Сумарокова М. М. В. И. Ленин и рабочее движение в Югославии (1904—1924 гг.). В кн. В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973.

Терехов В. К. Сербия и Румесийский переворот 1885 г. В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1973.

Титова А. А. Вопрос о национальных меньшинствах в Польше на страницах журнала «Дрога» в 1922—1926 гг. В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1973.

Хайретдинов Х. Х. Возникновение Польского крестьянского союза и формирование его программы (1904—1906 гг.). В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1973.

Хланта О. В. Зв'язки Д. З. Мацульського з Комуністичною партією Чехословаччини. Укр. іст. журн., 1973, № 9.

Хопігсман Я. С. Соціальна структура трудового населення Західної України в епоху імперіалізму. Укр. іст. журн., 1973, № 8.

Хорева О. А. К. Гавличек о национальном вопросе в Чехии в революции 1848—1849 гг. В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1973.

2. Культура и наука

Александркина Л. Н. О. М. Бодянский. Из истории возникновения славяноведения в России. В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1973.

Александркина Л. Н. О. М. Бодянский — первый славист Московского университета. Вестн. Моск. ун-та: История, 1973, № 5.

Алексеев М. П. К VII Международному съезду славистов. Рус. лит., 1973, № 3.

Алексеев М. П. Построение истории национальной литературы в странах индоевропейского языка. В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

А н г о в К. Художник, герой и конфликты действительности. (Развитие конфликта в современной болгарской прозе.) В кн. Идейная борьба и вопросы литературы и искусства на современном этапе. М., 1973.

А н д р е е в В. Д. О некоторых особенностях поэтики «Легенд Старой Пластины» И. Йовкова. Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 14. Сер. истории, яз. и лит., вып. 3.

Б а л а к и п А. М. Военный роман-эпопея Бранко Чопича «Прорыв». В кн. Роман в современных литературах южных и западных славян. М., 1973.

Б а л а ш о в Н. И., Ст а н ю к о в и ч Я. В. Образ в поэзии польского барокко и романтизма. В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Б а с а к о в В. Н. Забытый переводчик А. Мицкевича. В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

Б а с к а к о в В. Н. Изучение русской литературы в послевоенной Польше. («Slavia orientalis», 1952—1972). Рус. лит., 1973, № 3.

Б е г у н о в Ю. К. Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX—XVI веков. (К постановке вопроса.) В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Б е р н ш т е й н И. А. Судьбы романа в славянских литературах на рубеже XIX и XX веков. В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Б о г у ш и с В. Адам Мицкевич в Вильнюсском университете. В кн. Vilniaus V. Karsuko vardo universitetas. Moksline biblioteka. Metrastis. 1972. Vilnius, 1972.

Б о й к о В. В. Радянсько-болгарські мистецькі зв'язки 1944—1948 рр. Укр. іст. журн., 1973, № 8.

Б о н д а р е н к о Ж. О. Фронтіві видання Червоної Армії для цивільного населення Польщі (1944—1945 рр). Укр. іст. журн., 1973, № 5.

Б у д а г о в а Л. Н. Некоторые особенности генезиса чешской социалистической поэзии. В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Б у д а е в В. Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «Мировая социалистическая система». Вопр. экономики, 1973, № 7.

Б ы н к о в А. Развитие марксистско-ленинской философии в Болгарии. Вопр. философии, 1973, № 7.

Б э л з а И. Ф. Развитие этических концепций польского романтизма. В кн.

История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Б я л о к о з о в и ч Б. Адам Мицкевич в восприятии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.

В а р а п а в и ч ю с А. А. Патриотические мотивы в поэме о зубре Николая Гуссовского. Труды АН Лит. ССР. Обществ. науки, 1973, № 2.

В а ц у р о В. Э. Первый русский переводчик «Фариса» А. Мицкевича. (Биография В. Н. Щастного, его литературная деятельность в 30-е годы XIX в.) В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

В е ж б и ц к и й Я. Проблема романтизма в хорватской литературе. В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.

В е р в е с Г. Д. Отзвуки польского романтизма на Украине в первой половине XIX века. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.

В з д о р н о в Г. И. Неовизантийский орнамент в южнославянских и русских рукописных книгах до начала XV в. «Византийский временник», 1973, № 34.

В и л ь ч и н с к и й В. П. Жизнеописание Папайота Хитова и его оценка в русской литературе 1870-х годов. В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

В и л ь ч и н с к и й В. П. Славянский вопрос в русской литературе 1870-х годов. (К проблеме народного характера.) Рус. лит., 1973, № 3.

В и т к о в с к а я А. Антропоцентрическая утопия в лекциях Мицкевича о славянских литературах. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.

В и т т В. В., И л ь и н а Г. Я., Ш е р л а и м о в а С. А. Реализм и его соотношение с другими течениями в западнославянских и южнославянских литературах конца XIX — начала XX века. В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

В и ш н е в с к и й Ю. Р. Проблема распространения культуры в современной польской социологии. В кн. Научно-методические проблемы развития и размещения производительных сил крупного экономического района. (Тезисы докл. конференции.) Свердловск, 1973.

В р о ч и н ь с к и й Р. Непрерывное образование — требование научно-технической революции. В кн. Проблемы социалистической педагогики. М., 1973.

Г а ц а к В. М. Методическая антитеза в сравнительно-историческом освещении. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Г о в и н С. В. Да гісторыі стварэння літаратурнага фронту Заходняй Бела-

- русі. (Деятельность белорусских литераторов в 1927—1935 гг. в Польше.) Весп. Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, 1973, № 2.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. О генезисе ранней буржуазной идеологии. (Трактат дубровницкого купца-гуманиста.) В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. О литературе барокко в славянских странах. В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. От романтизма к реализму. (Борисав Станковиц и его роман «Дурная кровь»). В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Основоположник хорватского реализма. (Жизнь и творчество Августа Шешоа.) В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Первый великий поэт Польши Ян Кохановский. В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Писатель этической темы. (Новеллы Динко Шимуновича.) В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Повесть об антифашистском Сопротивлении. («Телескоп» словенского писателя Ивана Братко.) В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Поэты Далмации эпохи Возрождения. В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Преренессансные процессы в культуре южных славян до турецкого завоевания и византийская традиция. В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Проблемы влияния и национального своеобразия в славянских литературах эпохи Возрождения. В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Проблемы изучения славянского эпоса. (Сюжет, эпическая техника, эпическая среда.) В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Сербская, болгарская и македонская литературы конца XV—XVI столетий. В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Сказки народов Югославии. В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Эпос народов Югославии. В кн. Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Голеніщев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.
- Головко Н. А., Федосеева А. П. Научно-техническая революция и нравственность. (Советско-болгарский симпозиум.) Вопр. философии, 1973, № 8.
- Грицков Ян Я. Вивчення польсько-українських літературних взаємин у польському літературознавстві. Рад. літературознавство, Київ, 1973, № 6.
- Грозиепчик И. Институт истории европейских социалистических стран Словацкой Академии наук. «Новая и новейшая история», 1973, № 5.
- Громов В. А. Русско-польские журналы «Друг россиян» и «Отечественный памятник» (1816—1818). В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.
- Гусев В. Е. Романтизм в Польше и кукольный театр славянских народов. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.
- Даскалова Е. О связях Горького с революционной Болгарией. Соратник Ленина Р. Аврамов и А. М. Горький. «Нева», 1973, № 9.
- Дьяков В. А. Литературные интересы польских конспираторов 30—40-х годов XIX века. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Егоров Г. И. Еще раз о Горьком в Югославии. (Влияние М. Горького на сербско-хорватскую литературу. Polemica с югославским литературоведом П. А. Митропаном.) Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 14. Сер. истории, яз. и лит., вып. 3.
- Жакова Н. К. Переводы поэзии Лермонтова на чешский язык в 70-е годы XIX века. (Алоиз Дурдик — переводчик Лермонтова.) В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.
- Жмигродская М. Романтический перелом и выбор литературной традиции. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Захаржевська В. Традиції і поваторство в сучасній болгарській поезії. «Всесвіт», Київ, 1973, № 9.
- Зернова А. С. Методика описания старопечатных книг кирилловской печати. В кн. Работа с редкими и ценными изданиями. М., 1973.
- Злыднев В. И., Лещиловская И. И., Львова Е. П. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.
- Иванов К. Филиппу Кутеву — 70 лет. Сов. музыка, 1973, № 7.
- Илев П. Становление и развитие системы обучения в Болгарской Народной Армии. Воен.-ист. журн., 1973, № 8.
- Илюшин А. А. Польский силлабический одиннадцатисложник и его воз-

можный русский эквивалент. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.

И ф т е м ч у к В. С. Питання радянсько-польського співробітництва в галузі науки і техніки. Питання політ. економії, Київ, 1973, вип. 97.

К а з б е р у к В. М. Польский романтизм и развитие белорусской литературы первой половины XIX века. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.

К а р ц е в а З. И. Болгарский роман и современность (60-е годы). В кн. Романы в современных литературах южных и западных славян. М., 1973.

К а с ю н Р. П. Культурная революция как социально-политический фактор развития социалистической демократии. (На материалах Народной Республики Болгарии.) Вестн. Моск. ун-та. Теория научн. коммунизма, 1973, № 2.

К а с ь я н о в а И. А. О некоторых ладовых особенностях древней народной Родопской и Ловечко-Гетевенской областей Болгарии. Научн. труды Куйбышевского пед. ин-та, 1973, т. 112.

К и р д а н Б. П. Актуальные проблемы изучения фольклорных связей восточных и западных славян. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

К и ш к и н Л. С. П. А. Вяземский и Чехия. В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

К о л о д з е й с к а Я. Основные направления исследования чтения в Польше. В кн. Библиотекосведение и библиография за рубежом, вып. 45. М., 1973.

К о т л е р Н. Импрессионистские черты стиля Кароля Шимаповского. В кн. Проблемы музыкальной науки, вып. 2. М., 1973.

К р а в ц о в Н. И. Роль межславянских литературных связей в период романтизма. В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.

К р а в ц о в Н. И. Романтизм в славянских литературах и фольклор. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

К р а в ц о в Н. И. Современный югославский роман. В кн. Роман в современных литературах южных и западных славян. М., 1973.

К р и в о л а п о в А. Печать ЧССР в ходе кризисного развития в КПЧ и чехословацком обществе (1968—1969 гг.). В кн. Теория и практика современной международной журналистики. М., 1972.

К у з н е ц о в а Р. Р. Творческие поиски Карела Нового. (Три редакции «Железного круга».) В кн. Романы в современных литературах южных и западных славян. М., 1973.

К у з н е ц о в а Р. Р. Чешский романтизм и творчество Махи. В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.

Л а р ч а н к а М. Р. Проблема парауниверсала выучения славянских литератур. Вестн. Беларус. ун-та. Сер. Филология, журналистика, педагогика, психология, 1973, № 2.

Л е в и н Ю. Д. М. П. Вронченко и его переводы из Мицкевича. В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Л и б е р а З. Начало романтической критики в Польше. В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.

Л и п л и ч Г. А. Русский язык как язык-посредник для чешских переводов начала XIX века. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Л и п а т о в А. В. Предромантизм на Западе и в Польше XVIII века. (Опыт дефиниции и сопоставления.) В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.

Л и п а т о в А. В. У истоков польского предромантизма. (Национальное и общеевропейское.) В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Л и х а ч е в Д. С. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов. В кн. Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973.

М а г н у ш е в с к и й Ю. К вопросу о лубочной литературе в поэзии романтизма. В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.

М а к а р е н я А. А. Д. И. Мещделеев о Н. Коernerике. В кн. Вопросы истории естествознания и техники, вып. I (42). М., 1973.

М а л и н о в с к и й Т. Современное состояние и перспективы развития системы подготовки учителей в ПНР. В кн. Проблемы социалистической педагогики. М., 1973.

М а р к о в Д. Ф. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

М о и с е е в а Г. Н. Литературно-общественные и научные связи России и Польши конца XVII — середины XVIII в. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

М о р о з о в А. А. Новые аспекты изучения славянского барокко. (Анализ исследований 70-х годов XX в. ученых славянских стран.) Рус. лит., 1973, № 3.

М у р ь я н о в М. Ф. «Звонят колоды вечныя в Великом Новгороде» (славянские параллели). В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

Н а г п е в Д. Поэзия Ивана Ивановича Змая и Восток. (Кавказ, Аравия,

Иран, Турция, Индия в поэзии сербского поэта Й. Й. Змая 1833—1904 гг.) В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.

Николаева М. Зарубежные писатели-интернационалисты в Советском Таджикистане. (Поездка Б. Ясепского, Э. Кипша, Д. Кюнница, П. Вайня-Кутюрье в Таджикистан). Из истории культ. строва в Таджикистане. Душанбе, 1973, вып. 4.

Никольский С. В. Романтические традиции в чешской литературе XX века. В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Новицкий Г. А. Русско-польские культурные связи во второй половине XVII в. В кн. Международный комитет исторических наук. Ассоциация славистических исследований. М., 1973.

Оболевич В. Б. Народные истоки поэмы Яна Кохановского «Сатир, или дикий человек». Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 14. Сер. истории, яз. и лит., вып. 3.

Овчаренко А. И. Теория социалистического реализма сегодня. (Позиции, проблемы, перспективы.) В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Огнев В. У наших друзей. Обзорение. (Тенденции развития болгарской литературы в 60-х годах XX в.) «Новый мир», 1973, № 9.

Орлова В. С. Изучение чтения в Чехословакии. (По материалам монографии «Как читают на селе».) В кн. Библиотекосведение и библиография за рубежом, вып. 45. М., 1973.

Павлишевски А. Наука и ее роль в развитии человека как главной производительной силы общества. Проблемы научн. коммунизма, 1973, вып. 7.

Павлов Т. Коперниканский переворот в философии и марксизм-ленинизм. Вопр. философии, 1973, № 7.

Петухов В. К. Петр Негош в русской дореволюционной и советской славистике. В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

Пивиньская М. Проблемы романтического героя. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.

Попова В. Т. Об одной раннехристианской мозаике из Варны. (Мозаика трехнефной базилики IV—V вв.) В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1973.

Постникова Н. М. К вопросу о брахицефализации населения Болгарии. (По краниологическим материалам XIX—XX вв.) Сов. этнография, 1973, № 4.

Потапенко Е. К. Влияние идей К. Д. Ушинского на развитие школы в Болгарии (60—70-е годы XIX в.). Сов. педагогика, 1973, № 7.

Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» и южнославянский героический эпос. В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Прийма Ф. Я. Сербско-хорватские параллели к «Слову о полку Игореве». Рус. лит., 1973, № 3.

Прокофьева Д. С. Поэзия «Кавказской группы» польских поэтов. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.

Путилов Б. Н. Встречи с эпосом в Черногории. (Очерк эпической поэзии черногорцев, искусства корсаров). Сов. этнография, 1973, № 3.

Робинсон А. Н. Варшавский международный съезд славистов. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1973, т. 32, вып. 4.

Ровда К. И. Путиями взаимопознания и дружбы. (Проблемы русско-чехословацких и чехословацко-русских литературных отношений в исследованиях чехословацких ученых 60—70-х гг.) Рус. лит., 1973, № 3.

Ровда К. И. Славянская общность культуры. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Ровда К. И. Чешская литература в русских переводах (50—60-е годы XIX столетия). В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

Ровда К. И. Чешские писатели и русская литература (50—60-е годы XIX в.). В кн. Россия и Запад. Из истории лит. отношений. Л., 1973.

Ровпякова Л. И. Анна Сахарова — критик и переводчик польской литературы. В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

Ровпякова Л. И. Сибирь в творчестве Адама Шимановского. В кн. Россия и Запад. Из истории лит. отношений. Л., 1973.

Рогов А. И. Россия в польских исторических и географических сочинениях XVII в. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Рогожкин М. В. Специфика интеграционных процессов в области науки и техники стран — членов СЭВ. В кн. Ленинградская высшая партийная школа. Научные работы слушателей Ленинградской высшей партийной школы. Л., 1973.

Розенфельд А. З., Ворожейкина З. Н. К истории сюжета «Сердце матери» в славянских литературах. В кн. Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

Романец А. Подготовка специалистов и тенденции развития системы образования в ЧССР. Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 11. Экономика, философия, право, вып. 2.

Ростоцкий Б. И. К вопросу о театральных идеях Мицкевича. В кн.

- Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Рубецчик Е. С. Проекты реформы школы Польской Народной Республики. Сов. педагогика, 1973, № 7.
- Саврымович Э. Замечания о письмах Адама Мицкевича. (Анализ переписки за 1819—1855 гг.) В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.
- Свирида И. И. К вопросу о взаимодействии польской литературы и искусства в эпоху романтизма. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Славепас П. В. Учение Н. Коперника в Литве. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. I (42). М., 1973.
- Смирнов Л. Н. К теории художественного перевода. (Проблемы лингвостилистической адекватности). В кн. Славянское языкознание. VII Международ. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.
- Смирнов С. В. И. А. Бодуэн де Куртене и И. И. Срезневский. Уч. зап. Тарт. ун-та, 1973, вып. 310. Труды по рус. и слав. филологии, № 22.
- Смирнов С. В. Первые русские слависты и Чехия. Уч. зап. Тарт. ун-та, 1973, вып. 310. Труды по рус. и слав. филологии, № 22.
- Соболев Р. Рождение героя. (Развитие кинематографии социалистических стран. Образ современника в кинолентах 60-х гг.) «Искусство кино», 1973, № 6.
- Современная жизнь национальных традиций. (Дискуссия среди болгарских композиторов о месте национальных традиций в современной музыкальной культуре). Сов. музыка, 1973, № 9.
- Соколова М. А. Развитие и основные проблемы народного образования в социалистических странах Европы. В кн. Вопросы сравнительной педагогики. М., 1973.
- Стопченко Н. Советская литература говорит с миром. (Переводы советских авторов в странах Восточной и Западной Европы с 30-х гг. XX в. по настоящее время.) «Звезда», 1973, № 9.
- Стахеев Б. Ф. О польском романтизме в сопоставлении с русским романтизмом. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Стеклова Ф. И. Романтические поэмы Густава Зелинского на восточные темы. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Стефаповская-Треугутт З. Личность и общность в «Дзядях» Адама Мицкевича. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Стойков А., О культуре развитого социалистического общества в Болгарии. Вопр. философии. 1973, № 7.
- Страшевская М. Народность в польском романтизме. В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.
- Тананаева Л. И. К вопросу о предромантизме в польском изобразительном искусстве. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Токарев С. А. Начальный период славянской этнографии. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.
- Трофимкина О. И. Иван Берчич и его собрание глаголических рукописей и печатных книг. В кн. Книги. Архивы. Автографы. М., 1973.
- Фучикова Г. Жизнь с Юлиусом Фучиком. «Дон», Ростов н/Д, 1973, № 7.
- Хитаршвили В. И. Адам Мицкевич в грузинской литературе XIX в. В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.
- Хитаршвили В. И. «Фарис» Мицкевича и «Мерани» Бараташвили. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Хлебников И. Некоторые вопросы научно-технической революции и социализм. В кн. Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 2. М., 1973.
- Холодина З. М. «Погоня за Адамом» Ежи Ставиньского и польский роман 60-х годов. В кн. Роман в современных литературах южных и западных славян. М., 1973.
- Цыбенко Е. З. Особенности польской и русской романтической прозы 1830—1840-х годов. (К проблеме героя и принципов его изображения). В кн. Романтизм в славянских литературах. М., 1973.
- Цыбенко Е. З. Профессор Варшавского университета Я. Кульчицкая-Салони. Вестн. Моск. ун-та, Филология, 1973, № 5.
- Цыбенко Е. З. Романтический герой в польской и русской прозе начала 40-х годов XIX века. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
- Цыбенко Е. З. «Хвала и слава» Ярослава Ивашевича и роман-эпопея в современной польской литературе. В кн. Роман в современных литературах южных и западных славян. М., 1973.
- Чистов К. В. Этнические аспекты славянской фольклористики. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.
- Чуркина И. В. Общественные, научные и культурные связи славян Австрийской монархии и России в 60-е годы XIX в. В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.
- Шайкевич Б. Вересеве повстання й болгарська література. «Весвіт», Київ, 1973, № 9.

Шумада Н. С. Наукові успіхи болгарських фольклористів. Нар. творчість та етнографія, Київ, 1973, № 5.

Яниош И. Польский романтизм в европейском романтизме. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.

Яценко М. Т. Романтизм у словацькій і українській літературах та проблема пародості. Рад. літературознавство, Київ, 1973, № 7.

3. Языкознание

Аскочепская В. Ф. Польская конструкция «*musić* + инфинитив» и ее русские параллели. В кн. Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973.

Бейтулло М., Гечгельдиев Х. Уменьшительные формы личных имен в турецких диалектах Болгарии. Сов. тюркология, Баку, 1973, № 2.

Бернштейн С. Б. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Бондарко А. В. Категории и разряды славянской функциональной морфологии. (Морфологические категории и лексико-грамматические разряды). В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Брейдак А. Б. Славянские названия рек в Латгалии. «*Baltistica*», Vilnius, 1973, № 9.

Булатова Р. В. Морфонологический метод исследования просодических систем древнеславянских памятников письменности. В кн. Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Булахаў М. Г. Матэрыялы для этымалагічнага слоўніка. Хатынь, Хутынь (Хутинь). Весн. Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, 1973, № 2.

Булахов М. Г. Из наблюдений в области сравнительно-исторического синтаксиса. Весн. Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, 1973, № 2.

Варбот Ж. Ж. О возможностях диахронического истолкования морфологической вариативности в славянских отглагольных именах. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Гюлумянц К. М. К изучению семантики фразеологизмов родственных языков. (Материалы к польско-русскому фразеологическому словарю). Весн. Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, 1973, № 2.

Демина Е. И. Проблема гормы в формировании книжного болгарского языка XVII в. на пародной основе. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Деспичкая А. В. О боснийско-албанских связях в области эпической поэзии (вопрос о соотношении боснийского и албанского эпических циклов «*Муйо и Халиль*»). В кн. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973.

Дыбо В. А. Балтославянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. В кн. Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Журавлев В. К. Еще раз о гепезисе славянского имперфекта. В кн. Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Залеський А. М. Стан роботи над загальнослов'янським лінгвістичним атласом на Україні. В кн. Академія наук УРСР. Наукова рада з проблеми «Закономірності розвитку національних мов у зв'язку з розвитком соціалістичних пацій». Інформаційні матеріали... Вип. 13. Київ, 1972.

Зализняк А. А. Винительный падеж в старославянском языке и общая проблема вариантности падежных форм. В кн. Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Иванов В. В. Индоевропейские синтаксические истоки славянских морфологических видовых оппозиций. В кн. Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексик в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Казлаускас Й. О развитии местоименных прилагательных в славянских языках. «*Kalbotyra*» (Языкознание). Вильнюс, 1973, т. 24, № 2.

Колесов В. В. Праславянская фонема (o) в ранних преобразованиях славянских вокалических систем. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Коломієць В. Т. Слововір'я неологізмів в слов'янських мовах. (Прикметники, дієслова, прислівники). «Мовознавство», Київ, 1973, № 4.

Корепапова А. П. Протиставлення як засіб утворення слов'янських ойконімів. «Мовознавство», Київ, 1973, № 4.

Кобилянський Б. В. Лексика української мови в етимологічному словнику слов'янських мов Ф. Міклошича. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. філол. 1973, вип. 8.

Краўчук Р. У. Да гісторыі назваўнікаў на -ошчэ ў старажытнай мове. Беларус. лінгвістыка, Мінск, 1973, вып. 3.

Куркина Л. В. К сравнительной характеристике лексического состава южнославянских языков. В кн. Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Лилич Г. А. К проблеме установления межславянского лексического и семантического влияния. (Инославянские источники неологизмов в чешском языке XIX в.). Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 14. Сер. истории, яз. и лит., вып. 3.

Ломтев Т. П. Основные направления в развитии структуры простого предложения в славянских языках. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Львов А. С. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Малек Э., Вавжицки Я. Малоизвестный польский перевод «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. (Перевод М. Любвича 1778 г. хранится в библиотеке Ягеллонского университета). Рус. лит., 1973, № 3.

Меркулова В. А. Фрагменты славянской медицинской терминологии. В кн. Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Мечковская Н. Б. Лексема «слово» в славянской терминологии языкознания. Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология, 1973, № 2.

Мокриенко В. М. Ложная аналогия и фразеологические единицы. (На материале чешского языка). Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 14. Сер. истории, яз. и лит., вып. 3.

Непокупий А. П. Західнобалтійські та східнослов'янські зв'язки і паралелі. «Мовознавство», Київ, 1973, № 4.

Неупокоева И. Г. Романтизм в славянских литературах XIX столетия в общеевропейском контексте. В кн. Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Нещименко Г. П. О некоторых особенностях словообразования экспрессивной лексики в чешском литературном языке. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Норман Б. Ю. К проблематике глагольного лица в славянских языках. Вестн. Беларус. ун-та, Филология, журналистика, педагогика, психология, 1973, № 2.

Павлова Р. Сложные предлоги в русском и болгарском языках. (Из-за родительным падежом, поради, заради). Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1973, т. 32, вып. 4.

Ревзина О. Г., Ревзин И. И. Выражение согласовательными средствами значения определенности в славянских языках. В кн. Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Рускова М. П. Турецкие заимствования в болгарских письменных памятниках XVIII века. Сов. тюркология, Баку, 1973, № 2.

Сарока У. А. Намінаці посуду ў беларускіх народных казках і лексічна сістэма сучасных усходнеславянскіх літаратурных моў. Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология, 1973, № 2.

Семчинський С. В. Про лінгвістичну специфіку суперстрату. (Характер слов'яно-східнороманської мовної взаємодії). «Мовознавство», Київ, 1973, № 3.

Скупский Б. И. Об одном греческом соответствии славянского дательного самостоятельного. Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1973, № 4.

Суцрун А. Я. Аб звалюцы часцін мовы ў праславянскай мове. Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология, 1973, № 2.

Титова А. И. Устойчивые ассоциации лексем в славянских языках. Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология, 1973, № 2.

Токар Т. Я. Числівникові назви та їх форми в українських переселенських говірках Боснії. В кн. Українська народна лексика. Дніпропетровськ, 1973.

Токарь Г. С. Причинные предлоги vdik(y) и vď'aka в чешском и словацком языках. Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1973, № 4.

Толстой Н. И. О реконструкции праславянской фразеологии. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Топоров В. Н. Из истории балто-славянских языковых связей: анчутка. «Baltistica». Vilnius, 1973, № 9.

Топоров В. Н. К происхождению славянских флексий генитива. В кн. Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Трубачев О. Н. Лексикография и этимология. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Филин Ф. П. К проблеме происхождения славянских языков. В кн.

Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Фролова И. А. Из наблюдений над синтаксическим временем древнеславянского предложения. (По «Синайскому патерику»). В кн. Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973.

Ходова К. И. Структура отношений, выражаемых формами склонения имени существительного в старославянском языке. В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Цейтлин Р. М. Характеристика лексических и словообразовательных средств старославянского языка. (Их семантика и стилистические функции). В кн.

Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Чешко Е. В., Ревзин И. И. Соотношение морфологического и синтаксического уровней в категории падежа. (Падежи старославянского языка). В кн. Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. М., 1973.

Эккерт Р. К вопросу о ранних заимствованиях из славянских языков в балтийские и наоборот. «Baltistica», Vilnius, 1973, № 9.

Якавишыи У. С. Да пытання аб змяненні Ё ў славянскіх мовах. Беларус. лінгвістыка, Мінск, 1973, вып. 3.

Jonaityte A., Sudnik T. Об одном случае литовско-польской интерференции. «Baltistica», Vilnius, 1973, № 9.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1973, № 4

А. В. Аврамов. Политическая стратегия и тактика БКП в Сентябрьском восстании 1923 г.; С. Арабаджиев. Красный крестьянский интернационал (Крестинтерн) и события 1923 г. в Болгарии; Ил. Димитров. Фашистская Италия и правительство сговора в Болгарии в 1923 г.; Ив. Каркелов. Сентябрьское восстание 1923 г. в Разложском крае; Б. Григоров. Отношение социал-демократической партии к некоторым событиям непосредственно после Сентябрьского восстания 1923 г.; Г. И. Чернявский. Советская печать о Сентябрьском восстании в Болгарии в 1923 г.

«Литературна мисъл», 1973, № 4

Сентябрьская литература; Ж. Авджиев. «Глубокая кровавая борозда» в болгарской литературе; М. Цанева. Никола Фурнаджиев и Сентябрь 1923 г.; А. Илиев. Первые и последние шаги Гео Милева; Х. В. Савов. Духовный облик Сергея Румянцева.

«Zeitschrift für Slavistik», 1973, № 5

Е. Вайзе. К анализу польской синтаксической конструкции из области «безличного» или «неопределенно-личного» предложения; Т. Витковский. К вопросу о возникновении древнепольских географических названий. словарного богатства обращений; Х. Бауманн. Значение В. Е. Адогурова для развития русского литературного языка; Х. Грассхофф. Образ человека в русской литературе. Просвещение; Е. Пехштейн. Л. Н. Толстой на немецкой сцене; Е. Дикманн. К вопро-

рису о единстве семантической и формальной структуры литературного произведения; Э. Мирова-Флориз. Элементы романтического стиля в творчестве М. Горького и в ранней советской прозе; Д. Фрейдак. Список параллельного греческого текста к Успенскому сборнику.

«Kwartalnik Historyczny», 1973, № 3

А. Гуревич. Tripartitio christiana — tripartitio scandinavica; С. Былина. Unum ovile et unus pastor; Л. Хаас. Очерк польского маонства в последней четверти XVIII в.; А. Юзвенко. Отношение белых к возрождающейся Польше и ее границам.

«Przegląd Historyczny», 1973, № 3

Т. Котуля. Исследования муниципального статута поздней Мунципалити и колонии в Африке; Я. Беньяк. Всепольское вече в Жарнове 3—7 июня 1319 г. и коронация Владислава Локетка; Я. Тазбир. Враги и критики Фриц Моджевского; К. Бартицка. Пронагадистская деятельность Комиссии национального просвещения; Х. Булахх. Попытки превращения военного союза с Румынией в трехсторонний польско-французско-румынский союз в 1923—1924 гг.; З. Ляндау. Исследования национального дохода II Речи Посполитой и их пригодность для историко-экономических анализов.

«Pamiętnik Literacki», 1973, № 3

И. Мамчак. «Аминта» Торквато Тассо и перевод Яна Анджея Морштына; С. Скварчинская. Мицкевич в кру-

гу идей и постулатов Зульдера; Э. Янковский. Элиза Ожешко на наполеоновском тракте; И. Страдецкий. Общественные функции литературного вечера на примере литературной группировки «Скамаандр»; А. Богуславский. Прагматические свойства равнозначных выражений. Проект схемы; Б. Шидловская - Цегля. О некоторых литературных функциях названий музыкальных инструментов. На примере названий «bardon» и «lutnia».

«Slavia orientalis», 1973, № 3

П. Левиц. Восточнославянские паратеатральные формы XVI—XVIII вв. на тогдашних землях Речи Посполитой; Е. Цыбецко. Штырмер и Лермонтов; О. Глукко. Повествование в новелле Гаршина «Четыре дня»; И. Айзеншток. Украинские романтики и вопросы славянского единства; Э. Горнова. Участие поляков в Археологическом съезде в Киеве в 1874 г.; А. Барщевский. Поляки и польская литература в жизни Я. Купалы; Б. Струмичский. Восточнославянские аспекты польского *уваб*; Д. Поульс. О языковых контактах в диалекте западного Полесья.

«Język Polski», 1973, № 4

С. Росопд. Замечания о написании фамилии Коперника (По случаю 500-летия со дня его рождения); А. Заремба. О некоторых явлениях современного польского языка. Администрация и провинциализмы; Ф. Бизонь. Древнее *szukać* 'пытаться, пробовать' — латинизм или галлицизм?; М. Куцала. [Добавление к статье Ф. Бизоня]; М. Бжезина. Буква *j* (J) в рукописях XVIII—XIX вв. в свете орфографических предписаний; П. Смочинский. Свообразная смена названий местности *Chalupy* в Пуцком повяте.

«Československý časopis historický», 1973, № 5

Б. Кремненская. Николай Коперник — пионер современной науки (19 II 1473 — 24 V 1543); Я. Жижка. Февральский политический кризис и государственный аппарат народной демократии; О. Кодэдова. Общественная структура среднечешской деревни в конце 80-годов XIX в. и в начале XX в.; И. Спевачек. Крупные нотариусы-дипломаты первых Люксембургов в Чехии.

«Slovanský přehled», 1973, № 4

Я. Вавра. Сущность и проблемы чешско-русских культурных связей в период позднего феодализма; В. Жачек. О «тайной» войне Людовита Гая; Т. Иван-

тышина. Отношение русских славянофилов к славянскому вопросу в Австрии в первой половине 60-х годов XIX в.; В. Шостны. Молодое поколение словаков до первой мировой войны и чешское общество; Л. Деак. Советский Союз и пакт четырех западных держав.

№ 5

А. Дольши. Победа пролетарской революции в русской деревне; Л. Бразда. Руководящая роль рабочего класса в процессе ликвидации классов в советском обществе; М. И. Копашева. Из истории революционных связей прогрессивных молодежных организаций в Чехословакии в начале 20-х годов; Ф. Шром. Болгарская коммунистическая партия и вопрос рабочего-крестьянского союза в период Сентябрьского антифашистского восстания в 1923 г.; Г. Лозек. Анализ и критика новейших буржуазных работ по истории ГДР.

«Slovenská literatúra», 1973, № 4

М. Томчик. Два романа на одну тему; Т. Иванова. «Победное падение» Петра Илемницкого в типологическом сопоставлении с чешской и русской литературой.

«Slavia», 1973, № 4

П. Янчак. Приспособляемость чешского языка в сербохорватском окружении; О. Уличный. К характеристике системы падежей в чешском языке; Я. Микулашкова. Семантическая часть *až* с исторической точки зрения; З. Геник - Березовская. Элемент историзма в украинской литературной романтизме; В. Куделка. Словенская литература и экспрессионизм; Э. Михалек. Материалы к толкованию словаря Кларета; О. Зильнский. Ватрослав Ягич в своих поздних письмах; И. Фрид. Венгры о Палацком.

«Slovo a slovesnosť», 1973, № 3

К. Свобода. Структурные черты сложных предложений; П. Сгалл. Контекстные включения и вопросный метод; Л. Небеский. Об истинных элементах грамматики; Э. Скала. О немецком языке в Праге в XVI столетии.

«Slovenská reč», 1973, № 3—4

Й. Ружичка. Характерные черты синхронного состояния языка; Я. Сабол. О частотности морфем в словацком языке; М. Иванова - Шалингова. Об одном типе лексических различий в словацком и чешском языках; Ф. Буффал. Формы множественного числа типа *húsenec/húsatá* в словацком языке; Е. Бай-

зиков а. О некоторых конекторах в диалектных текстах; М. Марсинова. Глаголы типа *hodinárít'* у А. Бернолака; Я. Доруля. Из истории словацко-венгерских языковых отношений; А. Габовштяк. Названия кукушки в славянских языках; К. Габовштяков а. О развитии значений местоимений *aký, ktorý* в словацком языке; А. Краля. Марксистская теория языкового знака; П. Ондрус. Классификация и систематическое описание местоимений в словацком языке; Л. Двонч. Дериваты типа *Superčan* в словацком литературном языке.

«Jezik», 1972—1973, № 3

Д. Брозович. Об орфоэпической значимости долгого и удлинённого екавского ятя; М. Могущ. О протетическом *h*; Б. Фика. Об установлении нашей рыболовной терминологии; В. Анич. Причинные значения падежей в языке Миховила Павлиновича.

№ 4

Б. Фика. Об употреблении иноязычных элементов в хорватском литературном языке; Д. Брозович. Об орфоэпической значимости долгого и удлинённого екавского ятя; П. Радивоевич. Об изменении термина «предикватный атрибут».

№ 5

Д. Брозович. Дентальные перед аффрикатами: исчезают или произносятся?; Д. Брозович. Об орфоэпической значимости долгого и удлинённого екавского ятя; И. Пранькович. Лингво-стилистический анализ стихотворения Цесарича «*Zeljeznicom*».

«Jezik in slovstvo», 1972—1973, № 3

В. Нартник. Опыт новой трактовки фонологической системы словенского языка; Г. Коциян. Словесная художественная литература на сербохорватском языке; Ш. Барбарич. Литературно-музейное дело у нас и в других странах мира; Э. Михевц-Габровец. Профессору Милапу Грошелю семьдесят лет; Э. Штамнар. О семидесятилетии профессора Янка Юранчича.

№ 4

Я. Ротар. Переводы хорватской и сербской литературы на словенский язык после 1945 г.; М. Скубиц. Норма и система; В. Бричич. «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. Заметки на полях сербохорватского (и словенского) этимологического словаря; Ф. Безлай. Серб.-хорв. *gùmat*; серб.-хорв. диал. *jalovišće*; М. Скубиц. Восемидесятилетие проф. Станко Шкерля; М. Кмечл. Тине Орелу шестьдесят лет.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

26 ноября 1973 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященное национальному празднику народов Социалистической Федеративной Республики Югославии — Дню Республики и 30-й годовщине Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии.

Заседание открыл зам. директора Института д. и. н. А. И. Недорезов, который в своей краткой вступительной речи подчеркнул, что народы Советского Союза, связанные тесными узами дружбы с народами социалистической Югославии, искренне радуются большим успехам, достигнутым югославскими трудящимися в развитии экономики и культуры. А. И. Недорезов особо отметил выдающуюся роль Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева и Председателя Союза коммунистов Югославии, Президента СФРЮ тов. Йосипа Броз Тито во всестороннем развитии и укреплении советско-югославской дружбы и сотрудничества. Встречи руководителей СССР и СФРЮ, подчеркнул он, представляют важный вклад в дело дружбы братских народов Советского Союза и Югославии.

С докладом «Историческое значение Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии» выступил ст. науч. сотр. Института к. и. н. В. В. Зеленин, сосредоточивший свое внимание на анализе революционных процессов, происходивших в югославском обществе в ходе антифашистской Народно-освободительной войны и закрепленных в решениях Второй сессии АВНОЮ; состоявшейся в Яйце 29 ноября 1943 г. Провозглашение АВНОЮ высшим законодательным и исполнительным представительным органом Югославии и создание Национального комитета освобож-

дения Югославии как органа, обладающего всеми функциями народного правительства, отметил докладчик, ознаменовало собою завершение процесса строительства системы новой народной власти снизу доверху. Огромное значение для будущего народов Югославии имели решения о построении югославского государства на федеративном принципе, о запрещении возвращения в страну короля, о лишении эмигрантского правительства всех прав. «Все, что было уже сделано к моменту созыва Второй сессии АВНОЮ, — подчеркнул докладчик, — красноречиво говорит о том, что революционный процесс зашел очень глубоко, что в Югославии в ходе Народно-освободительной войны совершалась социальная революция в форме народно-демократической революции».

Развитию советско-югославской дружбы и сотрудничества на новом этапе был посвящен доклад ст. науч. сотр. Института к. и. н. Г. М. Славина. На обширном фактическом материале докладчик парировал широкую картину политических, экономических, научно-технических и культурных связей между двумя братскими социалистическими странами, подчеркнул их благотворное влияние для дела общественного прогресса, мира и социализма. Особый интерес у участников заседания вызвала та часть доклада Г. М. Славина, в которой содержался обширный материал о весьма разнообразных и плодотворных научных связях Института с научными учреждениями СФРЮ.

В заседании Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР приняли участие дипломатические сотрудники Посольства СФРЮ в СССР М. Маринкович и Н. Дубаич.

В. В.

К 60-летию ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР Д. Ф. МАРКОВА

5 ноября 1973 г. исполнилось 60 лет одному из ведущих советских литературоведов, члену-корреспонденту АН СССР, директору Института славяноведения и балканистики АН СССР Дмитрию Федоровичу Маркову.

Значение деятельности всякого ученого определяется тем вкладом, который он вносит в развитие науки, определяется степенью соответствия его научного творчества потребностям общества и потребностям современной науки. Вся научная

и научно-организационная деятельность Дмитрия Федоровича Маркова, длящаяся уже несколько десятилетий, находится на магистральном пути развития советской литературоведческой науки. Д. Ф. Марков — ведущий ученый в области литератур социалистических стран, закономерностей социалистического этапа в развитии мировой культуры и литературы. Его научные интересы гармонически сочетают историко-литературный подход с вниманием к методологическим и теоретическим вопросам.

Научная деятельность Д. Ф. Маркова охватывает несколько различных областей литературоведческой науки. С позиций марксистско-ленинской методологии он вносит ощутимый вклад в исследовании болгарской литературы нового и новейшего времени. Он принял активное участие в разработке концепции болгарского литературного процесса, положенной в основу советских «Очерков истории болгарской литературы XIX—XX вв.». Исследования Д. Ф. Маркова — «Болгарская поэзия первой четверти XX века» (1959), «Болгарская литература наших дней» (1969), многочисленные статьи, освещающие отдельные периоды и явления болгарской литературы, содержат глубокую и оригинальную трактовку многих сложных и малоисследованных проблем литературного процесса XX века в Болгарии. Многие концепционные выводы Д. Ф. Маркова нашли признание и одобрение не только в нашем, но и в болгарском литературоведении.

В 1964 г. в Софии вышла книга избранных работ Д. Ф. Маркова «О социалистическом реализме. История и современность», высоко оцененная в научных кругах Болгарии и давшая немало плодотворных импульсов для дальнейшей разработки центральных вопросов развития болгарской литературы конца XIX—XX века, равно как и для проблематики русско-болгарских литературных связей.

Исследование литературного процесса XX в. в трудах Д. Ф. Маркова направлено на выявление основных закономерностей формирования и развития эстетической системы социалистического реализма, ее истоков и путей развития. В этой связи неслучайным представляется обращение ученого к сопоставительному анализу процесса зарождения и развития новой литературы в разных странах, благодаря чему Д. Ф. Марков стал в нашем литературоведении инициатором сравнительного изучения социалистических литератур.

Д. Ф. Марков внес значительный вклад в разработку теории социалистического реализма. Поэтому столь большой интерес вызвала его монография «Генезис социалистического реализма. Из опыта южнославянских и западнославянских литератур» (1970), вышедшая также на

болгарском и словацком языках и готовящаяся к выходу в чешском и немецком изданиях. Д. Ф. Марков проводит в книге критику упрощенных и догматических взглядов на социалистический реализм, нередко препятствовавших нашему взаимопониманию с зарубежными коллегами. Рассматривая социалистический реализм как принципиально новую идейно-эстетическую систему, Д. Ф. Марков показывает широту и богатство ее художественной платформы, устанавливая вместе с тем ее идейно-эстетические границы и предостерегая как против упрощения и схематизма, так и против расплывчатости и аморфности критериев и принципов.

Круг научных интересов Д. Ф. Маркова не ограничен историей болгарской литературы, теорией социалистического реализма, методологией сравнительно-исторических исследований литературы. Он обращается к целому ряду смежных областей. В последнее время Д. Ф. Марков активно разрабатывает, в частности, методологию комплексных исследований разных сфер общественной жизни и культуры.

Нельзя не сказать и об огромной научно-организационной деятельности Д. Ф. Маркова, являющегося директором комплексного Института, где под его руководством ведется широкая деятельность по исследованию литератур социалистических стран, созданы истории зарубежных славянских литератур, коллективные труды — «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян» (1963), «Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе» (1966), «Формирование литературной марксистской критики в зарубежных славянских странах» (1972). Кроме того, Д. Ф. Марков — заместитель академика-секретаря Отделения языка и литературы, член Советского комитета славистов, председатель международной комиссии по истории славяноведения, член Президиума общества советско-болгарской дружбы и т. д.

Многогранная деятельность Д. Ф. Маркова в области научного творчества, организации научно-исследовательского процесса, подготовки новых научных кадров неоднократно получала высокую оценку как в нашей стране, так и за ее пределами.

Шестидесятилетие ученого было торжественно отмечено Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, где состоялось заседание Ученого совета, посвященное этому юбилею. Со словами приветствия, обращенными к юбиляру, выступили академик Б. А. Рыбаков, сотрудники Института С. В. Никольский, Л. Б. Валев, С. Б. Берштейн; от имени ИМЛИ им. Горького выступил В. Р. Шербина, от МГУ им. Ломоносова — Е. З. Цибенко, от АОН при ЦК КПСС — Л. Г. Яки-

менко, от Института военной истории — М. И. Деревянко, от секции общественных наук и от ОЛЯ — Г. И. Ломидзе, отметившие выдающиеся заслуги ученого в деле развития науки о литературе.

За эти заслуги и в связи с шестидесятилетием Д. Ф. Марков был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

И. К.

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ ЭКСПЕРТОВ ПО ПРОЕКТУ ЮНЕСКО «ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР»

В Варшаве 24 и 25 августа 1973 г. состоялось очередное консультативное совещание экспертов по Проекту ЮНЕСКО «Изучение славянских культур». В работе совещания, проходившего под председательством представителя секретариата ЮНЕСКО В. А. Тюриня, приняли участие эксперты от Болгарии, Польши, Советского Союза, Белоруссии, Украины, Чехословакии, Югославии и Франции. В центре внимания стояли вопросы: о реализации программы Проекта в 1973—1974 гг., о расширении международного сотрудничества, интернационализации Проекта и об укреплении его связей с Международным комитетом славистов.

В ходе обсуждения, как положительное явление, была отмечена деятельность национальных комитетов по изучению славянских культур, которые, опираясь на национальные комиссии ЮНЕСКО, координируют работу по настоящему Проекту в своих странах. К настоящему времени наибольшую активность проявили комитеты Советского Союза, Украины, Польши и Болгарии. Совещание рекомендовало использовать этот опыт в других странах для развертывания исследований в области культуры, литературы и искусства славянских народов.

На первом заседании были заслушаны сообщения экспертов от всех стран о реализации ранее намеченных мероприятий по Проекту. Принимая к сведению информацию экспертов, совещание в то же время высказалось за интенсификацию деятельности научных центров и отдельных творческих коллективов по реализации основных объектов: а) подготовке очерков в серии «Выдающиеся деятели славянской культуры», б) составлению альбомов по искусству славянских народов, в) составлению Антологии славянской лирики XIX — начала XX в. В целях улучшения отбора произведений искусства при составлении альбомов и укреплении координации работы национальных групп, занятых этим объектом, признано целесообразным провести в Болгарии в первой половине 1974 г. совещание непосредственных исполнителей из разных стран для выработки научно обоснованных критериев отбора произведений искусства и определения характера издаваемых альбомов. Совещание одобрило работу, проведенную советскими славистами-литературоведами по подготовке первоначального состава

Антологии славянской лирики. При этом были высказаны рекомендации, направленные на улучшение состава Антологии, и советскому Комитету было предложено завершить работу в первом квартале 1974 г., разослав окончательный состав во все национальные комитеты для согласования и последующего утверждения на очередном совещании экспертов.

В целях сосредоточения усилий всех стран-участниц Проекта на узловых научных проблемах, а также интернационализации программы деятельности Проекта, совещание экспертов высказалось за проведение в ближайшие годы трех представительных международных конференций комплексного характера: в 1974 г. в Москве по проблеме «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)»; в 1975 г. в Болгарии по проблеме «Славянские культуры и народы Балканского полуострова»; в 1976 г. в ГДР — «Славянские культуры в их взаимоотношениях с культурами западноевропейских народов».

Участники совещания, стремясь к увеличению состава активных членов Проекта, вынесли рекомендацию: просить секретариат ЮНЕСКО расширить состав экспертов Проекта, включив в него дополнительно: от славистов США — проф. Р. Пиккио, от славистов Великобритании — проф. Р. Отги, от славистов ГДР — проф. Г. Цигенгайста. Дальнейшее расширение состава экспертов будет происходить за счет представителей заинтересованных стран по мере активизации их научных центров и творческих коллективов в исследовании культуры славянских народов.

На второй день в работе консультативного совещания приняли участие члены Международного комитета славистов и представители национальных комитетов славистов из разных стран. Видные ученые-слависты — делегаты VII Международного съезда славистов, проходившего в это же время в Варшаве, познакомились с основными задачами Проекта, с проведенной национальными комитетами работой по реализации Проекта и с теми мероприятиями, которые намечаются на ближайшие три-четыре года. Эта деятельность участников Проекта встретила понимание и одобрение со стороны крупных ученых-славистов. В ходе обмена мнениями было высказано также пожелание об установлении более тесных контак-

тов между действующими международными организациями. В этой связи предлагается создать при Международном комитете славистов Комиссию по изучению культуры славянских народов, которая, с одной стороны, организовала бы изучение важнейших проблем культуры славянских народов в рамках международных съездов славистов, а с другой осуществляла функции координатора с Проектом. Первым шагом к сближению родственных международных организаций явилось выступление представителя секретариата ЮНЕСКО В. А. Тюрина

о Проекте на заключительном пленарном заседании VII Международного съезда славистов.

Работа консультативного совещания экспертов протекала в деловой и дружеской обстановке, чему немало содействовало активное участие в нем представителей Национальной комиссии Польши по делам ЮНЕСКО и руководства Института искусства Польской академии наук, гостеприимно принимавших всех участников прошедшего совещания.

В. И. Злыднев

CONTENTS

- E. G. Lavrik.* The politics of the slovak communists on agrarian question at the first stage of the national democratical revolution. *N. N. Pukhlov.* To the history of the connections between the Polish and Russian Social Democrats in 1890-th. *V. A. Artamonov.* The Russian-Polish relations at the Walna Rade in 1710. *L. S. Kishkin.* The historical thematics in Mikolash Alesh's creations. *O. Lapatukhina.* Realism and Naturalism in Reimont's novel «The Promised Land» 3

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

- A. I. Marchenko.* Kuibyshev's period of Zdeněk Nejedlý's activity. *Yu. K. Begunov.* Bulgaria's ancient Emblem and Ulrich Richental's «Chronicle of the Council of Konstanza». *M. V. Nikulina.* M. S. Drinov's letters to V. V. Makushev (1870—1875) 56

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- Ja. S. Melnichuk.* Ivan Franko on the revolutionary events of 1848—1849 in the Slav regions of the Austrian Empire 70

REVIEW-ARTICLES AND REWIEWS

- Д. В. Melcer.* Веселин Хаджиниколов. Георги Димитров и съветската общественост. 1934—1945. *N. P. Manancikova.* M. M. Freidenberg. Village and the city life in Dalmacia in XIII—XX centuries. *M. Kuchinko.* A. Nowakowski. Górne Pobuże w wiekach VIII—XI. *S. Sherlaimova.* 150 years of the Slovak lyric poetry. *Yu. I. Ritchik.* The circulation and perception of the Czech literature in the German lingual region. *Yu. K. Begunov, P. Boicheva.* The new work of the Bulgarian scientists on Gregory Ciablak's creative heritage *S. B. Bernshtein.* «The Polish patois in the USSR», p. 1, 2. *G. K. Venediktov.* The new bibliographical guide of literature of the Bulgarian national Renaissance period 74

Bibliography

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1973. The Contents of Foreign Periodicals 94

SCIENTIFIC LIFE

- V. V.* At the Institute for Slavonic and Balkan Studies. *I. K.* On the 60-th Anniversary D. F. Markov. *V. I. Zlydnev.* The consultative conference of the experts on the Slav Project of UNESCO 108

Технический редактор *Сенченко Т. Н.*

Сдано в набор 11/XII-1973 г.	Т—01938	Подписано к печати 12/I-1974 г.	Тираж 1265 экз.
Зак. 3252	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 9,8	Бум. л. 31 ¹ / ₂ Уч.-изд. л. 11,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Г 19

СУВОРОВСКИЙ Б-Р 25 КВ 6

ВЕНЕДИКТОВ Г К

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К